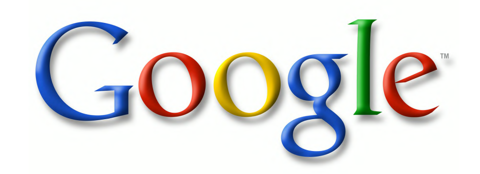

UC-NRLF
B 3 775 786

А. В. АРСЕНЬЕВЪ

СТАРЫЯ БЫВАЛЬЩИНЫ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И КАРТИНКИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1892

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

СОДЕРЖАНІЕ.

Разсказы изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи.

I.

Историческое введеніе.

1701—1797 гг.

Предлагаемые одиннадцать очерковъ изъ старинной судебной практики тайныхъ розыскныхъ учрежденій по дѣламъ объ оскорбленіи царскаго достоинства и чести словами, въ хронологической послѣдовательности своей обнимаютъ цѣлое столѣтіе.

Мы увидимъ здѣсь дѣла, возникшія въ царствованія Петра Великаго, Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны, Екатерины II и, наконецъ, Павла I.

Всѣ они, описаніемъ живыхъ нравовъ и подлинно бывшихъ фактовъ, характеризуютъ свою эпоху и даютъ понятіе о жизни и взглядахъ нашихъ предковъ.

Дики были эти взгляды на нѣкоторые предметы, но ничуть не необыкновенны—они были совре-

менны и понятны для своей эпохи и не должны насъ удивлять.

Всѣ націи въ мірѣ, совершая свой историческій ростъ и развитіе, прошли тѣ же самыя стадіи, какъ и мы, впадали въ такія же ошибки, были такъ же мало развиты въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ.

Наши легендарные застѣнки Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляріи—ничто въ сравненіи съ тюрьмами испанской инквизиціи.

Жестокіе розыски и пытка въ Россіи были узаконены «Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича», который вовсе не былъ жестокимъ государемъ, а наоборотъ,—заслужилъ у современниковъ названіе «тишайшаго», которое сохранило за нимъ и потомство.

Пытка была необходимою принадлежностью всякаго судебнаго слѣдствія и допроса и употреблялась даже въ волостныхъ народныхъ судахъ.

Показанію, вымученному истязаніемъ, придавали значеніе юридической правды, и какъ ни ложенъ, на нашъ взглядъ, такой способъ добиваться истины, но тогда онъ былъ одобряемъ и принятъ всѣми.

Даже свѣтлая и разумная голова Петра Великаго, стоявшаго по идеямъ и взглядамъ гораздо выше современниковъ, раздѣляла то же мнѣніе и Преображенскій Приказъ день и ночь безпрестанно оглашался стонами пытаемыхъ и наказываемыхъ.

Характеристиченъ случай, бывшій въ эту эпоху.

Князь-кесарь Өедоръ Юрьевичъ Ромодановскій повздорилъ какъ-то съ извѣстнымъ сотрудникомъ Петра высокоученымъ Яковомъ Вилимовичемъ Брюсомъ и обидѣлъ его.

Брюсъ немедленно же пожаловался Петру, и государь, заступаясь за Брюса, написалъ Ромодановскому: «Полно тебѣ съ Ивашкою (т. е. пьянствомъ) знаться — быть отъ него рожѣ драной»...

Ромодановскій отвѣтилъ Петру: «Некогда намъ съ Ивашкою знаться — безпрестанно въ кровяхъ омываемся»... Этимъ онъ указывалъ на свою трудную должность начальника Преображенскаго Приказа, гдѣ ему ежедневно приходилось пытать и допрашивать множество людей.

Преображенскій Приказъ возникъ послѣ 1697—98 гг., когда былъ открытъ и наказанъ заговоръ Пушкина, Циклера и Соковнина, а стрѣльцы уничтожены и разосланы по разнымъ городамъ. Караулъ въ Москвѣ заняли молодые петровскіе полки: Преображенскій, Семеновскій и Бутырскій, а всѣ дѣла по нарушенію городского порядка и безопасности — о пьянствѣ, дракахъ и проч., а также о корчемствѣ, продажѣ табаку, которая была запрещена, — судились въ приказной избѣ села Преображенскаго.

Начальникомъ ея былъ ближній стольникъ и любимецъ Петра, князь Өедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, облеченный во время отсутствія Петра какимъ-то подобіемъ царской власти и носившій названіе князя-кесаря.

Съ теченіемъ времени дѣла приказной избы разрослись и увеличились присоединеніемъ къ дѣламъ полицейскимъ уголовныхъ дѣлъ, и изба получила названіе Преображенскаго Приказа. Въ 1702 году вышелъ указъ, которымъ повелѣвалось всѣ дѣла о «словѣ и дѣлѣ» пересылать также въ Преображенскій Приказъ[1]), и съ этого времени всѣ они стекались въ это одно мѣсто, тогда какъ прежде разбирались въ Судномъ Приказѣ.

Дѣло о «словѣ и дѣлѣ государевомъ»—это характеристическая особенность той давно прожитой эпохи. Это были дѣла первой политической важности и всегда влекли за собою тяжкое наказаніе. Никто, отъ самаго незначительнаго простолюдина до высшаго сановника и любимца государева, не могъ отвратить отъ себя слѣдствія, если сказывалось на него слово и дѣло, и никакой судъ не смѣлъ потушить такого дѣла и не дать ему хода.

Ужасъ передъ такими дѣлами былъ настолько великъ, и узаконенія относительно ихъ были такъ строги, что гдѣ бы, кто бы ни объявилъ «слово и дѣло», его тотчасъ, безъ малѣйшихъ проволочекъ и откладывая другія дѣла и надобности, пересылали въ Тайную Канцелярію, заковавъ по рукамъ и ногамъ и сторонясь, какъ отъ зачумленнаго.

Сказывавшему «слово и дѣло» и доносившему на кого нибудь, давали «первый кнутъ», т. е. пы-

[1]) Полн. Собр. Законовъ, т. IV, ст. 1918.

тали для подтвержденія доноса, а потомъ пытали и допрашивали и всѣхъ оговоренныхъ доносчикомъ. Въ случаяхъ запирательства, давали очныя ставки и усиливали пытку, и всегда такое слѣдствіе объ одномъ дѣлѣ увеличивало безпрестанно число привлеченныхъ къ допросу, такъ какъ малѣйшее участіе, да и не участіе, а простое упоминаніе допрашиваемымъ какого нибудь новаго имени влекло за собой немедленные розыски этого лица, привлеченіе въ застѣнокъ и строгій допросъ.

Часто, при допросахъ по одному дѣлу, подсудимаго заставляли разсказывать всю жизнь, всѣ мельчайшіе факты прожитого, даже и не относящіеся къ дѣлу, а справки и розыски о немъ на сторонѣ дополняли, подтверждали или опровергали его показанія, и при этомъ всплывали наружу такія дѣла, которыя человѣкъ считалъ навѣки скрытыми и схороненными. Человѣкъ получалъ позднее возмездіе за проступки, уже забытые имъ, можетъ быть оплаканные и искупленные передъ собственною совѣстью и прощенные ею.

Человѣкъ, считавшійся и бывшій честнымъ въ настоящемъ, побывавъ въ застѣнкахъ Тайной Канцеляріи, послѣ такого подозрительнаго и безцеремоннаго выворачиванія души и далекаго прошлаго, выходилъ часто опозореннымъ, съ клеймомъ вѣчнаго презрѣнія и ужаса,—съ рѣзанымъ языкомъ, рваными ноздрями.

Жестокое наказаніе слѣдовало и тѣмъ, кто ложно сказывалъ слово и дѣло, и часто, произнесши эти страшныя слова спьяну, доносчикъ, чтобы

вывернуться изъ бѣды, придумывалъ, припоминалъ какой нибудь самый пустякъ, слышанный имъ гдѣ либо о царѣ или его дѣйствіяхъ,— и вслѣдъ за этимъ летѣли пристава, производились аресты, пытали оговоренныхъ и такъ далѣе.

«Слово и дѣло» кричали изъ мести, на площадяхъ, чтобы насолить ворогу, кричали люди, которыхъ за что либо били, расправляясь своимъ судомъ, чтобы остановить эти побои, такъ какъ вслѣдъ за произнесеніемъ этихъ словъ тотчасъ же кричавшаго отсылали въ Тайную Канцелярію, ни мало не медля—и все это доставляло работу застѣнкамъ и заплечнымъ мастерамъ— палачамъ.

Дыба, виска, встряска, кнуты, жженіе огнемъ, какія-то ужасныя по жестокости спицы,— все это было въ безпрестанномъ ходу и употребленіи, обливалось кровью...

Таковы были дѣла о страшномъ «словѣ и дѣлѣ государевомъ».

Время шло, а вмѣстѣ съ нимъ въ народное сознаніе входили и новыя идеи и понятія. Прежніе юридическіе взгляды на слѣдствіе смягчались, но очень медленно, и много нужно было времени, слишкомъ сто лѣтъ, чтобы окончательно уничтожить пытку при допросахъ.

Первый проблескъ гуманныхъ взглядовъ, проникшихъ въ законодательство относительно пытокъ, мы видимъ въ 1742 году, въ первый годъ царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

Августа 23-го, 1742 года, вышелъ указъ, отмѣ-

няющій пытку и смертную казнь для малолѣтнихъ преступниковъ [1]). Поводомъ къ этому было дѣло дѣвочки Прасковьи Ѳедоровой, убившей топоромъ въ лѣсу двухъ другихъ дѣвочекъ за то, что онѣ отнимали у нея набранныя ею таловыя вички [2]).

Въ это же царствованіе мы видимъ два другихъ узаконенія, свидѣтельствующихъ, что ненужность пытки входила въ сознаніе законодателя.

Первый изъ нихъ, указъ сенатскій отъ 28-го ноября 1751 года [3]), въ которомъ говорилось: «и какъ возможно доходить, дабы найти правду чрезъ слѣдствіе, а не пыткою, и когда чрезъ такое слѣдствіе того изыскать будетъ не можно, то больше о томъ не слѣдовать, а учинить имъ за то, въ чемъ сами винились».

Второй указъ, отъ 25-го декабря того же года, «объ отмѣнѣ пытки въ слѣдствіяхъ по дѣламъ о корчемствѣ, т. е. о недозволенной продажѣ безакцизной водки» [4]).

Но всѣ эти указы, смягчающіе только немного жестокость слѣдствія, являются какъ-то робко и ограничиваютъ существующее зло въ самыхъ незамѣтныхъ размѣрахъ. Пытка по дѣламъ о «словѣ и дѣлѣ» производится еще со всею жестокостью петровскихъ временъ, хотя въ Тайной розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи начальствуетъ уже другой,

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XI, ст. 8601.

[2]) Г. Есиповъ. Раскольн. дѣла XVIII стол.

[3]) Полн. Собр. Зак., т. XIII, ст. 9912.

[4]) Тамъ же, т. XIII, ст. 9920.

новѣйшій человѣкъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, а не прежній недальняго ума и жестокій князь Ромодановскій.

Первое громкое, гуманное и краснорѣчивое слово противъ пытки и ужасовъ Тайной Канцеляріи, а также объ уничтоженіи дѣлъ «о словѣ и дѣлѣ» сказалъ на всю Россію недолговѣчный императоръ Петръ III, и заставилъ Россію свободно вздохнуть.

1762 года, февраля 7-го, Петръ III объявилъ въ Сенатѣ, что отнынѣ Тайной розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи быть не имѣетъ, а 21-го февраля изданъ былъ во всеобщее свѣдѣніе манифестъ [1]).

Манифестъ этотъ такъ прекрасенъ и краснорѣчивъ, что мы выписываемъ изъ него большую часть:

«Всѣмъ извѣстно, что къ учрежденію тайныхъ розыскныхъ канцелярій, сколько разныхъ именъ имъ не было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, монарха великодушнаго и человѣколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства и неисправленные еще въ народѣ нравы.

«Съ того времени отъ часу становилось меньше надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ; но какъ Тайная Канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ, то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни

[1]) Тамъ же, т. XV, ст. 11445.

и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ и непріятелей. Вышеупомянутая Тайная розыскныхъ дѣлъ Канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ Сенатъ, но за печатью къ вѣчному забвенію въ архивъ положатся.

«Ненавистное израженіе, а именно «слово и дѣло», не долженствуетъ отнынѣ значить ничего, и мы запрещаемъ—не употреблять онаго никому; о семъ, кто отнынѣ оное употребитъ, въ пьянствѣ или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники. Напротивъ того, буде кто имѣетъ дѣйствительно и по самой правдѣ донести о умыслѣ по первому или второму пункту, такой долженъ тотчасъ въ ближайшее судебное мѣсто или къ ближайшему же воинскому командиру немедленно явиться и доносъ свой на письмѣ подать, или донести, словесно, если кто не умѣетъ грамотѣ. Всѣ въ воровствѣ, смертоубійствѣ и въ другихъ смертныхъ преступленіяхъ пойманные, осужденные и въ ссылки, также на каторги сосланные колодники, ни о какихъ дѣлахъ доносителями быть не могутъ. Если явится доноситель по первымъ двумъ пунктамъ, то его немедленно подъ караулъ взять и спрашивать, знаетъ ли онъ силу помянутыхъ двухъ пунктовъ, и если найдется, что не знаетъ и важнымъ дѣломъ

почелъ другое, такъ тотчасъ отпускать безъ наказанія. Если же найдется, что доноситель прямое содержаніе двухъ первыхъ пунктовъ знаетъ, такого спрашивать тотчасъ, въ чемъ самое дѣло состоитъ; когда же дѣло свое доноситель объявитъ, а къ доказательству ни свидѣтелей, ниже что либо достовѣрнаго на письмѣ не имѣетъ, такого увѣщать, не напрасно ли на кого затѣялъ? Если доноситель не отречется отъ своего доноса, то посадить на два дня подъ крѣпкій караулъ и не давать ему ни питья, ни пищи, но оставить ему все сіе время на размышленіе; по прошествіи же сихъ дней, паки спрашивать со увѣщаніемъ, истиненъ ли его доносъ, и буде и тогда утвердится, въ такомъ случаѣ подъ крѣпкимъ карауломъ отсылать, буде близко отъ Санктпетербурга или Москвы, то въ Сенатъ или въ Сенатскую Контору, буде же нѣтъ, то въ ближайшую губернскую канцелярію, а того или тѣхъ, на кого онъ безъ свидѣтеля или письменныхъ доказательствъ доноситъ, подъ караулъ не брать, ниже подозрительными не считать до того времени, пока дѣло въ вышнемъ мѣстѣ надлежаще разсмотрѣно будетъ, и объ тѣхъ на кого донесено, указъ послѣдуетъ».

Вотъ какое новое и гуманное слово было произнесено въ самый разгаръ существованія Тайной Канцеляріи и «слова и дѣла».

Этимъ учрежденіямъ былъ нанесенъ разрушающій ударъ; послѣ этого ихъ уже стало невозмож-

нымъ возобновить во всей полнотѣ и жестокости.

Екатерина II, вмѣсто Тайной Канцеляріи, учредила при Сенатѣ тайную экспедицію, которая дѣйствовала уже по большей части мѣрами сравнительно кроткими, но пытка все еще существовала, какъ законное средство найти правду.

Екатерина II нѣсколько разъ издавала указы объ ограниченіи пытки. Такъ, напримѣръ, указомъ 1762 г. декабря 25-го [1]) подтверждалось поступать въ пыткахъ по дѣламъ «со всевозможною осмотрительностью» и назначался «тяггчайшій по указамъ штрафъ за ненужную пытку».

Черезъ мѣсяцъ Екатерина II снова объявила Сенату, «чтобъ стараться какъ возможно кровопролитіе уменьшить, пытать, когда всѣ способы не предуспѣютъ».

Окончательно уничтожить пытку боялись, ожидая, что отъ этого смягченія грубый народъ перестанетъ бояться закона.

Въ 1767 году, іюня 7-го, за мѣсяцъ съ небольшимъ до знаменитаго «Наказа», Святѣйшій Синодъ первый уничтожилъ совсѣмъ пытку въ отношеніи священнослужителей, а также тѣлесныя наказанія, какъ унижающія духовный санъ въ глазахъ всѣхъ людей, и замѣнилъ ихъ «приличными духовенству трудами и отрѣшеніемъ отъ дохода и отъ прихода по разсмотрѣнію».

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, ст. 11717.

Наконецъ въ «Наказѣ» Екатерины II 1767 г. іюня 30-го [1]) появились слѣдующія строки:

«Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію, само человѣчество вопіетъ противъ оныхъ и требуетъ, чтобъ она была вовсе уничтожена.

«Мы видимъ теперь народъ, гражданскими учрежденіями весьма прославившійся, который оную отмѣняетъ, не чувствуя оттуда никакого худого слѣдствія, чего ради она ненужна по своему естеству».

Но и послѣ этихъ гуманныхъ словъ пытка еще существовала, хотя уже и въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ; просуществовавъ цѣлыя столѣтія, она не безъ борьбы оставляла свое мѣсто, и потребовалось много энергическихъ усилій, чтобы уничтожить ее навсегда и отовсюду, что и выпало, наконецъ, на долю благодушнаго монарха Александра I въ 1801 году.

Вотъ краткій очеркъ исторіи существованія двухъ темныхъ учрежденій: Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляріи.

Послѣ этого нижеслѣдующіе очерки будутъ гораздо понятнѣе и они своею фактическою, бытовою стороною, такъ сказать, иллюстрируютъ все сказанное нами въ этихъ строкахъ.

---

[1]) Тамъ же, т. XVIII, ст. 12949.

II.

Какъ кочетковскій попъ видѣлъ Петра I-го.

(1708 г.).

Смирный и скромнаго житія попъ Козловскаго уѣзда, Кочетковской слободы, ѣздилъ въ Москву по дѣламъ и пробылъ тамъ нѣсколько недѣль.

Никогда не бывавшій въ столичныхъ городахъ и ничего, кромѣ своей слободы, консисторіи, да благочиннаго, не видавшій, кочетковскій попъ заставилъ свою попадью прождать его долѣе, чѣмъ слѣдовало, увлекшись представившимся ему, можетъ быть единственнымъ, случаемъ посмотрѣть на столичныя диковинки.

Попадья такъ соскучилась по мужѣ, что успѣла уже попросить дьякона написать попу письмо и отослать его «съ вѣрною оказіею».

Получивъ письмо отъ жены, попъ опомнился, ибо сообразилъ, что попадья его очень терпѣлива, и что если она рѣшилась даже письменно просить его воротиться, то значитъ ужь очень соскучилась.

Необходимо было поскорѣе успокоить попадью и домочадцевъ, и вотъ попъ, покончившій всѣ дѣла и досыта насмотрѣвшійся на Москву, собрался домой къ своей осиротѣвшей кочетковской паствѣ.

Помимо извѣстія объ удачномъ окончаніи дѣлъ, попъ повезъ домой цѣлую кучу разсказовъ о Мо-

сквѣ и ея рѣдкостяхъ и диковинахъ. Недаромъ же онъ встревожилъ попадью своимъ долгимъ отсутствіемъ—въ это время любознательный попъ значительно расширилъ свой кругозоръ новыми наблюденіями въ сферахъ, ему прежде неизвѣстныхъ. Онъ видѣлъ много зданій, нѣсколькихъ вельможъ, о которыхъ въ его кочетковскомъ захолустьи ходили смутные и чудесные разсказы, онъ видѣлъ даже, собственными глазами на близкомъ разстояніи, самого великана—царя Петра Алексѣевича, чудо и загадку всей Руси!

То-то много будетъ разсказовъ, когда соберутся къ попу сосѣди вокругъ стола за угощеніемъ, то-то будетъ разспросовъ, аханья, оханья и удивленія!

Съ такими мыслями подъѣхалъ попъ къ своему дому и брякнулъ скобой у калитки. Въ домѣ поднялась суматоха; мать-попадья вышла встрѣтить его и послѣ радостныхъ лобызаній не преминула укорить попа за долгое отсутствіе; но попъ смолчалъ по обыкновенію, надѣясь впослѣдствіи пристыдить ее разсказомъ объ удачномъ окончаніи дѣлъ.

— Вотъ ты, мать, буесловишь, яко-бы я позадавнѣлъ на Москвѣ, а я тебѣ скажу, что надо человѣка съ умомъ, да и съ умомъ, чтобы этакія дѣла оборудовать въ столицѣ, началъ попъ свое повѣствованіе о дѣлахъ, сидя за наскоро собранной закуской.

— Столица-то, мать моя, не то, что нашъ деревенскій уголъ—въ ней ходи, да оглядывайся.

— Говори дѣло-то, батька, прервала попадья потокъ его краснорѣчія, и попъ перешелъ къ обстоятельному разсказу о дѣлахъ и консисторскихъ мытарствахъ.

Попадья осталась довольна попомъ, услышавъ о результатахъ его путешествія въ столицу, и вскорѣ усталый попъ захрапѣлъ за ситцевымъ пологомъ, отдыхая съ дороги.

Вѣсть о пріѣздѣ попа изъ Москвы разнеслась по всей слободѣ, и къ вечеру всѣ мало-мальски значительные кочетковскіе обыватели начали собираться къ нему, чтобы послушать розсказней о дальней столицѣ. Отдохнувшій уже попъ расхаживалъ изъ угла въ уголъ, когда вошелъ къ нему отецъ-дьяконъ, а вслѣдъ за нимъ и дьячокъ съ пономаремъ.

Вскорѣ изба попа наполнилась разнымъ народомъ; всѣ поздравляли его съ пріѣздомъ, освѣдомлялись о дорогѣ, о родныхъ и знакомыхъ, а потомъ разговоръ перешелъ и на предметы, имѣющіе общій интересъ. Попъ овладѣлъ бесѣдой, вопросы сыпались со всѣхъ сторонъ, и на всякій находилось что нибудь отвѣтить—недаромъ же кочетковскій попъ позадавнѣлъ на Москвѣ.

— А царя, отецъ, видѣлъ на Москвѣ? возникъ, наконецъ, самый интересный вопросъ.

— Сподобился, друже, сподобился, — видѣлъ единожды, и по грѣхамъ моимъ въ великое сумнѣніе пришелъ, да надоумили добрые люди...

— Что же онъ?.. страшенъ?..

— Зѣло чуденъ и непонятенъ: ростомъ, яко-бы

мало поменѣ сажени, лицомъ мужественъ и грозенъ, въ движеніяхъ и походкѣ быстръ, аки пардусъ, и всѣмъ образомъ, аки иноземецъ: одѣяніе нѣмецкое, на головѣ шапочка малая солдатская, кафтанъ куцый, ноги въ чулкахъ и башмаки съ пряжками желѣзными.

Слушатели ахнули при такомъ описаніи царя Петра Алексѣевича, и на попа снова посыпалась масса вопросовъ: гдѣ видѣлъ, какъ, что онъ говорилъ, что дѣлалъ?..

— А видѣлъ я царя, какъ онъ съѣзжалъ со двора князя Александра Даниловича Меншикова въ колымагѣ. И мало отъѣхавъ, побѣжала за каретой съ двора собачка невелика, собой поджарая, шерсти рыжей, съ зеленымъ бархатнымъ ошейничкомъ, и съ превеликимъ визгомъ начала въ колымагу къ царю проситься...

Слушатели навострили уши, боясь проронить хоть слово.

— И великій царь, увидя то, велѣлъ колымагу остановить, взялъ ту собачку на руки и, поцѣловавъ ее въ лобъ, началъ ласкать, говоря съ нею ласково, и поѣхалъ дальше, а собачка на колѣняхъ у него сидѣла...

— Воистину чуденъ и непонятенъ сей царь! пробасилъ отецъ дьяконъ и сомнительно покачалъ головой.

— Да ты не врешь ли, батька? ввернула свое замѣчаніе попадья, но попъ только укоризненно посмотрѣлъ на нее.

— Своими глазами видѣлъ, и еще усумнился—

царь ли это? и мнѣ сказали: «царь, подлинно царь Петръ Алексѣевичъ», а дальше видѣлъ я, какъ солдаты честь ружьями колымагѣ отдавали, караулы выбѣгали.

Разсказъ попа вызвалъ разные толки,—кто удивлялся, кто осуждалъ царя.

— На-ко-ся! ну подобаетъ ли царю благовѣрному собаку въ лобъ цѣловать, погань этакую, да и еще при народѣ!..

Поздно разошлись гости попа, всякъ толкуя посвоему о слышанномъ, а всего больше говорили о царѣ, который с о б а к у цѣловалъ.

Проводивъ гостей, попъ съ мирной душой и свѣтлыми мыслями улегся спать.

На другой день разсказъ попа ходилъ уже по всей волости, а тамъ пошелъ и дальше, и въ народѣ произошло нѣкоторое смущеніе. Люди мирные покачивали головами, а злонамѣренные и недовольные перетолковывали его по-своему и находили въ немъ подтвержденіе своихъ разговоровъ о «послѣднихъ временахъ», «царствѣ антихристовомъ» и проч.

Разсказъ дошелъ, наконецъ, и до начальства; смущенныя власти начали доискиваться начала, откуда разсказъ пошелъ, и черезъ нѣсколько времени смирный кочетковскій попъ былъ потребованъ по «важному секретному дѣлу» въ уѣздный городъ Козловъ, а оттуда его отправили подъ крѣпкимъ карауломъ въ Москву, въ Тайную Канцелярію.

Защемило сердце у попа; однако, какъ ни раз-

мышлялъ онъ, не могъ найти вины за собой. Въ Москвѣ, кажется, онъ велъ себя честно и благородно, въ консисторіяхъ дѣла сдѣлалъ хорошо— что же это такое?

Только въ Преображенскомъ Приказѣ разъяснилось дѣло, когда строгій князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій началъ допрашивать попа: подлинно ли говорилъ онъ, попъ, что видѣлъ царя Петра Алексѣевича, какъ онъ собаку поцѣловалъ въ лобъ?

— Видѣлъ подлинно! утверждалъ попъ, и говорилъ объ этомъ;—собачка рыженькая и ошейничекъ зеленой бархатной съ ободкомъ и замочкомъ мѣдянымъ.

— А коли видѣлъ [1]), то чего ради распространялъ такіе продерзостные слухи?

— Государь сдѣлалъ это не таяся, днемъ и при народѣ, оправдывался попъ,—чаятельно мнѣ было, что и зазорнаго въ томъ нѣтъ, коли разсказывать.

— А вотъ съ твоихъ неразумныхъ разсказовъ въ народѣ шумъ пошелъ. Чѣмъ бы тебѣ, попу, государево спокойствіе оберегать, а ты смуты заводишь, нелѣпые разсказы про царя разсказываешь!.. Отвѣчай, съ какого умыслу, не то—на дыбу!

---

[1]) Фактъ, разсказываемый попомъ, совершенно правдоподобенъ, и въ немъ нельзя сомнѣваться: «Лизета», была любимая собака Петра Великаго, съ которою Петръ обращался весьма нѣжно, и она часто его сопровождала въ поѣздкахъ. Чучела ея и любимой лошади Петра находятся въ Петровской галереѣ Императорскаго Эрмитажа въ Петербургѣ.

Тутъ ужь попъ струсилъ не на шутку, понявъ свою простоту и догадавшись, что дешево не отдѣлаешься отъ Преображенскаго Приказа.

— Съ простоты, княже, съ сущей простоты, а не со злого умысла! взмолился кочетковскій попъ передъ Ромодановскимъ;—прости, княже, простоту мою деревенскую! Каюсь, какъ передъ Богомъ!

— Всѣ вы такъ-то говорите—съ простоты! а я не повѣрю, да велю тебя на дыбу вздернуть!

Однако, попа на дыбу не подняли, а навели о немъ справки, и когда оказалось, что кочетковскій попъ—человѣкъ совсѣмъ смирный и благонадежный, а коли говорилъ, такъ именно «съ сущей простоты», а не злобою, то приказано было постегать его плетьми, да и отпустить домой съ наказомъ—не распространять глупыхъ разсказовъ.

— Это тебѣ за простоту, сказалъ ему Ромадановскій, отпуская домой,—не будь впередъ простъ и умѣй держать языкъ за зубами. Съ твоей-то вотъ простоты чести его царскаго величества поруха причинилась, и ты еще моли Бога, что такъ дешево отдѣлался! Ступай же, да не болтай впередъ пустого!

Не веселъ пріѣхалъ попъ домой послѣ московскаго угощенія, и когда снова слобожане собрались было къ нему послушать разсказовъ, попъ и ворота на щеколду заперъ, и самъ не показался.

И долго еще пришлось попу отдѣлываться при встрѣчахъ отъ любопытныхъ съ разспросами о

московской поѣздкѣ, а когда рѣчь заходила о царѣ, то попъ въ страхѣ только обѣими руками замахаетъ, да поскорѣе прочь пойдетъ, чтобы снова не попасть въ бѣду «съ простоты»...

III.

Корабельный столяръ и «Анна Ивановна».

(1732 г.).

У столяра адмиралтейской коллегіи Никифора Муравьева было давнишнее дѣло въ Коммерцъ-коллегіи, тянувшееся уже четыре года, съ 1729-го.

Дѣло заключалось въ томъ, что онъ подалъ въ Коммерцъ-коллегію челобитную на англичанина, купеческаго сына Пеля Эвенса, обвиняя его въ «боѣ и безчестіи» и прося удовлетворенія себѣ «по указамъ».

«Бой и безчестье» эти произошли, конечно, отъ того, что столяръ Никифоръ, нанявшись работать у англичанина, часто загуливалъ, ревностно справлялъ всѣ праздники, установилъ еще и свой собственный праздникъ—«узенькое воскресенье», т. е. понедѣльникъ, и тѣмъ крайне досаждалъ своему хозяину, у котораго оттого работа стояла.

И вотъ, въ одно прекрасное узенькое воскресенье Пель Эвенсъ, раздосадованный пьянствомъ Никифора, расправился съ нимъ по-своему, изру-

галъ, какъ ни есть хуже, надавалъ хорошихъ тумаковъ и прогналъ.

Обиженный столяръ задумалъ отомстить англичанину судомъ и подалъ на него челобитную въ Коммерцъ-коллегію, но рѣшенія своего дѣла столяру пришлось ждать слишкомъ долго.

«Жившіе мздою» чиновники не очень-то торопились съ этимъ дѣломъ, можетъ быть и потому, что купецкій сынъ Пель Эвенсъ частенько навѣдывался по своимъ дѣламъ въ Коммерцъ-коллегію и успѣлъ уже задобрить чиновниковъ, а голый столяръ имъ не представлялъ никакой поживы.

Такъ или иначе, но столяръ ходилъ годъ, другой, третій, и наконецъ четвертый въ коллегію справляться о дѣлѣ, а оно все лежало подъ сукномъ и все ждало своего рѣшенія. Никифоръ Муравьевъ все не терялъ надежды получить удовлетвореніе «по указамъ» и надоѣдалъ коллежскимъ чиновникамъ своими визитами, а они только твердили ему, что «жди-молъ,—рѣшеніе учинятъ, когда дѣло разсмотрится».

И долго бы еще пришлось такимъ образомъ ходить Муравьеву въ коллегію, если бы не случилось неожиданнаго происшествія, которое его самого вовлекло въ бѣду и заставило забыть о своемъ искѣ на драчливаго англичанина.

Уже на четвертый годъ своего мытарства, въ 1732 г., пришелъ однажды Муравьевъ въ коллегію и толокся вмѣстѣ съ прочими въ сѣняхъ, ожидая выхода какого нибудь чиновника.

Вышелъ ассесоръ Рудаковскій, Муравьевъ подошелъ къ нему съ вопросомъ....

— Ты зачѣмъ?... Ахъ, да! ты по дѣлу съ Эвенсомъ... Ну, что ты, братецъ, шатаешься! брось ты это дѣло и ступай, помирись лучше съ хозяиномъ! право, дѣло-то лучше будетъ.

— Да нѣтъ-съ, никакъ невозможно это! Что же, я теперь четвертый годъ жду суда, а тутъ помириться! Я не хочу этого—пусть насъ разсудятъ по указамъ.

— Ну, мнѣ нѣкогда съ тобой разговаривать—и безъ тебя дѣло!—и чиновникъ скрылся.

Муравьевъ остался въ раздумьи; въ головѣ его мелькнула мысль, «ужъ не бросить ли и въ самомъ дѣлѣ свой искъ на англичанина, потому—все равно: удовлетворенія не получишь, коли самъ больше не заплатишь, а гдѣ же мнѣ тягаться съ купцомъ!.. А то нѣтъ! дай еще попытаюсь припугнуть жалобой»...

И снова ждетъ Муравьевъ чиновника, который чрезъ нѣсколько времени появляется.

— Ваше благородіе! я все-таки буду васъ просить объ этомъ дѣлѣ...

— Ахъ, отстань ты! поди ты прочь! не до тебя дѣло!..

— Ну, коли такъ, то я къ Аннѣ Ивановнѣ пойду съ челобитной, она разсудитъ...

Чиновникъ остановился и воззрился строго на Муравьева.

— Кто такая Анна Ивановна?

— Самодержица...

— Какъ же ты смѣешь такъ продерзостно говорить о высокой персонѣ императрицы? Какая она тебѣ «Анна Ивановна»? родная что ли, знакомая?.. Да знаешь ли ты, что тебѣ за это будетъ?

Чиновникъ радъ случаю придраться и наступаетъ на столяра съ угрожающими жестами; Никифоръ Муравьевъ труситъ.

— Такъ что же вы мое дѣло-то тянете? вѣдь четыре года лежитъ оно! али вамъ получить съ меня нечего, такъ и суда мнѣ нѣтъ?..

— А, такъ вотъ ты еще какъ? хорошо! Слышали, господа, какъ онъ продерзостно отзывался объ ея величествѣ, императрицѣ: я, говоритъ, къ Аннѣ Ивановнѣ пойду!

— Слышали, слышали! отзываются присутствующіе.

— Ну такъ хорошо! я тебя упеку! расходился ассесоръ Рудаковскій.

— Конечно, конечно, надо его проучить, мужика! Идите вы сейчасъ же въ Сенатъ и доложите Андрею Ивановичу Ушакову; онъ его пройметъ!

— Иду, иду! сейчасъ же иду! Я этого дѣла такъ не оставлю!

— Да что вы, господа, всѣ на меня! рады обговорить-то...

— Не отговаривайся, всѣ слышали твои рѣчи.

Смущенный столяръ хочетъ уйти, но его удерживаютъ.

— Нѣтъ, ты постой! ты куда улизнуть хочешь? вотъ я тебя съ солдатами подъ караулъ отправлю!

кричитъ Рудаковскій, и несчастнаго Никифора Муравьева отправляютъ со сторожами въ Сенатъ.

На другой день Муравьевъ предсталъ въ походной Тайной Канцеляріи предъ очи А. И. Ушакова и, разумѣется, заперся въ говореніи неприличныхъ словъ.

— Чиновникъ со злобы доноситъ, потому какъ они мое дѣло съ англичаниномъ четыре года тянутъ, а я помириться не могу и взятокъ не даю.

— Такъ какъ же ты говорилъ?

— Говорилъ, какъ надлежитъ высокой чести: ея величеству, государынѣ Аннѣ Ивановнѣ, а не просто—Аннѣ Ивановнѣ... Рудаковскій со злобы оговариваетъ.

— Позвать сюда ассесора Рудаковскаго.

— Какъ онъ говорилъ объ императрицѣ?

— Весьма оскорбительно для превысокой чести самодержицы—именовалъ ее, какъ простую знакомую, Анной Ивановной, безъ титула, подобающаго ея персонѣ. Говорилъ мнѣ въ глаза и слышали это другіе люди, коихъ могу свидѣтелями поставить.

— Слышишь! обратился Ушаковъ къ Никифору Муравьеву, — признавайся лучше прямо, винись, не то—огнемъ жечь буду.

— Со злобы!.. потому, какъ...

— А! не признаешься! Поднимите его на дыбу!..

— Винюсь, винюсь! каюсь, ваше превосходительство! Въ забвеніи былъ, съ досады, можетъ, что и не такъ сказалъ, какъ подобало! Досадно мнѣ было очень, что мое дѣло не рѣшаютъ, ну

я и хотѣлъ постращать именемъ ея величества, государыни, чтобы дѣло-то рѣшили мое.

— Ну, такъ чтобы ты никогда не забывалъ подобающей императорской персонѣ чести и уваженія, мы тебя плетями спрыснемъ, рѣшилъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Несчастному столяру Никифору Муравьеву произвели въ Тайной Канцеляріи жестокую экзекуцію, и онъ закаялся съ этихъ поръ тягаться съ чиновниками коллегій и, приходя съ пустыми руками, вздорить съ ними.

IV.

О поручикѣ, принуждавшемъ пить за здоровье императрицы.

(1732 г.).

28 апрѣля 1732 года, въ день коронаціи императрицы Анны Іоанновны, послѣ литургіи и молебнаго пѣнія, у воеводы Бѣлозерской провинціи, полковника Фустова, былъ званый обѣдъ.

Собрались къ нему все знатные люди: игуменъ ближняго монастыря, городской протопопъ, ратушскіе бургомистры, бургомистры таможенные и кабацкіе, и много другого зажиточнаго люда. Между гостями было и двое молодыхъ военныхъ: поручикъ «морского флота» Алексѣй Афонасьевъ Ар-

бузовъ и прапорщикъ Василій Михайловъ Уваровъ.

За обѣдъ сѣли чинъ-чиномъ; радушная полковница-воеводша усердно угощала гостей; игуменъ и протопопъ, сидѣвшіе на первыхъ мѣстахъ, завели разговоръ о епархіальныхъ дѣлахъ, кабацкіе бургомистры о винномъ торгѣ, а ратушскіе бургомистры пустились съ воеводою обсуждать дѣла администраціи. Двое молодыхъ военныхъ занялись разговорами съ барышнями—дочками воеводы. Прапорщикъ скоро овладѣлъ вниманіемъ старшей дочки-красавицы, что взорвало поручика «морского флота», большого кутилу и забіяку, который надѣялся совершенно затмить своимъ блескомъ прапорщика.

Бросая сердитые взгляды на него, поручикъ сталъ изыскивать способъ придраться къ чему нибудь и дать почувствовать прапорщику свое превосходство, но случая не представлялось: на всѣ его колкія замѣчанія Уваровъ отвѣчалъ безъ злости, что еще болѣе распалило Арбузова.

Но вотъ всталъ хозяинъ и предложилъ выпить всей компаніи за здоровье императрицы; всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, чокнулись и выпили, только Уваровъ, отпивъ полрюмки, сморщился и поставилъ ее снова на столъ.

— Что-жъ это вы мало такъ пьете? спросила его хозяйская дочь.

— Я теперь далъ зарокъ не пить больше, потому что отъ хмѣльного я боленъ бываю; на прошлой недѣлѣ кутнулъ слегка въ компаніи, такъ по-

слѣ того цѣлыхъ трое сутокъ боленъ близь смерти пролежалъ, думалъ совсѣмъ смерть приходитъ,— и вотъ послѣ этого мнѣ даже какъ-то противна стала водка.

Арбузовъ, занятый усердной выпивкой, не замѣтилъ этого, но вотъ радушная хозяйка подошла къ Уварову со стаканомъ пива.

— Не могу-съ, ей-Богу, не могу пить, далъ обѣщаніе не пить—это мнѣ вредно.

— Ну, что вамъ сдѣлается отъ стакана пива! уговаривала хозяйка,—теперь такой день, —надо выпить за здоровье императрицы.

— Да вотъ отецъ протопопъ еще не пилъ пива, думалъ отвертѣться Уваровъ, но въ это время вдругъ поднялся поручикъ Арбузовъ.

— Какъ! что такое? онъ не хочетъ пить за здравіе ея величества? громко заговорилъ онъ черезъ столъ и вперилъ злые глаза въ Уварова.

— Я не пью, потому что это мнѣ вредно, но, если хотите, я выпью, только дайте мнѣ чего нибудь другого, полегче — вина какого нибудь или наливки.

— Ахъ, вотъ горе, что у насъ не случилось теперь ничего, кромѣ пива и водки, засуетилась хозяйка, и Уваровъ, взявъ стаканъ пива, выпилъ его.

— Нѣтъ, ты этимъ не отвертишься! горячился Арбузовъ, — какъ это ты смѣешь отказываться пить здравіе императрицы? Ты послѣ этого не вѣрный слуга государыни, а каналья!.. Ты, бестія, недостоинъ носить военный мундиръ, потому что

не уважаешь ея величества, не хочешь пить за ея здоровье въ день ея коронаціи!..

— Потише! потише! вскочилъ Уваровъ,—вы не смѣете такъ называть меня!.. Всемилостивѣйшая государыня не желаетъ своимъ подданнымъ отъ пьянаго питья вреда, не прибудетъ ея здоровья, если подданные будутъ пьяными валяться, да болѣзни наживать!..

— А, такъ вотъ ты какъ!.. Ну, такъ я тебя заставлю выпить! Ты пилъ прежде—я самъ видѣлъ тебя пьянымъ, заоралъ Арбузовъ, подступивши къ прапорщику со стаканомъ водки.—Пей! сейчасъ пей! не то я тебя всего расквашу!.. и сжатый кулакъ поднялся надъ головою Уварова.

Уваровъ отшатнулся назадъ, глаза его загорѣлись гнѣвомъ, но въ это время переполошившіеся гости схватили Арбузова сзади и удержали руки; стаканъ выпалъ и разбился въ дребезги...

— Я не хочу въ чужомъ домѣ шкандалъ дѣлать и потому не буду отвѣчать вамъ на вашу ругань и дерзость, а мы разсчитаемся съ вами послѣ! сказалъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ Уваровъ, и направился къ выходу.

— Ну, погоди, дьяволъ, съѣдусь я съ тобою гдѣ нибудь—разорву на части, изобью, какъ собаку! кричалъ, вырываясь отъ удерживающихъ гостей, разсвирѣпѣвшій поручикъ въ догонку Уварову.

Гости, встревоженные скандаломъ, повышли изъза стола, уговаривали и укоряли Арбузова, а полковникъ-воевода, давъ время удалиться Уварову,

указалъ Арбузову на дверь и крикнулъ грознымъ голосомъ:

— Пошелъ вонъ! Я не позволю всякому пьяницѣ буянить въ моемъ домѣ! и чтобъ нога твоя не была у меня!.. вонъ!..

Арбузовъ оборотился, хотѣлъ что-то сказать или выругаться, но его тотчасъ же вытолкнули за дверь...

Послѣдствіемъ этой исторіи между двумя молодыми офицерами была не дуэль; «офицеры» выбрали другой, хотя, по нравамъ эпохи, и не менѣе кровавый путь,—оба они подали въ новгородскую губернскую канцелярію по прошенію и представили суду рѣшить ихъ дѣло чести.

Прапорщикъ Уваровъ написалъ прошеніе и подалъ 1 мая, т. е. чрезъ два дня послѣ происшествія, и въ прошеніи жаловался, что Арбузовъ «невѣдомо за что» изругалъ его, причемъ подробно перечислилъ всѣ бранные эпитеты, которые онъ слышалъ, и упомянулъ даже угрозу «разоврать его до смерти».

Дѣло это, по ходатайству самого воеводы, вполнѣ сочувствовавшаго Уварову, не откладывалось въ долгій ящикъ, и скоро Арбузовъ долженъ былъ получить возмездіе за скандалъ въ домѣ воеводы.

Чувствуя собравшуюся надъ его головой бѣду, Арбузовъ вдругъ вздумалъ повернуть дѣло на другой ладъ и, не теряя времени, махнулъ въ ту же канцелярію доношеніе отъ 6 мая на Уварова, оскорбившаго яко-бы монаршую честь тѣмъ,

что не хотѣлъ пить, какъ россійское обыкновеніе всегда у вѣрныхъ рабовъ имѣется», за здравіе ея величества.

Арбузовъ упомянулъ въ доношеніи и отговорку Уварова: «сказалъ, яко-бы-де онъ не пьетъ, а въ другихъ компаніяхъ, какъ вино, такъ и пиво пилъ и пьянъ напивался».

Получивъ такое доношеніе, гдѣ говорилось объ оскорбленіи монаршей чести, новгородская губернская канцелярія не признала возможнымъ разсматривать это дѣло самой, а составя экстрактъ изъ обѣихъ бумагъ, послала его въ походную Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ Канцелярію, вѣдавшую подобныя дѣла, къ Андрею Ивановичу Ушакову.

Арбузовъ перехитрилъ: отъ того политическаго оттѣнка, какой онъ придалъ дѣлу, оно затянулось до слѣдующаго 1733 года.

Но пришла, наконецъ, и ему очередь. Начались допросы всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ и свидѣтелей.

Уваровъ въ допросѣ объяснилъ: до 24 апрѣля въ компаніяхъ онъ вино и пиво пилъ и, видя отъ того питья себѣ вредъ, пить пересталъ отъ 24 числа, а 28 апрѣля, когда воевода предложилъ всѣмъ по рюмкѣ водки за здравіе ея величества, и онъ выпилъ, а не пилъ только другую, предложенную Арбузовымъ».

Арбузовъ продолжалъ обвинять прапорщика въ томъ, что онъ не хотѣлъ пить изъ умысла.

Свидѣтели, вызванные въ походную Тайную Кан-

целярію, подтвердили во всемъ показаніе Уварова и обвиняли въ буйствѣ Арбузова.

Тайная Канцелярія рѣшила это дѣло въ 1733 году, и совершенно неожиданнымъ для Арбузова образомъ. Желая доносомъ своимъ заварить кровавую кашу, такъ какъ рѣдко обвиненные въ оскорбленіи монаршей чести, хотя-бы и за пустяки (какъ мы это видимъ изъ двухъ предыдущихъ дѣлъ), выходили безнаказанными,—Арбузовъ самъ попалъ въ вырытую для другого яму.

Уварова признали не виновнымъ, а Арбузова, за желаніе сдѣлать зло своимъ невѣрнымъ доносомъ, понизили чиномъ...

V.

Некстати памятливая баба.

(1739—1740 г.).

Въ морозный день декабря 1739 года, въ городѣ Шлиссельбургѣ, въ домъ тамошняго жителя Михаила Львова, пришелъ жившій въ недальнемъ (за 25 верстъ) селѣ Путиловѣ каменщикъ Данило Пожарскій.

Зашелъ онъ туда по родственному—провѣдать двоюродную племянницу своей жены, хозяйку Авдотью Львову, да кстати и погрѣться съ мо-

розу. Пріѣхалъ онъ въ Шлиссельбургъ изъ Путилова по своимъ дѣламъ.

— Здорово, племянушка! какъ живешь-можешь?

— Ай, да никакъ это дядя Данило! воскликнула Авдотья, здороваясь,—какими судьбами?

— По дѣламъ, племянушка, по дѣламъ пріѣхалъ сюда, да вотъ и къ тебѣ зашелъ... Хозяинъ-то дома?

— Нѣту самого-то — отлучился куда-то... да ты садись; здорова ли тетка-то Алена?

— Што ей дѣлается—здорова, тебѣ кланяется.

Данило распоясался и сѣлъ на лавку, и тутъ только замѣтилъ въ комнатѣ еще третье лицо — небритаго, грязнаго и одѣтаго по-нѣмецки человѣка.

— Это кто-жъ у тебя? спросилъ Данило Авдотью.

— А это, дядя Данило, жилецъ у насъ, на квартирѣ живетъ, писарь съ полицейской конторы, Алексѣй Колотошинымъ зовутъ.

Писарь поклонился и снова сѣлъ у окна, глядя въ него.

— Зазябъ дюже по дорогѣ-то! сказалъ Пожарскій, потирая руками.

— Да ты бы, дядя, на печку легъ,—погрѣйся съ холоду-то, она у насъ хорошо натоплена, предложила Авдотья:—раздѣвайся-ко, да полѣзай, скидай валенки-то — я ихъ посушу въ печуркѣ, да самоваръ поставлю, а тѣмъ временемъ и «самъ» подойдетъ—недалеко куда-то отвернулся!

— Инъ ладно—дѣло говоришь, погрѣю старыя кости... Вы, господинъ, не обезсудьте! обратился

Пожарскій къ писарю, снимая валенки и влѣзая на жарко натопленную печь.

— Ничего-съ, это дѣло хорошее съ морозу, отвѣтилъ писарь.

Авдотья принялась за самоваръ да закусочку для дяди.

— Нонѣ мы, Дунюшка, съ работой, слава Создателю, сбились—дѣла повеселѣе пошли, началъ съ печи Пожарскій,—въ Курляндію нашего брата-каменщика много пошло.

— А какъ теперь въ Курляндію ѣздятъ, позвольте спросить? вставилъ въ разговоръ писарь.

— Да разно! отвѣтилъ Пожарскій,—а больше черезъ Нарву, Юрьевъ и Ригу.

— А чья же это нынѣ Курляндія-то? подъ чьей державой? спросила Авдотья писаря Колотошина.

— Курляндія та нынѣ наша, отвѣчалъ Колотошинъ,—всемилостивѣйшей государыни, потому что она изволила быть въ супружествѣ за курляндскимъ княземъ.

— А-а! вишь ты какое дѣло!.. То-то теперь я припоминаю, что еще когда махонькой дѣвочкой была, и жили мы въ Старой Руссѣ, теперь этому лѣтъ съ тридцать будетъ, такъ говорили, что царевна за невѣрнаго замужъ идетъ въ чужую землю. И пѣсня тогда была складена, и пѣвали ее робята, мальчики и дѣвочки:

«Не давай меня, дядюшка,
Царь-государь, Петръ Алексѣевичъ,
Въ чужую землю, не христіанскую,
Не христіанскую, бусурманскую.

Выдай меня, царь-государь,
За свово генерала, князя, боярина»...

Колотошинъ осклабился, Пожарскій на печи промолчалъ, а Авдотья вышла за чѣмъ-то въ сѣни и скоро снова возвратилась.

— Былъ-де слухъ, опять начала Авдотья,—что у государыни сынъ былъ и сюда не отпущалъ...

— Н-незнаю, ничего не знаю, отвѣтилъ Колотошинъ, отвертываясь, и видя, что Авдотья въ своихъ воспоминаніяхъ заходитъ уже слишкомъ далеко, въ такую область слуховъ и сплетень, за которыя по головѣ не погладятъ, коли узнаютъ, не сталъ ни отвѣчать, ни разспрашивать ее болѣе.

Данило Пожарскій тоже что-то давно примолкъ на печи, должно быть задремалъ.

Разговоръ прекратился; Колотошинъ посидѣлъ еще немного и ушелъ къ себѣ.

Писарь Алексѣй Колотошинъ представлялъ изъ себя личность съ темнымъ прошедшимъ и зазорнымъ настоящимъ. Взросшій среди нищеты и разврата, освоившійся съ тѣмъ и другимъ, не получившій никакого образованія, онъ съ дѣтства перебывалъ во всякихъ профессіяхъ — отъ нищаго-мазурика и до полицейскаго писаря включительно. Каждый день пьяный, онъ въ должности грабилъ и обиралъ безъ всякой совѣсти всѣхъ, кого было можно, и готовъ былъ на всякое грязное дѣло — обманъ, лжесвидѣтельство, доносъ, воровство.

Выгнанный изъ одного мѣста, онъ шатался по

самымъ грязнымъ и подозрительнымъ мѣстамъ, пока не удавалось втереться снова куда нибудь.

Дней черезъ десять послѣ описаннаго нами разговора съ Авдотьей и Даниломъ Пожарскимъ, Колотошинъ что-то смошенничалъ или своровалъ и, не успѣвши спрятать концовъ въ воду, попался. Его посадили подъ караулъ при канцеляріи «Большого Ладожскаго канала» въ ожиданіи строгой расправы.

Сидя подъ карауломъ, оборотистый писарь раскидывалъ умомъ, какой бы такой учинить фортель, чтобы какъ нибудь избѣжать заслуженной кары.

Думалъ; думалъ — и придумалъ средство, какъ разъ достойное такого низкаго человѣка, каковъ былъ онъ.

«Дай-ка, сообразилъ онъ, я сдѣлаю доносъ, объявлю государственное «слово и дѣло!» Сейчасъ меня освободятъ отсюда и переведутъ въ Тайную Канцелярію, а покуда тамъ пойдутъ розыски, да допросы — это дѣло и потухнетъ... а можетъ быть я й награду получу за доносъ».

Жертвой доноса Колотошинъ избралъ свою квартирную хозяйку Авдотью Львову, разговорившуюся на свою бѣду объ императрицѣ и некстати вспомнившую давно сложенную пѣсню.

И вотъ простой и самый невинный семейный разговоръ превращается въ кровавое уголовное дѣло объ оскорбленіи императорской чести!

21 декабря 1739 г. Алексѣй Колотошинъ, сидя за карауломъ, объявилъ за собою государево

слово и дѣло и въ тотъ же день былъ отправленъ изъ канцеляріи Большого Ладожскаго канала въ Канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, къ Андрею Ивановичу Ушакову.

Въ Тайной Канцеляріи Колотошинъ подробно объявилъ слышанныя имъ отъ Авдотьи Львовой слова и пѣсню.

Ушаковъ придалъ этому дѣлу важное значеніе и тотчасъ же послалъ за Авдотьей Львовой, чтобы арестовать ее и привезти въ Канцелярію.

— Отчего ты раньше не донесъ объ этомъ дѣлѣ? спросилъ Ушаковъ доносчика Колотошина.

— Простотою, ваше превосходительство, запѣлъ обычную пѣсню Колотошинъ,—сущимъ недознаніемъ, а паче неимѣніемъ времени не доносилъ.

— А про какого сына императрицы оная жонка Авдотья говорила, снова выпытывалъ Андрей Ивановичъ,—и кто кого, и откуда не отпущалъ?

— Не вѣдаю подлинно, ваше превосходительство, потому — сама она именно того не выговорила, да и я объ ономъ ее не разспрашивалъ, боясь причастія къ этому дѣлу, и видя ея продерзость и неразумѣніе.

На другой день, 22 декабря, представлена была въ Тайную Канцелярію и Авдотья Львова, обезумѣвшая отъ страха, а Данилу Пожарскаго, также упомянутаго въ доносѣ Колотошина, еще не нашли — онъ уѣхалъ изъ Путилова села куда-то по дѣламъ, и его разыскивали.

На допросѣ Авдотья Львова не заперлась и

чистосердечно во всемъ призналась, что говорила, какъ доноситъ Колотошинъ, но говорила это «съ самой простоты своей, а не съ каково умыслу, но слыша въ ребячествѣ своемъ, говаривали и пѣвали объ ономъ малые ребята мужска и женска полу».

Отговорка «сущею простотою», «недознаніемъ», была такъ обыкновенна въ Тайной Канцеляріи,— ее слышали по нѣскольку разъ въ день чуть ли не отъ каждаго допрашиваемаго — что ее уже перестали и во вниманіе принимать, она давно уже сдѣлалась для всѣхъ служащихъ тамъ пустымъ звукомъ, формальнымъ, по титулу, словомъ — и ей не вѣрили.

Не повѣрили и Авдотьѣ Львовой, и Тайная Канцелярія рѣшила черезъ два дня, 24 декабря, наканунѣ праздника Рождества Христова, пытать въ застѣнкѣ несчастную Авдотью и, поднявъ на дыбу, разспросить съ пристрастіемъ накрѣпко, т. е. съ ударами плетью, «съ каково умыслу она говорила тѣ непристойныя слова, и не изъ злобы ли какой, и отъ кого именно такія слова она слышала, и о тѣхъ непристойныхъ словахъ не разглашала ли она, и для чего подлинно?»

Таковъ списокъ вопросовъ, изъ которыхъ на каждый допросчикъ долженъ былъ истязаніемъ добиться точныхъ и правдивыхъ отвѣтовъ отъ обвиненнаго.

Понятное дѣло, что, предлагая эти вопросы Авдотьѣ Львовой, допросчики всуе трудилися, и

заплечные мастера напрасно хлестали плетьми спину несчастной бабы — ни въ одномъ изъ этихъ грѣховъ она не была виновна, и ей чужда была всякая злонамѣренность.

Но «простотѣ» не вѣрили, увѣренія въ невинности сочли за «запирательство», и на этомъ дѣла не кончили, а снова кинули Авдотью въ тюрьму, до новой пытки.

Въ этотъ же день, 24 декабря, былъ представленъ въ Тайную Канцелярію и Данило Пожарскій, сысканный гдѣ-то, и тотчасъ же поставленъ къ допросу.

Показанія его ничего не прибавили къ дѣлу новаго — онъ подтвердилъ только о своемъ разговорѣ съ писаремъ о дорогѣ въ Курляндію, а объ остальномъ отозвался незнаніемъ, должно быть задремалъ на печкѣ.

Неизвѣстно, почему Тайная Канцелярія повѣрила показанію Данилы Пожарскаго — и въ тотъ же день выпустила его на свободу. Или слезныя просьбы отпустить ради великаго праздника помогли ему?

А Авдотья Львова просидѣла въ тюрьмѣ и Рождество, и Новый годъ — и только въ слѣдующемъ 1740 году, января 7-го, ее снова потребовали на третій допросъ и вторую пытку, на которой лично присутствовалъ и самъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Снова тѣ же вопросы: «не разглашала ли? съ какого умыслу? отъ кого именно слышала?» и снова тотъ же вопль страданія и увѣ-

ренія въ невинности. Тутъ ей прибавили новый вопросъ: «Не слыхалъ ли говоренныя ею слова Данило Пожарской?»

Она отвѣтила, что «слышалъ ли Пожарскій — она, Авдотья, доподлинно не знаетъ, а можетъ быть и не слыхалъ, потому что она говорила съ Колотошинымъ не громко, а Данило въ то время лежалъ на печи и, можетъ быть, спалъ».

Послѣ этой пытки, наметавшійся глазъ Андрея Ивановича Ушакова увидѣлъ, наконецъ, истинную простоту и незломысліе Авдотьи Львовой, и потому было рѣшено не пытать больше ее, а кончить это дѣло совсѣмъ.

9 января 1740 года Канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ рѣшила:

«Авдотьѣ Максимовой Львовой за происшедшія отъ нея непристойныя слова, учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ нещадно и освободить».

Несчастную женку Авдотью въ тотъ же день, не откладывая въ дальній ящикъ, нещадно наказали кнутомъ въ третій и послѣдній разъ и — отпустили, наконецъ, на волю, возвративъ ей, въ видѣ милости, паспортъ...

Вотъ некстати-то вспомнила баба свою молодость!..

VI.

Легенда о Петрѣ Великомъ и о ворѣ[1]).

(1744 г.).

Много кровавыхъ розысковъ о «словѣ и. дѣлѣ» возникало за мирнымъ обѣденнымъ столомъ, за чаркою вина, и много людей часто изъ-за сытнаго обѣда и еще съ отуманенной головой отправлялись прямо въ застѣнки Тайной Канцеляріи.

Дѣло, которое мы сейчасъ разскажемъ, принадлежитъ къ числу именно такихъ.

Воронежскаго гарнизона, Елецкаго полка, отставной сержантъ Михайло Первовъ былъ приглашенъ на обѣдъ однимъ изъ своихъ пріятелей.

Гостей было много, передъ обѣдомъ радушный хозяинъ повелъ всѣхъ къ выпивкѣ, и сержанту Михайлу Первову, какъ старшему и наиболѣе уважаемому, была предложена первая чарка.

— Нѣтъ, другъ милый, не могу! началъ отговариваться Первовъ,— не порядокъ это, чтобы прежде хозяина пить... Выпей прежде самъ.

— Да что самъ! — самъ-то я успѣю; да, признаться, ужъ и прикладывался, а гостя надо теперь почтить... Ну, пей во здравіе, не задерживай другихъ!

---

[1]) Сб. Отд. рус. яз. и сл. И. А. Н., т. IX.

— Ни, ни, ни! никоимъ образомъ не стану! упирался упрямый Первовъ и рукою отстранилъ протянутую ему чарку.—Пей прежде самъ, послѣ и мы... Такъ издавна ведется: «какову чашу нальешь и выпьешь — такову и гости».

— Ну, нечего дѣлать, коли ты такой упрямый! сказалъ хозяинъ и выпилъ чарку.

— А вотъ теперь и мы потянемся, сказалъ Первовъ и тоже выпилъ, а за нимъ и всѣ гости.

— Ты меня, хозяинъ, не обезсудь, что я поупрямился, обратился Первовъ послѣ выпивки къ хозяину, — я это не съ одного упрямства, али простоты сдѣлалъ, а есть у меня на это резонъ.

— Ну-ка разскажи, что за резонъ, а мы послушаемъ, отвѣтилъ хозяинъ и подмигнулъ гостямъ, приглашая и ихъ послушать старика, который пользовался славой хорошаго разсказчика.

Первовъ, дѣйствительно, былъ словоохотливъ и зналъ множество исторій, разсказовъ и анекдотовъ, которые онъ самъ слышалъ во время своей службы, помнилъ ихъ и любилъ передавать другимъ.

Сѣли за столъ; застучали ложки, ножи и вилки, а сержантъ Михаилъ Первовъ началъ свой разсказъ:

— Блаженной памяти нашъ всемилостивѣйшій государь Петръ Великій былъ однажды въ нѣкоторой компаніи, скрывши свой санъ и царское достоинство, и занимались тамъ виномъ и пивомъ. И изволилъ государь спрашивать бывшихъ въ той компаніи людей разныхъ чиновъ:

— Ты-де кто таковъ?

— Я-де такой-то дворянинъ, отвѣчалъ ему одинъ.

— А ты-де изъ каковыхъ? спросилъ государь другого изъ компаніи.

— И я—дворянинъ такой-то! сказалъ и другой государю.

Тогда государь, отшедъ отъ оныхъ дворянъ, подошелъ къ третьему человѣку.

— Ну, а ты-де каковъ таковъ человѣкъ? изволилъ спросить.

И оный третій спрошенный, смѣло взирая государю въ очи, отвѣтилъ:

— Я-де по-просту—воръ!..

Всемилостивѣйшій государь, бывъ удивленъ таковымъ отвѣтомъ, захотѣлъ онаго смѣлаго вора-человѣка на искусъ взять и, отозвавъ въ сторону, тихо говорилъ:

— И я-де таковъ же воръ, какъ и ты, а посему составимъ мы съ тобою компанію и пойдемъ воровать вмѣстѣ, а будь ты мнѣ братъ названый!..

И сойдя съ того двора изъ оной компаніи, пошли вмѣстѣ.

И оный-де воръ того государя спросилъ:

— Куда-жъ намъ теперь на воровство идти?

А всемилостивѣйшій государь, зѣло искушая его, тому вору отвѣтствовалъ:

— Пойдемъ теперь прямо на государевъ дворъ воровать — тамъ-де казны невѣдомо что! Поживишься такъ, что и на возахъ не увезешь добра!

Тогда оный смѣлый воръ осердился на госу-

даря презѣльно и, подскоча къ всемилостивѣйшему, ударилъ его въ щеку и сказалъ:

— Какъ же ты, братъ-бездѣльникъ, Бога не боишься?!.. кто-де насъ поитъ и кормитъ и за кѣмъ мы слывемъ, а ты-де на его величество хочешь посягнуть!..

Стерпѣлъ всемилостивѣйшій тое воровскую обиду, слыша такія отъ вора слова.

А воръ продолжалъ свою рѣчь тако:

— Я-де знаю, куда лучше ѣхать! — поѣдемъ-де къ большому боярину... Лучше у него взять, а не у государя.

— Добро! пойдемъ къ большому боярину воровать, понеже у государя не хочешь, отвѣтствовалъ всемилостивѣйшій вору.

И сказавъ тѣ слова, оба пошли ко двору нѣкоего большого боярина.

— Ты, братъ, постой здѣсь и подожди! сказалъ воръ государю, подошедъ ко двору боярина, — а я пойду во дворъ и послушаю, что говорятъ.

Государь подождалъ, а воръ, пришедъ обратно со двора къ государю, сказалъ:

— Охъ-де, братъ, дурно говорятъ!.. Хотятъ-де, братъ, завтра звать кушать государя и хотятъ водку дурную подносить ему, чтобъ умеръ...

И запечалился воръ, слыша такія вѣсти, и сказалъ государю:

— Не хочу-де, братъ, никуда идти—домой пойдемъ!

И государь-де тому вору говорилъ:

— Гдѣ-жъ-де, братецъ, намъ съ тобой въ другорядь видѣться?

— Увидимся-де завтра въ соборѣ, отвѣтствовалъ воръ.

И такъ разошлись.

И какъ въ соборъ на завтрее пришли, и всталъ воръ рядомъ съ государемъ; а послѣ службы стали бояре просить всемилостивѣйшаго государя откушать, а всемилостивѣйшій изволилъ сказать:

— Просите-де сего человѣка, брата моего, а съ нимъ и я пойду.

И стали просить бояре вора съ честію, а воръ согласился и поѣхали всѣ вмѣстѣ на дворъ къ большому боярину.

А на дорогѣ говорилъ воръ государю тихо, дабы бояре не слыхали:

— Ну-де, братъ, — первую чарку станутъ тебѣ подносить—безъ меня не кушай!

И какъ стали подносить государю, и онъ говорилъ боярину:

— Брату-де моему поднеси—я-де прежде брата пить не буду.

Поднесли чарку брату бояре, а у самихъ и ноги отъ страха затряслись.

— Не хочу я прежде хозяина умереть! вымолвилъ оной воръ, отведя чарку,—пускай-де прежде хозяинъ выпьетъ.

А государь, грозно брови наморща, на боярина смотритъ.

— Пей! сказалъ воръ; и какъ хозяинъ выпилъ тое чарку—и его розорвало!..

— Знать, съ этова-то первыя-то чарки прежде хозяина и не пьютъ! закончилъ свое повѣствованіе сержантъ Первовъ.

— Занятная исторія! отозвался хозяинъ,—и гдѣ это ты набираешь?.. Вѣдь, какъ начнетъ разсказывать, такъ одна одной лучше! обратился хозяинъ къ гостямъ, аттестуя разсказчика.

— Да! чудное дѣло, какъ это государь, можно сказать, монархъ имперіи—и съ воромъ якшаться сталъ! прибавилъ кто-то изъ гостей.

— Такой ужъ царь былъ—послушай только про него, такъ диву дашься!

— А я, чаю, что все это—продерзостное буесловіе неразумныхъ людей про всемилостивѣйшаго императора! вдругъ началъ рѣчь съ конца стола какой-то приказный, на котораго не обращали до сихъ поръ вниманія.

— Сами этого не видали, а какъ старые люди говорятъ, такъ и мы разсказываемъ, отвѣчалъ Михайло Первовъ.

— А отъ кого ты слышалъ это именно? спросилъ приказный, пристально глядя на Первова.

— Ну, ты, крючекъ приказный! къ допросу што ли его потянуть хочешь? сказалъ хозяинъ, сейчасъ ему объясни—отъ кого, да когда, по пунктамъ.

— Я бы тебѣ, хозяинъ, посовѣтовалъ такихъ буеслововъ къ себѣ не пущать и таковыхъ непристойныхъ рѣчей объ особахъ императорскихъ не слушать, а то и самъ въ бѣду попадешь.

— Ну ужъ я знаю, кого пущать, а коли тебѣ, строкѣ кляузной, не нравится, такъ—вотъ Богъ,

а вотъ и порогъ! вспылилъ хозяинъ и указалъ на дверь.

Приказный вскочилъ, точно ошпаренный, и направился къ выходу.

— Я уйду, зашипѣлъ онъ,—только тебѣ будетъ нездорово — сейчасъ же донесу по начальству, скажу слово и дѣло! Не допущу безчестія на память великаго отца всемилостивѣйшей государыни — быть вамъ драными!..

Приказный ушелъ, оставивъ послѣ себя общее замѣшательство.

Всѣ знали, что дѣла такого рода никогда не проходятъ даромъ, и почти каждый изъ гостей зналъ нѣсколько подобныхъ розысковъ, бывшихъ съ людьми, ему знакомыми.

Приказный тотчасъ же донесъ о непристойныхъ рѣчахъ, касающихся превысокой монаршей чести, и не успѣли еще разойтись гости, какъ приставы арестовали Михайла Первова со свидѣтелями, и всѣхъ, вмѣстѣ съ доносчикомъ, отправили въ Тайную Канцелярію...

Процедура допросовъ въ застѣнкахъ Канцеляріи уже достаточно извѣстна читателю изъ предыдущихъ очерковъ, и мы не будемъ здѣсь повторять тяжелыя и однообразныя подробности ихъ. Дѣло кончилось для разсказчика легенды, отставного сержанта Михайла Первова, крайне худо, — его били кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри, сослали на житье въ Сибирь вѣчно...

Примѣчаніе. Легенда эта, попавшая въ протоколъ Тайной Канцеляріи, подъ безстрастное перо чиновника, имѣетъ боль-

шую древность и извѣстна во всемъ мірѣ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Основныя ея черты встрѣчаются въ сказкахъ всѣхъ народовъ; съ разными варіантами, она примѣняется къ разнымъ историческимъ личностямъ, болѣе или менѣе крупнымъ: Рампсениту, Карлу Великому; русское сказочное творчество пріурочило эту легенду къ двумъ царямъ, оставившимъ наиболѣе глубокое впечатлѣніе въ народной памяти: Ивану Васильевичу Грозному и Петру Великому. Разсказанная сержантомъ Первовымъ, легенда эта очень близка къ своимъ древнѣйшимъ первообразамъ (См. «Древн. и Нов. Россія», 1876 г. № 4, ст. проф. А. Веселовскаго: «Сказки объ Иванѣ Грозномъ»).

VII.

Не розняли—кто виноватъ.

(1754 г.).

Въ темное время существованія «слова и дѣла», всѣмъ кляузникамъ былъ большой просторъ мстить свои обиды доносами и розысками въ Тайной Канцеляріи. Страшными кажутся намъ эти, уже отошедшія въ вѣчность, времена, когда ничья безопасность, ничья личная свобода и честь не были обезпечены отъ внезапнаго отнятія и поруганія.

Сегодня свободный и счастливый человѣкъ — завтра могъ очутиться на дыбѣ подъ ударами кнута по ложному доносу озлобленнаго врага и, при всей своей невинности, выдти изъ застѣнковъ

осужденнымъ на ссылку съ рваными ноздрями, или урѣзаннымъ языкомъ.

Не смотря на непріятную перспективу получить «первый кнутъ», доносчиковъ находилось очень много, и по ихъ оговорамъ масса ладей стонала въ застѣнкахъ и гнила въ тюрьмахъ, проклиная судьбу.

Правду сказать, и время то для всевозможныхъ доносовъ было удобное.

Внезапная перемѣна правителей, ночные coups d'état, быстрое возвышеніе и паденіе сановниковъ, интрига, разлитая всюду, общая тревога и неудовольствіе, необезпеченность завтрашняго дня, порождали во всей имперіи толки, разговоры и пересуды о политическихъ дѣлахъ и правительственныхъ лицахъ.

Словоохотливый русскій человѣкъ не стѣснялся въ сужденіяхъ и не сглаживалъ выраженій; обиженныя и павшія партіи громко выражали свое неудовольствіе новымъ возвысившимся счастливцамъ, — и вотъ тутъ-то всякому кляузнику и доносчику открывалось обширное поприще путать и подводить людей подъ кнутъ, на огонь, въ и ссылку на смерть.

Темныя личности, пользуясь всеобщимъ хаосомъ и безпорядкомъ, подымали голову и обдѣлывали свои презрѣнныя дѣла.

Доносъ былъ повальный. Тайная канцелярія купалась въ крови при розыскахъ.

Слѣдующіе дѣло весьма характерно иллюстрируетъ эту эпоху процвѣтанія доноса, когда и сама

тайная канцелярія не могла разобраться и найти истины въ безднѣ доносовъ и, не долго думая, круто оканчивала ихъ.

Передъ нами доносчикъ Алексѣй Алексѣевъ бѣглый дворовый человѣкъ, принадлежавшій нѣкоему ассесору Ѳедору Андрееву; безспорно это уже темная личность, прошедшая огонь и воду, и ловкая на всякое мошенничество.

Онъ доноситъ на нѣкоего Акинфія Надѣина, копіиста вотчинной коллегіи, что онъ, копіистъ Надѣинъ, подъучалъ будто бы его, Алексѣева, сдѣлать доносъ «на одного копіиста, да намѣстника» и показывать на нихъ ложно, обвиняя ихъ въ говореньи непристойныхъ словъ и вольнодумственномъ осужденіи настоящаго порядка и царствующей особы.

Копіистъ, вѣроятно выгнанный со службы намѣстникомъ, затѣваетъ своему начальнику месть, и лучшимъ для этого средствомъ ему представляется доносъ; но самъ онъ, какъ ловкій человѣкъ, хочетъ избѣжать «перваго кнута» и подыскиваетъ для этого подходящаго человѣка изъ бродягъ, готовыхъ на все.

Подвертывается «бѣглый дворовый», Алексѣй Алексѣевъ; сдѣлка заключается въ какомъ нибудь притонѣ пьянства и разврата, и вотъ страшная гроза уже собирается надъ головами людей, совсѣмъ невинныхъ и, можетъ быть, честныхъ и уважаемыхъ.

Тему для доноса дало само время съ его политическими передрягами: уже тринадцать лѣтъ

прошло со времени сверженія Іоанна Антоновича и заточенія его со всѣмъ семействомъ, но толки о немъ еще не улеглись въ народѣ. Многіе еще жалѣли юнаго императора, такъ безвременно потерявшаго свободу, и знали, что онъ еще живъ, томится гдѣ-то въ казематѣ крѣпости, и можетъ придти время, что онъ снова займетъ отнятый у него престолъ.

Народное сознаніе чувствовало тутъ несправедливость, какой-то упрекъ правительству, и всякій недовольный, боясь высказаться громко, все-таки бросалъ этотъ упрекъ, хотя въ кругу знакомыхъ произносилъ, по тогдашнимъ понятіямъ, непристойныя, осуждающія слова.

Доносъ, записанный въ тайной канцеляріи по настоящему дѣлу, заключался въ слѣдующихъ простыхъ и короткихъ словахъ:

«Вотъ-де какъ нынѣ жестоко стало!.. А какъ-де была принцесса Анна на царствѣ, то-де порядки лучше были нынѣшнихъ. А нынѣ-де все не такъ стало, какъ при ней было; и слышно-де, что сынъ ея, принцессы Анны, бывшій принцъ Іоаннъ, въ россійскомъ государствѣ будетъ по-прежнему государемъ...»

Вотъ и весь доносъ; этихъ немногихъ «непристойныхъ» словъ было слишкомъ достаточно, чтобы погубить множество людей.

Но къ счастію этотъ гнусный заговоръ не состоялся: два негодяя въ чемъ нибудь не сошлись или поссорились, и Алексѣй Алексѣевъ, вмѣсто того чтобы доносить на намѣстника—донесъ на

самого Акинфія Надѣина, обвиняя его въ наущеніи и подстрекательствѣ на ложный доносъ.

Акинфій Надѣинъ упалъ въ яму, вырытую для другого, и ему самому пришлось давать отвѣтъ подъ плетьми на вискѣ.

Бѣглому дворовому дали «іерВый кнутъ», т. е. пытали для подтвержденія доноса; онъ «утвердился»; подвергли первой пыткѣ Надѣина — онъ во всемъ упорно заперся: «знать не знаю — по злобѣ обноситъ ложно!»

Оба ведутъ себя какъ истые пройдохи, и застигнутый врасплохъ Надѣинъ понимаетъ отлично, что все его спасеніе въ упорномъ отрицаніи доноса, которому, къ его счастію, нѣтъ свидѣтелей.

Вторая пытка доносчику и обвиняемому принесла тѣ же показанія, безъ малѣйшаго измѣненія: подтвержденіе доноса и твердое отрицаніе вины.

Предстояла, по обычаю, въ такихъ случаяхъ «неразнятія спора» третья и послѣдняя пытка, за которою, такъ или иначе, но слѣдовало рѣшеніе дѣла.

На третьей пыткѣ — оба показывали точь-въ-точь то же самое, что на первой и второй, и вопросъ объ истинной виновности кого либо изъ нихъ такъ и остался нерѣшеннымъ.

Подобный случай затруднилъ бы современныхъ юристовъ, и они, пожалуй, пожалѣли бы о смерти Соломона, но тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія уже давно привыкла къ такимъ случаямъ—

и твердо знала, какой произнести судъ; она нисколько не затруднялась въ приговорахъ.

Въ такихъ случаяхъ она рѣшала—оба виноваты! и дѣло заключалось слѣдующей короткой стереотипной формулой:

«И за неразнятіемъ между ими того спору, посланы они въ ссылку оба—Алексѣевъ въ Сибирь на казенные заводы въ работы вѣчно, а Надѣинъ въ Оренбургъ къ отправленію тамъ въ нерегулярную службу»...

Рѣшеніе скорое, большихъ юридическихъ соображеній не требующее и, въ случаяхъ подобныхъ настоящему, справедливое.

Только случайность спасла невинныхъ людей отъ пытки и кнута, и двое кляузниковъ сами погибли жертвою своего грязнаго замысла.

VIII.

Колодникъ, разсказывающій, что Петръ II живъ.

(1754 г.).

Настоящее дѣло, заключающее въ себѣ простую безъискусственную легенду о Петрѣ II, сложенную народомъ и отличающуюся всѣми признаками живой народной фантазіи, тоже прекрасно характеризуетъ свою эпоху.

Въ верхнихъ слояхъ происходили перевороты, слухи о нихъ черезъ тысячеустую молву переходили въ темную народную массу.

Свѣдѣнія о происшествіяхъ, часто и на самомъ дѣлѣ чудесныхъ и невѣроятныхъ, принимали размѣры фантастическіе, окраску и обстановку еще болѣе замысловатую, и, вращаясь среди народа во всѣхъ слояхъ общества, окончательно утрачивали всякую историческую вѣрность.

А живое народное творчество избирало изъ массы слуховъ сюжеты и темы наиболѣе ему симпатичные и понятные, и облекало ихъ въ форму легендъ и сказаній, совершенно сходныхъ со сказаніями «Сборниковъ» и «Пчелъ» XVI и XVII столѣтій.

Обстановка дѣла проста и незамысловата. На долгомъ и скучномъ досугѣ острожнаго сидѣнья, ссыльный колодникъ Метелягинъ разсказываетъ другому колоднику, Ивану Бердову, слышанную имъ отъ такого же колодника, Василья Слямзина («который уже умре», какъ записано въ дѣлѣ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи), любопытную исторію объ умершемъ императорѣ Петрѣ II.

Исторія эта, видимо, уже потерпѣла коренную переработку въ устахъ простонародныхъ ея разсказчиковъ и распространителей и, записанная въ дѣлѣ, сохранила свой народный колоритъ.

Здѣсь, кстати сказать, что дѣла тайной канцеляріи содержатъ въ себѣ богатое и драгоцѣнное собраніе всевозможныхъ сказокъ, легендъ, пѣсенъ и документовъ, записанныхъ изъ устъ народа при допросахъ.

Въ дѣлахъ этихъ, рядомъ съ форменными отмѣтками о числѣ ударовъ плетью, стереотипными терминами и канцелярскими выраженіями, попадаются перлы народной поэзіи, фантазіи, бытовыхъ сценъ, которыя навѣки погибли бы для насъ,—не запиши ихъ съ рабскою точностью рука писаря или секретаря.

Дѣла эти, извлеченныя изъ вѣковой архивной пыли и спасенныя отъ уничтоженія просвѣщенными и достойными всякой благодарности любителями русской исторіи, какъ Г. В. Есиповъ, К. И. Арсеньевъ и др., представляютъ драгоцѣнный и обширный бытовой матеріалъ для исторіи и беллетристики. Будущій историкъ и писатель еще болѣе оцѣнятъ ихъ труды.

Но возвратимся къ исторіи, разсказанной колодникомъ и приведшей его въ застѣнокъ.

«Ѣздилъ-де одинъ купецъ за море, торговать въ чужихъ земляхъ, разсказывалъ Метелягинъ Бердову, сидя на острожныхъ нарахъ и коротая скучное время,—и било его на морѣ погодою нѣсколько дней, и прибило-де его къ нѣкоторому иностранному и незнаемому городу съ кораблемъ.

«И тотъ-де купецъ, вышедъ изъ судна и благодаря Бога за спасеніе, раздавалъ въ томъ городѣ нищимъ милостыню и, раздавъ оную, шелъ попрежнему на свой корабль.

«Стоящій у одной палатки часовой оному купцу говорилъ:

— Ты-де всѣмъ заморскимъ нищимъ милостыню подавалъ, а своему, россійскому, не подалъ.

«И оный купецъ, пришелъ въ ту палатку для подаянія милостыни,—и содержащійся въ той палаткѣ человѣкъ говорилъ тому купцу:

— Знаешь ли ты меня?

«И оный купецъ, давъ тому человѣку милостыню, сказалъ:

— Я-де тебя не знаю вовсе.

«А оный человѣкъ тому купцу сказалъ:

— Знаешь-ли ты, что я вашъ монархъ, второй Петръ, и стражду здѣсь долговременно; и теперь-де мнѣ тебѣ, купцу, давать писемъ не можно, что-де увидятъ караульные. И приди ты ко мнѣ поутру для поданія милостыни, и я-де тебѣ приготовлю отъ себя видъ.

«И оный купецъ, не говоря тогда ничего, изъ той палатки вышелъ; и потомъ, на другой день, оный купецъ въ ту палатку ходилъ, и оный-де содержащійся въ той палаткѣ человѣкъ далъ ему сапоги и приказывалъ:

— Ты, купецъ, эти сапоги отдай сестрѣ моей, милостивой государынѣ, и она-де тѣ сапоги распоретъ и можетъ-де меня узнать.

«А потомъ-де, уповательно, что для свидѣтельства того человѣка давно полки посланы».

Этимъ предположеніемъ о посылкѣ полковъ Метелягинъ и закончилъ свой разсказъ, но Бердовъ выразилъ сомнѣніе въ правдѣ этой исторіи:

— Ты, Метелягинъ, говоришь о томъ напрасно—я самъ помню, какъ второму импера-

тору погребеніе было въ Москвѣ—и какъ это му можно сдѣлаться? [1])

Метелягинъ началъ отстаивать правду разсказа и въ подтвержденіе его пересказалъ другую выдумку современниковъ о подмѣнѣ тѣла:

— Это сдѣлали князья Долгорукіе и мертвое тѣло, вмѣсто государя, подложили другое (?), а его, государя, знатно, вынули и увезли, такъ же, какъ нынѣ всемилостивѣйшую государыню хотѣли-было увезти подъ караулъ.

Неизвѣстно—удалось ли Метелягину убѣдить Бердова этимъ аргументомъ, но извѣстно только, что и этотъ колодничій разговоръ дошелъ какимъ-то образомъ до свѣдѣнія тайной канцеляріи въ видѣ обвиненія колодниковъ въ непристойныхъ рѣчахъ.

Какое послѣдовало Метелягину наказаніе за разсказъ легенды о Петрѣ II,—изъ дѣла не видно, да намъ это и не важно, а гораздо важнѣе и имѣетъ цѣну то, что рука писца, нисколько не помышляя о сочинительствѣ, сохранила одинъ отрывокъ изъ той массы сказокъ и легендъ, какія ходили въ народѣ въ то чреватое смутными событіями время.

---

[1]) Императоръ Петръ II умеръ за двадцать четыре года прежде времени этого разсказа: 17 января 1730 г.

IX.

Бѣглый гусаръ Штырской—завоеватель Россійской имперіи.

(1754 г.).

Возникновеніе такихъ людей, какъ фигурирующій въ настоящемъ дѣлѣ бѣглый гусаръ Ѳедоръ Штырской,—есть тоже знаменіе того времени.

Въ исторіи переворотовъ описываемой эпохи, мы видимъ много именъ разныхъ искателей приключеній, авантюристовъ и parvenus; ничтожные сами по себѣ, они совершаютъ дѣла первой государственной важности; пользуясь всеобщимъ замѣшательствомъ и хаосомъ, они безумно бросаются на самыя опасныя предпріятія,—и часто слѣпой случай помогаетъ имъ исполнить съ успѣхомъ свои фантастическіе планы. Ничтожество вчера, сегодня становится важнымъ государственнымъ человѣкомъ—и наоборотъ.

«Колесо счастія» никогда не вертѣлось такъ быстро и никогда не совершало такихъ неожиданныхъ и крутыхъ оборотовъ то въ одну, то въ другую сторону.

Смѣлый авантюристъ и интриганъ первенствовалъ надъ лучшими государственными умами.

Въ это время всякій отчаянный человѣкъ, неимѣющій ni foi, ni loi, чувствовалъ себя способнымъ на великія дѣла, а примѣры дѣйствительности укрѣпляли его въ этомъ мнѣніи.

Но «отъ великаго до смѣшного—одинъ шагъ!»—рядомъ съ хвастунами и дѣятелями историческими выступаетъ цѣлая масса хвастуновъ смѣшныхъ, неудачниковъ и искателей приключеній, похожихъ скорѣе на бродягъ.

И эти неудачники по пословицѣ: «куда конь съ копытомъ—туда и ракъ съ клешней» тоже подымаютъ головы, отуманенныя вѣчнымъ пьянствомъ и наполненныя глупыми фантазіями—и кричатъ, грозя всему міру войною и разрушеніемъ. Сидя въ какой нибудь полицейской части, они мечтаютъ о государственныхъ переворотахъ, министерскихъ должностяхъ, грудахъ золота и орденовъ.

Бѣглый гусаръ Ѳедоръ Штырской представляетъ жалчайшій и комичнѣйшій типъ авантюриста XVIII столѣтія, и его смѣшное хвастовство сохранилось въ дѣлахъ тайной канцеляріи, гдѣ, на дыбѣ подъ кнутомъ, обыкновенно и потухали всѣ ихъ блестящіе планы о государственныхъ переворотахъ.

Бѣглый гусаръ, въ разговорахъ съ другимъ гусаромъ, расхвастался:

«Я-де и прежде сего изъ (новой) Сербіи [1]) (въ Польшу) утекалъ, да не ушелъ; а нынѣ-де, какъ весны дождусь, то учиню побѣгъ къ крымскому хану и подниму татаръ и поляковъ на Новую

---

[1]) «Новой Сербіей» назывались земли на югѣ Россіи, заселенныя сербами, выходцами изъ Герцеговины и Черногоріи, бѣжавшими въ единовѣрную страну отъ фанатизма турокъ.

Сербію и на всю ея императорскаго величества державу, и приду на столицу, и возьму всемилостивѣйшую государыню!»...

Какъ ни жестока и ни подозрительна была тайная канцелярія въ отношеніи такихъ дѣлъ, но жалкій гусаръ Штырской не вызвалъ ея опасеній своими политическими планами.

Наказаніе ему, сравнительно, было назначено очень легкое: «вмѣненъ бывшій ему розыскъ (т. е. троекратная пытка съ плетями) въ наказаніе—и сосланъ въ Сибирь къ опредѣленію въ службу, въ какую онъ способенъ явится».

X.

Князь Потемкинъ—фальшивый монетчикъ.

(1778 г.).

Это и слѣдующія за этимъ дѣла принадлежатъ уже совершенно другой эпохѣ, когда въ міръ юридическій проникли нѣкоторыя гуманныя идеи, и въ строгость розыска перестали вѣрить и смотрѣть, какъ на лучшее и безошибочное средство добиться истины и сознанія.

Только двадцать четыре года отдѣляютъ настоящее дѣло отъ предыдущихъ,—но уже какая разница въ процедурѣ допроса, какое смягченіе наказаній! Отвратительнаго «слова и дѣла» уже не существовало!

Постепенное прониканіе этого духа гуманизма въ законодательство подробнѣе показано нами во введеніи въ эти очерки, а теперь мы иллюстрируемъ наши слова бытовыми сценами, извлеченными изъ подлинныхъ дѣлъ тайной экспедиціи, учрежденной при правительствующемъ сенатѣ послѣ уничтоженія тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи.

Въ обширной людской застольной дома князя Степена Барятинскаго собралась его многочисленная дворня и, пользуясь отсутствіемъ хозяевъ, подняла пиръ горой.

Изъ княжескихъ погребовъ натащили пива и наливокъ, изъ кухни принесли жаренаго и вареного на закуску и, истребляя барское добро, загуторила дворня—душа на распашку!

Забренчала балалайка, которую принесъ дворникъ, ради потѣхи, и подвыпившій лакей въ княжеской ливреѣ пустился откалывать трепака со смазливенькой горничной, плававшей, подбоченясь и помахивая платочкомъ «во бѣлой рукѣ».

— Ай, лихо! вотъ одолжилъ! слышались восклицанія зрителей,—ну-ка, съ каблука пусти дробь, Ванюха!

— Нѣтъ, ты на Грушку-то погляди!.. Плечами-то какъ, шельма, поводитъ... ахъ, чтобъ-те наскрозь!.. Молодецъ дѣвка!

Не стерпѣлъ, глядя на Грушку, и престарѣлый буфетчикъ и, когда лакей умаялся и повалился на скамейку,—онъ частенько засеменилъ ногами на

встрѣчу Грушкѣ, сгорбившись и мотая сѣдой головой.

Всеобщій взрывъ хохота встрѣтилъ новаго танцора, а онъ молодцовато откинулъ голову назадъ и пошелъ переплетать нога за ногу.

— Ай-да старикъ! гляди-ка: Лаврентьичъ-то какимъ молодцомъ дѣйствуетъ, молодому не уступитъ!.. Ну-ка, Груша, уважь старика!

Груша притопнула, взвизгнула, повела бровью и ринулась на встрѣчу Лаврентьичу, грудью впередъ,—а старикъ отъ восторга и утомленія закашлялся и тоже грохнулся на скамейку, тяжело дыша.

— Не выстоялъ старикъ! гдѣ ему! Грушку-то не скоро заѣздишь! говорили кругомъ подвыпившіе лакеи и горничныя.

По угламъ завелись разговоры; выѣздные лакеи князя, да и вообще вся дворня, знакомы были со многими придворными сплетнями и пересудами, и скоро разговоръ сталъ общимъ, перейдя на излюбленную тему для прислуги — судаченье про господъ.

Любо было имъ всѣмъ перебирать весь высшій свѣтъ по косточкамъ, и не одному изъ вельможъ должно было икаться въ это время, когда чужая дворня сообщала всѣ его тайныя и щекотливыя похожденія.

Свѣдѣнія получались по тому неуловимому, но чрезвычайно простому телеграфу, который называется его собственной дворней, и отъ котораго какъ ни старайся, а не убережешься и не схоронишься.

Скоро изъ общей массы говорившихъ выдѣляется одинъ пьяный дворовый, сообщенія котораго отличались наибольшею новизною и интересомъ, и его стали слушать съ большимъ вниманіемъ. Увлеченный ролью оратора, дворовый началъ уже выкладывать самыя сокровенныя тайны, чтобы разодолжить внимательныхъ слушателей.

— Былъ я недавно на площади, разсказывалъ онъ,—и разговорился съ какимъ-то незнаемымъ человѣкомъ, и онъ мнѣ подъ секретомъ разсказывалъ про императрицу, да свѣтлѣйшаго князя Потемкина.

— Что же, что же онъ тебѣ разсказывалъ? пристала дворня, сгарая отъ любопытства.

— Да такія вещи разсказывалъ, что и самому страшно!

— Да говори, что такое! чего ты за душу-то тянешь! пристали всѣ.

— Сказать-то не штука, ломался лакей,—а какъ потомъ самому въ затылокъ-то попадетъ, тогда что?.. Вамъ-то ничего — выслушалъ, да и прочь пошелъ!

— Ну полно! что тутъ! кто тебя выдастъ?—все свои люди—говори не бойся!

— Слышалъ я, началъ, понизивъ голосъ, лакей, — что свѣтлѣйшій-то князь Потемкинъ въ одномъ покоѣ съ императрицей живетъ!..

— Ну, это еще не ахти-какой секретъ! усумнились нѣкоторые,—всѣмъ вѣдомо, что свѣтлѣйшій находится при императрицѣ «въ случаѣ».

— То-то вотъ вамъ вѣдомо, да не все! увлекся лакей;—говорилъ мнѣ еще этотъ человѣкъ и твердо завѣрялъ, что свѣтлѣйшій у себя въ домѣ фальшивыя бумажки дѣлаетъ и въ народъ пущаетъ!..

— Ну! можетъ ли это статься?

— Для чего-жъ онъ такъ богатъ, свѣтлѣйшій-то, коли не съ этаго самаго!

— Мало ли отъ чего богатъ! богатъ милостями императрицы—знамо—случайный человѣкъ—ну, и богатъ!

— По мнѣ—хошь вѣрьте, хошь не вѣрьте, а я говорю, что слышалъ.

Разсказъ лакея вызвалъ разные толки въ дворнѣ, а на другой день сообщенная имъ новость и пошла путешествовать по Москвѣ, передаваясь изъ устъ въ уста. Скоро молва эта дошла и до того, до кого не слѣдуетъ; пошла переборка,—кто пустилъ слухъ, и долго ли, коротко ли, а словоохотливый лакей таки попалъ въ бѣду, обвиненный въ непристойныхъ рѣчахъ.

Его отвезли въ Петербургъ, посадили въ крѣпость и допросили безъ пытокъ.

Откровенно сознавшись въ болтовнѣ, лакей утвердился и завѣрялъ, что слышалъ это отъ неизвѣстнаго ему человѣка, въ Москвѣ на площади.

Тайная экспедиція составила по этому дѣлу докладъ и представила императрицѣ Екатеринѣ II на высочайшее воззрѣніе, такъ какъ о всякомъ наказаніи по тайной экспедиціи докладывалось императрицѣ лично.

Въ рѣшеніяхъ своихъ на эти доклады императрица поступала съ удивительною добротою сердечною и духомъ прощенія, если дѣло только касалось сплетенъ и злословія лично о ней, а не затрогивало какихъ нибудь важныхъ и щекотливыхъ государственныхъ событій и предпріятій.

Рѣшеніе императрицы Екатерины II по этому дѣлу поражаетъ сильнымъ контрастомъ съ рѣшеніями всѣхъ предыдущихъ дѣлъ, возникшихъ въ печальное время существованія преображенскаго приказа и тайной разыскныхъ дѣлъ канцеляріи; — Екатерина II приказала двороваго человѣка изъ крѣпости освободить и возвратить его помѣщику, князю Степану Барятинскому, которому посовѣтовала не держать при себѣ въ Москвѣ этого болтуна.

Милость рѣшенія еще болѣе удивитъ насъ, если мы узнаемъ, что по слѣдствію тайной экспедиціи означенный дворовый былъ уже человѣкъ скомпрометтированный—лѣтъ десять назадъ его били кнутомъ за побѣгъ отъ своего помѣщика.

Другія времена—другіе нравы.

Въ pendant къ этому дѣлу, мы разскажемъ и другое, по времени относящееся тоже къ царствованію Екатерины II и рѣшенное съ тѣмъ же человѣколюбіемъ...

XI.

Битый капралъ и бабье царство.

Жилъ-былъ старый отставной капралъ, и былъ онъ человѣкъ смирный и самый незначительный. Самъ-то по себѣ былъ онъ человѣкъ ничего—хорошій человѣкъ и въ строю былъ бравый солдатъ и храбрый вояка, за что и дослужился капральскаго чина, да характеръ имѣлъ слабый и мягкій; къ тому же и выпить сильно любилъ, почему и пришелъ онъ на старости лѣтъ въ упадокъ и неуваженіе.

А было время, о которомъ капралъ подъ веселую руку вспоминалъ съ гордостью, когда и онъ былъ не изъ послѣднихъ: молодецки крутился его насаленный усъ, статно сидѣлъ на немъ военный мундиръ и блестѣли кругомъ пуговицы, да шнурки, приводя въ восторгъ женскій полъ изъ простонародья. Похлопывали, бывало, окошечки въ деревняхъ, любопытно выглядывали изъ нихъ молодыя женскія лица, когда проходили солдаты по Руси походомъ куда нибудь на шведа, турка или нѣмца, подъ командою молодца «фонъ-Минихена». А въ городахъ на постояхъ и купеческія дочки пріятно улыбались ему и заводили сладкіе разговоры съ бравымъ солдатомъ.

Была коту масляница! вспоминаетъ иногда съ улыбкою старый капралъ.

Но какъ за каждой масляницей непремѣнно наступаетъ великій постъ, то кончилась и его,

капралова, масляница. Полюбилась ему покрѣпче одна изъ купеческихъ дочекъ, и онъ женился на ней, зажилъ своимъ домкомъ и всѣ свои шашни бросилъ.

Жена его, купеческая дочка, оказалась женщиною характера твердаго и даже деспотическаго и воззрѣній самыхъ оригинальныхъ, а потому вскорѣ и забрала своего мужа въ ежовыя рукавицы. Не безъ борьбы, конечно, досталась ей эта власть,—капралъ, покуда былъ бравъ и молодцоватъ, хорохорился и не поддавался, но мало-помалу смирился, ибо жена его оказала въ усмиреніи капрала энергію непреклонную.

У нихъ была дочь, которую воспитывала мать и передала ей и свой твердый характеръ, и свои оригинальныя воззрѣнія.

Здѣсь надо объяснить, въ чемъ заключалась оригинальность мнѣній купеческой дочки, капраловой жены, оригинальность, присущая чуть не половинѣ россійскихъ женщинъ въ послѣднія три четверти XVIII столѣтія.

Со смерти Петра Великаго, Россія на императорскомъ престолѣ видѣла пять женщинъ, болѣе или менѣе быстро смѣнявшихъ другъ друга и самодержавно распоряжавшихся судьбами обширной имперіи. Женщина властвовала надъ мужчинами и имъ предписывала законы; предъ женщиной все преклонялось и все ей покорялось безпрекословно.

Такой, не совсѣмъ обычный для Россіи, порядокъ дѣлъ, вызвалъ въ головахъ, склонныхъ къ

обобщеніямъ людей, какія-то темныя и странныя мысли и соображенія. Вдумался въ это и женскій полъ—и вдругъ открылъ въ такомъ порядкѣ вещей нѣчто, крайне для женскаго самолюбія пріятное и выгодное. Съ теченіемъ времени мысль выяснилась, и вотъ женскій полъ, съ присущею ему непосредственностью и азартомъ, проникся мыслью и сообщилъ во всеуслышаніе, что, молъ, коли на престолѣ царствуетъ баба и надъ мужчинами властвуетъ, то поэтому и всѣ бабы въ государствѣ должны стать выше мужчинъ и ими властвовать—«настало-де бабье царство»!

Вотъ такими-то мыслями преисполнился властолюбивый женскій полъ,—и пошла въ семьяхъ перепалка. Разномысліе и смуты поселились между супругами; женщины съ азартомъ требовали власти, отнятой у нихъ несправедливо, и многіе, не обладавшіе энергіей супруги, не удержавъ въ рукахъ бразды правленія, почувствовали на себѣ всю тяжесть власти подъ нѣжной женской ручкой.

Совершилась безшумная бабья революція.

Таковъ былъ образъ мыслей и у энергичной капраловой жены и купеческой дочки, которая къ тому же и кичилась предъ мужемъ честностью, т. е. высотою своего купеческаго происхожденія, — и было отъ этого старому капралу на свѣтѣ жить трудно, и чаще прежняго сталъ онъ заходить въ кабачки и вспоминать свою молодость.

Дочку выдали замужъ, жена переселилась къ зятю, а старому капралу и тамъ не нашлось

ни не хаянаго угла, ни не оговореннаго попрекомъ куска.

И дочка пошла по маменькѣ: не уважала своего отца,—и опустился, и запилъ старый капралъ, ставши совсѣмъ послѣднимъ человѣкомъ въ глазахъ своего семейства.

Бѣжалъ онъ изъ дому отъ попрековъ и ходилъ цѣлые дни по старымъ сослуживцамъ, да благопріятелямъ, всюду испивая, да припоминая прежнюю службу.

Домой онъ ходилъ только ночевать, да иногда выклянчить у зятя, или у дочки деньжонокъ на выпивку, и никогда это не обходилось ему безъ ругани.

Терпѣлъ свою судьбу капралъ и, только выпивши изрядно, осмѣливался роптать и оспаривать жену, да и то въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она не могла его слышать.

Только всякому терпѣнью есть предѣлъ, и разъ, въ праздникъ церковный, сталъ капралъ просить у жены денегъ и получилъ въ отвѣтъ:

— Убирайся, пьяница старый! Нѣтъ тебѣ денегъ на пьянство, таскунъ!

Взорвало старика, и приступилъ онъ къ женѣ:

— Ахъ ты такая-сякая: да ты что важничаешь-то! Я Богу и государямъ и государынямъ служилъ вѣрно и капральскаго чина дослужился, а ты баба дрянная, мной помыкаешь?.. Я покажу тебѣ мою власть...

Но тутъ расхорохорившійся старикъ получилъ отъ жены такое звонкое доказательство

своего безвластія, что схватился за скулу и опѣшилъ.

— Вотъ тебѣ, старый таскунъ, пьяница, за твою власть!.. видѣлъ свою власть! накинулась на него жена съ кулаками и хотѣла уже снова заущить его.

— Нѣтъ, постой! ты што же это Бога-то забыла,— для праздника по рожѣ бьешь? вдругъ сократился и залепеталъ капралъ, отступая назадъ.

— Великой ты чортъ! капралишка! я честнѣе тебя!—мой тятенька былъ второй гильдіи купецъ, а ты кто?—мужикъ!..

— Когда ты честнѣе, то пусть и будетъ твоя честь съ тобою,—а драться въ праздникъ не смѣй, за это тебя не похвалятъ, коли пожалуюсь.

— Драться не смѣй!.. заорала купеческая честная дочь, — да я всегда могу тобою повелѣвать!.. Я передъ тобою барыня и великая княгиня!.. И что касается и до императрицы, что царствуетъ, — такъ она такая же наша сестра набитая баба, — а потому мы и держимъ теперь правую руку и надъ вами, дураками, всякую власть имѣемъ!..

Такъ разглагольствовала и превозносилась капралова жена, желая совсѣмъ унизить мужа, а съ нимъ и весь мужской полъ, но это ужъ, надо полагать, переполнило мѣру терпѣнія смирнаго капрала, и онъ завопилъ:

— А! коли ты такъ! коли ты всемилостивѣйшую государыню позоришь, набитой бабой называешь и съ другими бабами-дурами сверстала — такъ

я-жь тебя проучу! — перестанешь ты драться и ругаться со мной, ибо сейчасъ же донесу на тебя по начальству, что ты непристойныя рѣчи о государынѣ произносишь!..

— Ступай, старый чортъ, доноси! не больно я боюсь твоего начальства. Теперь у насъ на престолѣ баба сидитъ, и всѣмъ бабамъ оттого защита есть отъ васъ.

Разобиженный капралъ, какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ въ отместку злой бабѣ, взялъ да и донесъ о непристойныхъ рѣчахъ и о побояхъ, что она причинила ему, не постыдясь праздника церковнаго.

Засадили капральшу вмѣстѣ съ капраломъ подъ арестъ при тайной экспедиціи и допросили ее. Она въ говореньи непристойныхъ словъ заперлась, а мужъ продолжалъ обличать ее, желая хотя разъ отомстить ей за всѣ ея долголѣтнія и непрестанныя обиды ему.

Посадили ее на два дня «безъ пищи и питья», вмѣсто прежней пытки и ударовъ плетью; она и послѣ этого продолжала отпираться ото всего.

Тогда подвергли тому же наказанію старика и онъ, просидѣвъ два дня голодомъ, не отказался отъ своего обвиненія въ непристойныхъ рѣчахъ.

Тайная экспедиція, видя, что правды между ними добиться трудно, по примѣру всѣхъ прочихъ такого рода дѣлъ, составила для подачи императрицѣ докладъ, выписавъ въ немъ бабью философію капраловой жены.

Милостивая императрица благодушно взглянула на это дѣло и рѣшила: «Вмѣнить имъ двухдневное сидѣнье безъ пищи и питія въ наказаніе— и отпустить на свободу».

XII.

Хохлы-просители при Павлѣ I.

(1797 г.).

Въ концѣ мая 1797 года, изъ дальняго малороссійскаго города Погара, Черниговской губерніи, прибыли въ Петербургъ четверо «лепутатовъ»-хохловъ.

Они были посланы погарскимъ магистратомъ съ порученіемъ подать просьбу самому императору Павлу I, чтобы онъ высочайшимъ своимъ указомъ подтвердилъ какую-то стародавнюю привиллегію города Погара, данную еще царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Извѣстно, что императоръ Павелъ I учредилъ, по вступленіи своемъ на престолъ, въ видахъ доставленія своимъ поданнымъ скораго и праваго суда, «дабы гласъ слабаго угнетеннаго былъ услышанъ», личную подачу словесныхъ и письменныхъ прошеній прямо во дворецъ, на его имя.

Принимали и дѣлали экстракты изъ прошеній три статсъ-секретаря—Трощинскій (присылаемыя по почтѣ), Нелединскій-Мелецкій (подававшіяся лично) и Брискорнъ (писанныя на иностранныхъ

языкахъ[1]), а резолюціи на нихъ Павелъ I давалъ самъ лично, и онѣ надписывались на прошеніяхъ статсъ-секретарями.

Этимъ прекраснымъ учрежденіемъ захотѣли воспользоваться и хохлы изъ Погара, но, пріѣхавши въ Петербургъ въ концѣ мая, они не застали уже императора и двора въ столицѣ,—Павелъ I съ семействомъ переѣхалъ въ Павловскъ, свою лѣтнюю резиденцію.

Туда же переѣхали и статсъ-секретари у принятія прошеній, а потому нашимъ хохламъ приходилось ѣхать въ Павловскъ для личной подачи своего прошенія.

Въ Петербургѣ у нихъ тотчасъ же нашлись земляки, которые и руководили темными хохлами въ шумной и неизвѣстной имъ столицѣ и, между прочими, какой-то донской казакъ Космынинъ.

Проживъ въ Петербургѣ двѣ недѣли и узнавъ обо всемъ, какъ слѣдуетъ, погарскіе хохлы отправились въ Павловскъ и подали свое прошеніе на высочайшее имя въ учрежденный для просителей ящикъ.

Въ ожиданіи рѣшенія своего ходатайства, хохлы гуляли по Павловску, осматривали всѣ его диковинки и, придя однажды въ воскресный день въ церковь къ обѣднѣ, удостоились увидать тамъ самого императора Павла съ сыновьями Александромъ и Константиномъ Павловичами.

Былъ ли Павелъ I въ этотъ день не въ духѣ и

---

[1]) См. «Истор. Вѣстн.» 1881 г., янв., стр. 216.

выглядѣлъ сердито, или просто со страха передъ императоромъ — только примѣтливымъ хохламъ онъ показался чрезвычайно строгимъ и сердитымъ. Придя домой, они пустились разсуждать о немъ:

— Гораздо золъ императоръ, звѣремъ смотритъ, словно съѣсть хочетъ.

— А государь-то наслѣдникъ, Александръ Павловичъ, по всему видно, не въ батюшку уродился—смирный да ласковый такой выглядитъ.

— Да, а вотъ второй-то сынокъ, Константинъ,— тотъ, кажется, весь въ батюшку?

Разговорился съ ними и казакъ Космынинъ, ихъ всегдашній провожатый, а на другой день онъ повелъ хохловъ смотрѣть на разводъ съ церемоніею, гдѣ командовать войсками будетъ самъ государь императоръ.

Невиданное зрѣлище представилось хохламъ на большой площади, застановленной блестящими и стройными рядами войскъ. Войска начали проходить церемоніальнымъ маршемъ, и императоръ Павелъ, пристально впиривъ глаза, слѣдилъ за каждымъ солдатомъ и его движеніями.

Вдругъ императоръ сорвался съ мѣста, быстро пошелъ къ рядамъ подошедшаго псковскаго карабинернаго полка и, схвативъ одного солдата обѣими руками за ремни амуниціи, дернулъ въ сторону и поправилъ на мѣстѣ.

Весь рядъ тотчасъ же сомкнулся снова, а гнѣвный императоръ отошелъ и опять оглядѣлъ помертвѣвшій недвижный строй.

Этотъ случай также далъ нашимъ хохламъ не малый поводъ поговорить о строгости императора.

— Всѣ солдаты недовольны такой строгостью императора и лаютъ объ этомъ вслухъ, разсуждали простаки-хохлы, забывъ, что они не въ своемъ захолустномъ Погарѣ, а въ резиденціи императора, и что здѣсь надо держать языкъ за зубами.

На третій день,—знать такое ужъ имъ счастье (или несчастье) навалило, — они снова увидѣли императора. Павелъ ѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи великихъ князей, по одной изъ улицъ Павловска.

Хохлы, увидя строгаго императора издали, остановились у стѣночки и, снявъ шапки, ждали его проѣзда.

И, какъ нарочно, на самой серединѣ улицы лошадь императора, ѣхавшаго впереди, задѣла ногой валявшійся на улицѣ разбитый горшокъ и споткнулась. Императоръ наклонился и, увидя подъ копытами лошади черепки горшка, грозно закричалъ, покраснѣвъ отъ гнѣва:

— Убрать сейчасъ же эту гадость! Какъ смѣть допускать такое безобразіе на улицахъ! Вѣдь лошадь могла испортить ногу отъ этого!.. Живо убрать!..

Словно изъ-подъ земли выскочило нѣсколько полицейскихъ, и въ одинъ моментъ улица стала чиста, какъ метеный полъ, а императоръ, темнѣе тучи, послѣдовалъ дальше, мимо упавшихъ на колѣни хохловъ.

— А бодай ему, якій винъ сумній! якъ хмара! могли только проворчать перетрусившіе хохлы и отправились со страхомъ въ сердцѣ справляться о томъ, какое рѣшеніе послѣдовало на ихъ бумагу.

Статсъ-секретарь Нелединскій-Мелецкій объявилъ погарскимъ просителямъ черезъ полицію, что прошеніе ихъ императорскимъ величествомъ разсмотрѣно и велѣно бумагу имъ возвратить, а рѣшенія—никакого не воспослѣдовало!..

Пожали плечами, хохлы пошевелили досадливо усами, но дѣлать было нечего—пришлось возвращаться домой ни съ чѣмъ.

Даромъ отломали хохлы тысячу слишкомъ верстъ до Петербурга, даромъ проживались и проѣдались въ Петербургѣ и Павловскѣ.

Съ досады пришли хохлы домой и давай браниться.

— Нехай его трясьця визме!

— Истинно, что строгъ да несправедливъ! нашей правой просьбы не уважилъ.

— Что теперь скажемъ панамъ—магистрату? скажутъ: бисовы дити, и того не умѣли слѣлать, царю просьбы подать!

— То и худо, что царю! кабы магистрату какому, такъ подмазать можно, а царя не подкупишь... Сказалъ, какъ отрѣзалъ! и жаловаться некому!..

— Ну! а коли до дому, такъ и до дому! рѣшили наконецъ неудачные просители, махнувъ рукой, и уѣхали въ Питеръ, а оттуда потянулись, безъ дальнихъ разговоровъ, въ свою Черниговскую губернію.

На прощаньи, ихъ неизмѣнный чечероне, донской казакъ Космынинъ, сталъ просить вознагражденія за свои труды, но получилъ отъ раздосадованныхъ хохловъ круто согнутую фигу и нѣсколько нелестныхъ замѣчаній.

— Дуракъ, кто и живетъ-то въ этомъ проклятомъ омутѣ, чтобъ ему провалиться и со всѣми!

И съ этимъ оставили донского казака, а сами свистнули и уѣхали.

— Почекайте, хохлы! трыста вамъ чортывъ! погрозился кулакомъ имъ вслѣдъ казакъ и съ этими словами махнулъ прямо въ сенатъ, въ тайную экспедицію съ доносомъ, что пріѣзжавшіе изъ города Погара просители, купецъ Антонъ Роскинъ, купецъ Попинокъ и двое другихъ, въ бытность свою въ императорской лѣтней резиденціи, произносили хульныя и непристойныя рѣчи о высочайшей особѣ его императорскаго величества. Доносу казака придали большое значеніе, и генералъ-прокуроръ князь Куракинъ послалъ 21 іюня нарочнаго курьера съ командою солдатъ и доносчикомъ въ догонку за болтунами-просителями!

Въ инструкціи курьеру было предписано: «сколь скоро ихъ достигнешь, то, взявъ всѣхъ подъ караулъ и посадя въ кибитки, сейчасъ возвратиться въ Петербургъ и представить ихъ ко мнѣ, стараясь сіе исполнить при томъ безъ всякой огласки, дабы объ ономъ никто не зналъ, и сей вашей инструкціи никто не видалъ». Подписалъ генералъ-прокуроръ, князь Куракинъ.

Помчалась погоня за хохлами, настигла ихъ и,

разсадя въ кибитки, розно, повезли въ Петербургъ важныхъ политическихъ преступниковъ, оберегая ихъ, какъ зачумленныхъ, отъ всякаго сообщенія съ другими людьми на станціяхъ и во время пути.

Сильно струхнули хохлы при такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла, а когда увидѣли въ числѣ конвойныхъ и казака Космынина, ехидно улыбавшагося, то поняли, что это онъ что нибудь сочинилъ имъ въ отместку.

Привезя, ихъ представили въ тайную экспедицію, и оробѣвшіе просители разсказали все откровенно, что они видѣли и говорили объ императорѣ въ Павловскѣ.

— Какъ же вы осмѣлились, мужики вы эдакіе, разсуждать объ особѣ его императорскаго величества столь вольно и необузданно? прикрикнули на нихъ.

Оторопѣвшіе хохлы просили о милости, упавъ на колѣни, и завѣряли, что и рѣчи о высочайшихъ особахъ говорены ими «не для какого злодѣйскаго разглашенія, а токмо между собою и изъ единой простоты!»

Дѣло оказалось совсѣмъ не столь важное, какъ объ немъ подумали сначала, и вмѣсто важныхъ государственныхъ преступниковъ предъ Куракинымъ были простоватые и оторопѣвшіе торговцы-болтуны, незнакомые со столичными порядками.

Тѣмъ не менѣе, докладъ о хохлахъ, осмѣлившихся имѣть свое сужденіе о высочайшихъ особахъ, былъ представленъ императору Павлу I.

Хохлы съ трепетомъ ждали наказанія отъ строгаго императора и въ сотый разъ жалѣли о своей скупости, что не удовлетворили тогда казака.

Резолюція Павла I не замедлила явиться на докладъ Куракина и, какъ бы нарочно для того, чтобы опровергнуть составившееся у хохловъ не лестное мнѣніе объ императорѣ, гласила слѣдующее:

«Государь императоръ высочайше повелѣлъ: сдѣлавъ надлежащее нравоученіе, чтобъ впредь въ разговорахъ своихъ были они воздержнѣе и сужденія свои имѣли въ надлежащихъ предѣлахъ,—оныхъ отпустить».

Такой благополучный конецъ имѣли похожденія хохловъ-просителей въ Павловскѣ, ждавшихъ чуть ли не смерти отъ строгаго императора.

Можно смѣло сказать, что послѣ этого случая хохлы повезли за тысячу верстъ, въ свою Черниговскую губернію самое лестное мнѣніе о милосердіи и добротѣ императора Павла I.

Женщины Пугачевскаго возстанія.

Приключенія и судьба «женокъ», причастныхъ къ Пугачевскому бунту.

I.

Щекотливый вопросъ Пугачевскаго возстанія.—Поношеніе имени Екатерины II. — Взятіе жены Пугачева, Софьи, съ дѣтьми, и ея показанія.—Истребленіе памяти Пугачева.—Сожженіе его дома и переименованіе станицы.

Въ числѣ многихъ непріятныхъ для императрицы Екатерины II вопросовъ, поднятыхъ заволжскимъ пугачевскимъ пожаромъ, былъ одинъ, весьма щекотливый для нея, какъ для женщины и императрицы.

Назвавшись именемъ Петра III, Пугачевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ величать себя ея мужемъ, и имя его, вмѣстѣ съ ея именемъ, поминалось на ектеніяхъ передавшагося Пугачеву духовенства.

Онъ славилъ ее своей невѣрной женой, отъ которой идетъ отнимать престолъ, а его прибли-

женные старались распускать среди заволжскаго казачества, и вообще среди народа, самыя невыгодныя мнѣнія о ней.

Всполошившееся правительство послало офицеровъ удостовѣриться въ размѣрахъ возмущенія въ донскомъ и уральскомъ войскахъ и въ степени сочувствія этихъ войскъ самозванцу. «Сочувствія», по разслѣдованіямъ, не нашлось, но за то ротмистръ Аѳонасій Болдыревъ нашелъ законную «прямую» жену Пугачева Софью Дмитріеву, дочь донского казака Недюжина. Она была отыскана, въ октябрѣ или ноябрѣ 1773 г., на мѣстѣ прежняго жительства Пугачева, въ Зимовейской станицѣ, и оказалась женщиною лѣтъ 32-хъ съ троими дѣтьми: сыномъ Трофимомъ, 10-ти лѣтъ, и дочерьми—Аграфеной, 6-ти, и Христиной, 3-хъ лѣтъ. По бѣдности, все это семейство скиталось «межъ дворовъ». По рескрипту императрицы Бибикову всю семью Пугачева велѣно было взять подъ присмотръ, чтобы семья эта «иногда» могла служить «къ удобнѣйшему извлеченію изъ заблужденія легковѣрныхъ невѣждъ» и «къ устыдѣнію тѣхъ, кои въ заблужденіи своемъ самозванцовой лжи поработились».

Прихватили заодно и брата Пугачева, Дементія Иванова, служилаго казака 2-й арміи (племянникъ его уже находился въ Петербургѣ подъ присмотромъ)—и весь этотъ уловъ отправили въ Казань «безъ всякаго оскорбленія». Въ Казани приказано было содержать ихъ на «пристойной квартирѣ, подъ присмотромъ, а давать ей пропи-

таніе порядочное». Добродушная императрица отнеслась такъ мягко къ женѣ и дѣтямъ Пугачева за ихъ непричастность къ замысламъ самозванства, а такъ же памятуя слова Петра Великаго: «братъ мой, а умъ свой».

Въ Казани Софьѣ Дмитріевой Пугачевой сдѣлали допросъ, причемъ обнаружилось, что Емельянъ Пугачевъ женился на ней лѣтъ десять тому назадъ, жилъ въ Зимовейской станицѣ своимъ домомъ, служилъ исправно въ казачествѣ, а въ послѣднее—передъ бунтомъ—время нѣсколько замотался, разстроился, былъ въ колодкахъ и бѣжалъ.

Тутъ же обнаружилось, что Софья была не очень преданной женой и заслужила сама то пренебреженіе, какое оказалъ ей Пугачевъ впослѣдствіи. Скитаясь и голодая, Пугачевъ подобрался однажды ночью, въ великомъ посту 1773 года, къ своему собственному дому и робко стукнулъ въ окно, прося у жены пристанища и хлѣба.

Софья пустила его, но съ коварной цѣлью выдать станичному начальству и, незамѣтно увернувшись, донесла о немъ.

Среди ночи Пугачева снова схватили, набили на него колодки и повезли на расправу, но въ Цымлянской станицѣ онъ снова бѣжалъ и скрывался вплоть до грознаго своего появленія уже подъ именемъ Петра III.

Софья Дмитріева съ дѣтьми и съ братомъ Пугачева осталась по взятіи ея въ Казани.

Въ январѣ (10-го) 1774 года, войсковому ата-

ману, Семену Сулину, послали изъ Петербурга указъ слѣдующаго содержанія:

«Дворъ Емельки Пугачева, въ какомъ бы онъ худомъ или лучшемъ состояніи ни находился, и хотя бы состоялъ онъ въ развалившихся токмо хижинахъ,—имѣетъ донское войско при присланномъ отъ оберъ-коменданта крѣпости св. Дмитрія штабъ-офицерѣ, собравъ священный той станицы чинъ, старѣйшихъ и прочихъ оной жителей, при всѣхъ сжечь и на томъ мѣстѣ. черезъ палача или проѳоса пепелъ развѣять, потомъ это мѣсто огородить надолбами или рвомъ окопать, оставя на вѣчныя времена безъ поселенія, какъ оскверненное жительствомъ на немъ, всѣ казни лютыя и истязанія дѣлами своими превзошедшаго злодѣя, котораго имя останется мерзостью на вѣки, а особливо для донского общества, яко оскорбленнаго тѣмъ злодѣемъ казацкаго на себѣ имени—хотя отнюдь такимъ богомерзкимъ чудовищемъ ни слава войска донского, ни усердіе онаго, ни ревность къ намъ и отечеству помрачаться и не малѣйшаго нареканія претерпѣть не можетъ».

Домъ Пугачева въ Зимовейской станицѣ оказался проданнымъ Софьею отъ нечего ѣсть за 24 рубля 50 копѣекъ на сломъ въ станицу Есауловскую казаку Еремѣ Евсѣеву и перевезеннымъ покупщикомъ къ себѣ.

Домъ отобрали отъ Еремы, вновь поставили на мѣсто въ Зимовейской станицѣ и сожгли торжественно.

Чтеніе указа императрицы, какъ видно изъ послѣдующаго, такъ подѣйствовало на казаковъ, устыдя ихъ, что они, по совершеніи экзекуціи надъ домомъ, просили чрезъ того же донского атамана Семена Никитича Сулина заодно ужъ и станицу ихъ перенести куда нибудь подальше отъ проклятаго и зараженнаго Емелькою Пугачевымъ мѣста, хотя бы и не на столь удобное.

Просьба ихъ была уважена въ половину: станица не перенесена, а только переименована изъ Зимовейской въ Потемкинскую.

II.

Первые успѣхи Пугачева.—Маіоръ Харловъ и его жена.—Харлова—наложница Пугачева и его къ ней привязанность.—Неестественная, но вѣроятная взаимность этого чувства со стороны Харловой.—Слобода Берда и царскій антуражъ.—Убійство Харловой.

Въ то время, когда подобными мѣрами истреблялась самая память о Пугачевѣ, самозванецъ, опираясь на общее недовольство казаковъ и инородцевъ—башкиръ, калмыковъ и киргизовъ, дѣлалъ быстрые, кровавые успѣхи и жестоко расправлялся съ дворянствомъ за угнетеніе народа и преданнымъ Екатеринѣ начальствомъ крѣпостей.

26-го сентября 1773 года, совершая свое побѣдоносное шествіе къ Оренбургу, Пугачевъ отъ крѣпости Разсыпной, покорившейся ему, подошелъ къ Нижне-Озерной (всѣ расположены на бе-

регу рѣки Яика), гдѣ командиромъ былъ маіоръ Харловъ. Слыша о шествіи мятежника и его безцеремонности съ женскимъ поломъ, Харловъ заблаговременно отправилъ свою молоденькую и хорошенькую жену, на которой недавно женился, изъ своей крѣпости въ слѣдующую по направленію къ Оренбургу, Татищеву крѣпость, къ отцу ея, командиру той крѣпости, Елагину. Съ Нижне-Озерной крѣпостью случилась обыкновенная въ Пугачевщину исторія: казаки передались Пугачеву. Харловъ со своей немощной инвалидной командой не могъ устоять противъ Пугачева, и по не долгой битвѣ крѣпость была занята. Маіоръ думалъ откупиться отъ смерти деньгами, но напрасно: судъ Пугачева надъ непокорнымъ ему начальствомъ былъ коротокъ. Полумертваго отъ ранъ Харлова, съ вышибленнымъ и висящимъ на щекѣ глазомъ, повѣсили вмѣстѣ съ двумя другими офицерами.

Расправившись съ Нижне-Озерной крѣпостью, Пугачевъ двинулся на Татищеву. Разставивъ противъ крѣпости пушки, Пугачевъ сначала уговаривалъ осажденныхъ «не слушать бояръ» и сдаться добровольно, а когда это не имѣло успѣха, приступилъ не спѣша къ осадѣ и къ вечеру ворвался въ крѣпость, пользуясь смятеніемъ осажденныхъ во время произведеннаго имъ пожара. Начались расправы. Съ Елагина, отличавшагося тучностью, содрали кожу. Бригадиру барону Билову отрубили голову, офицеровъ повѣсили, нѣсколькихъ солдатъ и башкиръ разстрѣляли картечью, а осталь-

ныхъ присоединили къ своимъ войскамъ, остригши волосы по-казачьи — въ кружокъ. Въ Татищевой, между плѣнными, попалась Пугачеву и Харлова; онъ былъ прельщенъ ея красотою такъ, что пощадилъ ей жизнь, а по ея просьбѣ и ея семилѣтнему брату, и взялъ ее въ свои наложницы.

Вскорѣ хорошенькая Харлова завоевала симпатію Пугачева, и онъ началъ къ ней относиться не какъ къ простой наложницѣ, а удостоилъ ее своей довѣренности и даже принималъ въ иныхъ случаяхъ ея совѣты. Харлова стала около Пугачева не только близкимъ, но и любимымъ человѣкомъ, чего нельзя сказать о другихъ, даже самыхъ преданныхъ ему, приверженцахъ, въ основѣ отношеній къ которымъ была общность кроваваго преступленія — связь ненадежная, что и доказала послѣдовавшая черезъ годъ выдача самозванца сообщниками.

Трудно сказать, что̀ сама Харлова чувствовала къ своему завоевателю, но безспорно, что Пугачевъ питалъ къ симпатичной Харловой непритворную привязанность, и она имѣла право всегда, во всякое время, даже во время его сна, входить безъ доклада въ его кибитку;—право, какимъ не пользовался ни одинъ изъ его сообщниковъ.

Это довѣріе Пугачева къ своей наложницѣ, да къ тому еще «дворянкѣ», заставляетъ насъ сдѣлать весьма вѣроятное заключеніе, что и сама Харлова не наружно только (Пугачева провести было трудно) была съ нимъ дружна, а по-

чувствовала нѣчто другое, противуположное страху и отвращенію, которые онъ долженъ былъ бы ей внушить началомъ своего знакомства.

Или Пугачевъ умѣлъ завоевывать расположеніе къ себѣ женщинъ, или тутъ кроется одна изъ тѣхъ загадокъ, какихъ много представляетъ намъ женское сердце и женская натура.

Съ сентября же началась осада крѣпости Яицкаго городка, гдѣ укрѣпился съ горстью преданныхъ людей храбрый Симоновъ, тогда какъ самый городъ предался Пугачеву и былъ въ его рукахъ, а съ начала октября 1773 года былъ осажденъ Оренбургъ съ нераспорядительнымъ нѣмцемъ губернаторомъ, Рейнсдорпомъ, и обѣ осады затянулись надолго.

Пугачевъ расположился станомъ на зиму въ Бердской слободѣ, въ семи верстахъ отъ Оренбурга, и повелъ осаду не спѣша, не желая «тратить людей», а имѣя намѣреніе «выморить городъ моромъ».

Въ Бердѣ, которую Пугачевъ хорошо укрѣпилъ, онъ устроился совсѣмъ по-царски, сдѣлавъ себѣ маскарадный царскій антуражъ: Чика (или Зарубинъ), его главный наперсникъ, былъ названъ фельдмаршаломъ и графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ,—графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ—графомъ Панинымъ, Чумаковъ—графомъ Орловымъ. Равнымъ образомъ и мѣстности, гдѣ они дѣйствовали, получили названія: слобода Берда—Москвы, деревня Каргаля—Петербурга, Сакмарскій городокъ—Кіева.

Харлова поселилась вмѣстѣ съ Пугачевымъ въ Бердской слободѣ и пользовалась тамъ своимъ исключительнымъ положеніемъ, но ей недолго пришлось пожить на свѣтѣ.

Скоро любовь къ ней Пугачева возбудила ревнивыя подозрѣнія его сообщниковъ и главныхъ помощниковъ, не хотѣвшихъ никого имѣть между собою и главою возстанія. Можетъ быть, это была и зависть къ любимому человѣку, можетъ быть, «дворянка» Харлова, опираясь на любовь къ ней лже-царя, пренебрегла заискиваніемъ у пугачевскихъ «графовъ» или обошлась съ ними нѣсколько презрительно; наконецъ, можетъ быть и то, что «графы» видѣли и боялись смягчающаго вліянія молодой прекрасной женщины на ихъ суроваго предводителя. Какъ бы тамъ ни было, но скоро сообщники стали требовать отъ Пугачева, чтобы онъ удалилъ отъ себя Харлову, которая-де на нихъ наговариваетъ ему. Весьма вѣроятно, что Харлова и жаловалась Пугачеву на оскорбленія ея грубыми воротилами Бердской орды.

Пугачевъ не соглашался на это изъ сильной привязанности къ свой плѣнницѣ, чувствуя, что съ нею онъ лишится любимаго (а можетъ быть и любящаго) человѣка, но, въ концѣ концовъ, эта борьба кончилась побѣдою его сообщниковъ. Пушкинъ говоритъ, что Харлову Пугачевъ выдалъ самъ, а графъ Саліасъ въ своемъ романѣ «Пугачевцы» описываетъ расправу, какъ происшедшую въ отсутствіи Пугачева, и, по на-

шему мнѣнію, онъ ближе къ истинѣ: Харлову безжалостно застрѣлили, вмѣстѣ съ ея семилѣтнимъ братомъ, среди улицы и бросили въ кусты.

Передъ смертью, истекая кровью, несчастные страдальцы еще имѣли силу, чтобы подползти другъ къ другу и умереть обнявшись.

Трупы ихъ долго валялись въ кустахъ, какъ отвратительное доказательство тупой жестокости сподвижниковъ Пугачева.

Пугачевъ, скрѣпя сердце, покорился этой наглости своихъ сообщниковъ и, вѣроятно, загоревалъ о потерѣ любимой женщины, ибо мы видимъ, что вскорѣ послѣ этого казаки принялись высватывать Пугачеву невѣсту настоящую, чтобы стала женою, какъ слѣдуетъ великому государю, и тутъ снова вопросъ объ императрицѣ Екатеринѣ II, какъ женѣ Петра III, принялъ весьма щекотливую и оскорбительную форму, будучи поднятъ и обсуждаемъ на казачьихъ «кругахъ» т. е. собраніяхъ, но объ этомъ будетъ повѣствованіе дальше.

III.

Прасковья Иванаева, ярая поклонница Пугачева. — «Алтынный глазъ».—Курьеръ Петра III.—Иванаева и ея смутьянства.—Плети маіоршѣ.—Она дерется за Пугачева, переодѣтая казакомъ.—Пугачевъ ее беретъ въ стряпки и экономки.—Торжество Иванаевой.

Говоря о женщинахъ Пугачевскаго возстанія, нельзя обойти молчаніемъ интересную личность жены войскового старшины, Прасковьи Гавриловой Иванаевой, ярой поклонницы Пугачева.

Передъ Пугачевскимъ бунтомъ, вѣроятно незадолго, когда ей было 26 лѣтъ отъ роду, мужъ ли ее бросилъ, или она оставила мужа, но только они жили розно—мужъ въ Татищевой крѣпости на службѣ, а жена въ Яицкомъ городкѣ (нынѣ Уральскѣ) въ своемъ собственномъ домѣ.

Прасковья Иванаева слыла въ Яицкомъ городкѣ женщиной непорядочной и на языкъ невоздержной; завела себѣ любовниковъ, что строго наказывалось у казаковъ, словомъ, была въ городкѣ человѣкомъ замѣтнымъ.

Слухи о появленіи оставшагося въ живыхъ Петра III ходили въ яицкомъ войскѣ уже давно, съ самой смерти его въ 1762 году.

Казакъ Слудынковъ, прозванный «алтыннымъ глазомъ», еще задолго до появленія Пугачева, уже мутилъ народъ, разъѣзжая по Оренбургской губерніи и появляясь въ горнозаводскихъ селеніяхъ.

Онъ называлъ себя «курьеромъ Петра III», которому поручено осмотрѣть порядки: каково казачество живетъ, да не притѣсняется ли начальствомъ, чтобы потомъ императоръ Петръ III разсудилъ всѣхъ по правдѣ. Алтынный глазъ при этомъ дѣлалъ сборы на подъемъ батюшки-царя, и хотя былъ пойманъ и наказанъ, но искра въ народъ была брошена.

Такія событія поселили во всемъ Заволжьи непреодолимую вѣру «въ пришествіи Петра III», и вѣры этой не могли поколебать никакія, даже самыя жестокія, мѣропріятія правительства.

Онѣ только озлобляли народъ, скопляли недовольство, чтобы потомъ, при малѣйшемъ поводѣ, вспыхнуть страшнымъ пожаромъ мятежа.

Много слышала объ этомъ и Прасковья Иванаева, но до поры до времени крѣпилась и разговаривала объ этомъ, какъ всѣ, полголоса, такъ чтобы начальству не очень было слышно и замѣтно.

Но вотъ, надъ Прасковьею собирается бѣда: строгое общество яицкаго городка, скандализованное непотребнымъ житьемъ Прасковьи Иванаевой, вздумало прибѣгнуть къ своимъ старымъ законамъ о наказаніи за блудъ и подало жалобу яицкому коменданту, полковнику Симонову, прося Иванаеву, по старому обычаю, высѣчь въ базарный день.

Разъярилась невоздержная на языкъ Иванаева, услышавъ объ этомъ, и въ таковой крайности начала по всему городку громко проповѣдывать,

что-де скоро придетъ государь Петръ Ѳедоровичъ, который всѣ настоящіе порядки уничтожитъ и все начальство смѣститъ. Проповѣдывала она съ присущимъ озлобленной женщинѣ азартомъ и неустанно—и находила много сочувствующихъ ея проповѣди людей и голосовъ, вторившихъ ей.

Городокъ замутился, начальство и не радо было, что тронуло такую горластую бабу въ такое смутное время, но дѣлать нечего—надо было расправляться.

Симоновъ донесъ о смутѣ оренбургскому губернатору Рейнсдорпу; тотъ ордеромъ отъ 17-го іюля 1773 года, почти передъ самымъ приходомъ Пугачева, приказалъ Иванаеву публично выдрать плетьми, что и было исполнено,—Прасковью жестоко отодрали на площади.

Это въ конецъ озлобило неуемную бабу противъ начальства, но не смирило нисколько. Прошелъ только одинъ мѣсяцъ, и грозный Пугачевъ явился предъ Яицкимъ городкомъ. Казаки встрѣтили его съ радостью, и городокъ передался ему весь, только храбрый Симоновъ засѣлъ съ тысячью команды въ укрѣпленіи и не сдавался самозванцу.

Городокъ вооружился противъ своего прежняго начальника, сами жители повели противъ него осаду, и между ними особенною яростію отличалась переодѣтая казакомъ—Прасковья Иванаева!..

Такъ дождалась она исполненія своей завѣтной

мечты и съ радостью пошла служить Пугачеву. Съ этого времени Иванаева становится преданнѣйшимъ Пугачеву человѣкомъ, словомъ и дѣломъ ратуя за него, даже съ пренебреженіемъ къ плетямъ, которыми неоднократно послѣ этого драли ее.

Пугачевъ замѣтилъ Прасковью Иванаеву, призвалъ къ себѣ и обласкалъ; она вызвалась быть у него стряпкой и экономкой, чтобы вести его царское хозяйство. Тутъ выступаетъ на сцену ненадолго и мужъ ея, полковой старшина Иванаевъ: онъ передался Пугачеву, вмѣстѣ съ прочимъ казачествомъ, при взятіи Татищевой крѣпости, и служилъ при немъ, надѣясь достичь степеней извѣстныхъ, и, пожалуй, достигъ бы этого, еслибъ ему не стала мѣшать жена его.

Стоя гораздо ближе и интимнѣе къ Пугачеву, она начала интриговать противъ своего мужа, и вслѣдствіе этого Иванаевъ былъ у Пугачева въ нѣкоторомъ пренебреженіи, не смотря на свой маіорскій чинъ. Ему предпочитались простые рядовые казаки и ставились надъ нимъ начальниками, и Иванаевъ въ концѣ концовъ бѣжалъ отъ Пугачева и скрывался, не передаваясь на сторону и правительства изъ боязни наказанія за измѣну.

Прасковья Иванаева торжествовала, и вскорѣ начинается дѣло о женитьбѣ Пугачева, гдѣ она принимаетъ живое и дѣятельное участіе.

IV.

Сборы Пугачева жениться. — Красавица Устинья — невѣста Пугачева. — Затрудненіе по поводу нерасторгнутаго брака съ Екатериною II.—Свадьба.—Поминовеніе Устиньи на эктеніяхъ.— Саранскій архимандритъ и его услужливость.—Недолгое царствованіе Устиньи.

Пугачевъ задумалъ жениться, чтобы, вѣроятно, не грустить по убитой Харловой, вслѣдствіе каковой грусти обладавшій сильнымъ темпераментомъ Пугачевъ началъ безчинствовать: увезъ изъ Яицкаго городка трехъ дѣвокъ въ Берду и жилъ съ ними безчинно въ одной кибиткѣ. Старшины, «чтобы впредь такого похищенія онъ не могъ сдѣлать и притомъ видя его «наклонности»— рѣшили согласиться на желаніе своего государя, хотя полагали, что жениться ему еще рано, ибо онъ не устроилъ еще порядочно своего царства».

— Въ томъ есть моя польза! отрѣзалъ Пугачевъ на увѣщанія старшинъ, — и дѣло сладилось. Рѣшили, однако, женить его на яицкой казачкѣ, чтобы бракомъ этимъ скрѣпить еще болѣе узы симпатіи и сочувствія, какія питали къ Пугачеву яицкіе казаки.

Въ Яицкомъ городкѣ жила въ это время красавица-дѣвушка, дочь казака Петра Кузнецова, Устинья, съ отцомъ и снохою въ собственномъ домѣ. Выборъ палъ на нее, какъ на вполнѣ достойную по своей красотѣ и «постоянству» вы-

сокой чести быть женою государя Петра Θедоровича.

Сватами были Толкачевъ и Почиталинъ; Устинья, по дѣвичьей робости, не хотѣла было и показываться имъ, но дѣло повели круто: самъ Пугачевъ пріѣхалъ посмотрѣть невѣсту, одобрилъ ее, далъ ей нѣсколько серебряныхъ рублей и поцѣловалъ.

— Чтобы къ вечеру быть сговору, сказалъ строго Пугачевъ,—а завтра быть свадьбѣ! Вѣнчали его съ торжествомъ въ Яицкомъ городкѣ въ церкви Петра и Павла «соборне», причемъ Устинью поминали «благовѣрною императрицею», а на свадебномъ пирѣ новобрачный самозванецъ раздавалъ подарки.

Безспорно, что Пугачевъ если не питалъ къ своей невѣстѣ любви, то она возбуждала его страсть и нравилась ему красотою, что же касается ея участія въ совершеніи этого брака, то оно было, какъ и по всему видно, довольно пассивное.

Свадьба совершилась по однимъ источникамъ въ январѣ, а по другимъ—въ февралѣ 1774 года, въ Яицкомъ городкѣ. Для житья «молодымъ» былъ выстроенъ домъ, называвшійся «царскимъ дворцомъ», съ почетнымъ карауломъ и пушками у воротъ.

Устинья Кузнецова стала называться «государыней императрицей», была окружена роскошью и изобиліемъ во всемъ,—и все это совершалось тогда, когда комендантъ Симоновъ сидѣлъ въ укрѣпленіи осажденный, терпѣлъ голодъ, подвергался приступамъ и ждалъ смерти.

Въ царскомъ дворцѣ пошли пиры горой и разливанное море.

На этихъ пирахъ «императрица Устинья Петровна» была украшеніемъ и принимала непривычныя ей почести и поклоненіе, отъ которыхъ замирало ея сердце и кружилась голова. Ей, не раздѣлявшей ни мыслей, ни плановъ Пугачева, не знавшей—ложь это или истина, должно было все казаться какимъ-то сказочнымъ сномъ наяву. Мужъ окружилъ ее подругами и сверстницами—казачками, онѣ назывались «фрейлинами государыни императрицы». Одна изъ нихъ была Прасковья Чапурина, другая Марья Череватая; а главною надзирательницею была назначена Аксинья Толкачева, жена его сподвижника. Прасковья Иванаева играла въ этомъ грубо-маскарадномъ антуражѣ тоже важную роль и душевно была предана и Пугачеву, и Устиньѣ Петровнѣ, по простотѣ души или по разсчету почитая ихъ за истинныхъ царя и царицу. Пугачевъ, чтобы сохранить за этимъ маскараднымъ актомъ все значеніе, отдалъ повелѣніе поминать во время богослуженія на эктеніяхъ Устинью Петровну, рядомъ съ именемъ Петра Ѳедоровича, какъ императрицу, но это не удалось ему почему-то въ Яицкомъ городкѣ: духовенство отказалось отъ этого, ссылаясь на неимѣніе указа отъ синода,—и Пугачевъ, по непонятной причинѣ, не настаивалъ на этомъ. Этотъ отказъ довольно страненъ: если духовенство не боялось вѣнчать его съ Устиньей, какъ царя, поминать его на эктеніяхъ, какъ царя,

то что же духовенству стоило къ этимъ винамъ присоединить и новую? Вѣдь отговорка неимѣніемъ указа отъ синода была смѣшна, если духовенство, хотя наружно, почитало его за царя! И умный Пугачевъ соглашается съ этимъ смѣшнымъ доводомъ, хотя его «царскому достоинству» наносился этимъ нѣкоторый ущербъ.

Или ему самому казалось ужъ это черезчуръ смѣшнымъ по отношенію къ Устиньѣ Петровнѣ Кузнецовой—Пугачевой?

Впрочемъ, такимъ упорствомъ было заражено не все духовенство, и мы имѣемъ свѣдѣніе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ духовный чинъ былъ сговорчивѣе и покорнѣе велѣніямъ самозванца.

Гораздо позже, по переходѣ Пугачева на эту сторону Волги, 27-го іюля 1774 года, когда онъ съ торжествомъ вошелъ въ Саранскъ, Пензенской губерніи, встрѣченный не только простонародьемъ, ждавшимъ его съ нетерпѣніемъ, но и купечествомъ, и духовенствомъ со крестами и хоругвями, на богослуженіи архимандритъ Александръ помянулъ вмѣстѣ съ Петромъ Өедоровичемъ и императрицу Устинью Петровну, уже бывшую въ это время въ рукахъ правительства, но саранскому простолюдью и духовенству недолго пришлось торжествовать.

На третій день, 30-го іюля, торжествующій Пугачевъ направилъ свое тріумфальное шествіе къ самой Пензѣ, поставивъ надъ Саранскомъ «своихъ» начальниковъ, а 31-го вошелъ въ Саранскъ слѣдовавшій за Пугачевымъ по пятамъ Меллинъ

и началъ перевертывать порядки по-старому: арестовалъ пугачевское «начальство» и «зачинщиковъ» духовныхъ и свѣтскихъ, а усердный архимандритъ Александръ былъ преданъ суду въ Казани, изверженъ сана (причемъ въ церкви были солдаты съ примкнутыми штыками, а на Александрѣ оковы), разстриженъ и сосланъ. Этотъ случай даетъ намъ основаніе предполагать, что въ отказѣ яицкаго духовенства поминать Устинью были особенныя, мѣстныя причины, и ихъ уважилъ Пугачевъ, не хотѣвшій ссориться съ нужными ему людьми.

На самомъ дѣлѣ Устинья была царицей только по своей красотѣ; подругой же Пугачеву, умному и кипѣвшему жизнью, быть не могла. Таковою могла быть Харлова, но ее столкнули съ дороги прежде времени. Неразвитая Устинья могла быть только наложницей, и Пугачевъ первый это увидѣлъ и устроилъ дѣла сообразно этому. Онъ не приблизилъ свою новую жену къ себѣ, какъ это было съ Харловой, а, живя подъ Оренбургомъ въ Бердской слободѣ, за 300 верстъ отъ Яицкаго городка, оставилъ Устинью въ этомъ послѣднемъ забавляться со своими фрейлинами-казачками, и ѣздилъ лишь къ ней каждую недѣлю, прохлаждаться и нѣжиться съ 17-ти-лѣтней писаной красавицей.

Начальниками осады Яицкаго городка были пугачевскіе предводители Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ, которые вели ее въ отсутствіе Пугачева, но, кромѣ того, каждый пріѣздъ «самого»

ознаменовывался сильнѣйшими атаками на храбро державшихся и изнемогавшихъ уже отъ голода приверженцевъ Екатерины II. Осажденные уже ѣли глину и падаль, но не думали сдаваться; уже Пугачевъ разсвирѣпѣлъ отъ упорства своихъ противниковъ и поклялся перевѣшать не только Симонова и его помощника Крылова, отца нашего баснописца, но и семейство послѣдняго, находившееся въ Оренбургѣ, а въ томъ числѣ и малолѣтняго сына его, Ивана Андреевича Крылова.

Осажденные уже выдержали полугодовую осаду, отрѣзанные со всѣхъ сторонъ отъ остального міра, имѣя врагами своими весь городъ. Замедли избавленіе еще немного, и угроза Пугачева была бы приведена въ исполненіе со всею жестокостью разъяреннаго упорствомъ побѣдителя.

Но освободители пришли 17-го апрѣля 1774 года. Въ этотъ день приблизился и вступилъ въ городъ отрядъ Мансурова, мятежники разбѣжались, начальники осады были выданы, голодные накормлены. Это случилось на страстной недѣлѣ, но день этотъ для осажденныхъ былъ радостнѣе самого Свѣтлаго Воскресенія—они избавились отъ вѣрной и мучительной смерти.

V.

Арестъ «императрицы Устиньи» и Прасковьи Иванаевой. — Иванаеву снова дерутъ и водворяютъ на старое мѣсто жительства.— Взятіе Пугачевымъ Казани и освобожденіе Софіи съ дѣтьми. — Вмѣсто Софьи Устинья въ Казани. — Софья снова отнята у Пугачева.—Поимка его самого.

Въ этотъ же день пришелъ конецъ и прохладному житью «матушки-царицы» Устиньи Петровны: «фрейлины» ея тотчасъ же разбѣжались, а ее самое и вѣрную Прасковью Иванаеву, вступившій снова въ должность Симоновъ арестовалъ, заковалъ по рукамъ и по ногамъ и посадилъ въ войсковую тюрьму.

При взятіи Устиньи, задорная и преданная Иванаева подняла скандалъ, защищая «матушку-государыню» и грозя гнѣвомъ Петра Ѳедоровича, но съ нею въ этомъ случаѣ поступили «невѣжливо», и бѣдная баба все-таки снова попала въ руки ея враговъ, побѣду надъ которыми она уже торжествовала!..

Дома и имущество Устиньи были опечатаны и охранялись карауломъ; домъ Иванаевой оказался сданнымъ внаймы вдовѣ войскового старшины, Аннѣ Антоновой, и его не тронули.

26-го апрѣля 1774 года Устинью съ Иванаевой, въ числѣ другихъ 220 колодниковъ, Симоновъ отправилъ уже въ освобожденный Оренбургъ, въ учрежденную «секретную комиссію» для допросовъ.

Эти женщины, бывъ приближены къ Пугачеву, могли сообщить слѣдователямъ много важныхъ свѣдѣній о самозванцѣ, который въ это время ловко увертывался отъ посланныхъ за нимъ отрядовъ и особенно отъ энергичнаго въ преслѣдованіи Михельсона.

Въ Оренбургѣ женщинъ допрашивалъ предсѣдатель секретной комиссіи, коллежскій совѣтникъ Иванъ Лаврентьевичъ Тимашевъ, и дѣло о Прасковьѣ Гавриловой Иванаевой нашелъ не особенно важнымъ, ибо рѣшилъ его собственною властью. Преступленія Прасковьи, которая на этотъ разъ, можетъ быть, и присмирѣла, было рѣшено наказать трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, а послѣ того бить плетьми и затѣмъ сослать на житье въ Гурьевъ городокъ.

Но этотъ послѣдній пунктъ былъ впослѣдствіи отмѣненъ, и Иванаеву, наказавъ плетьми, водворили на мѣсто ея жительства, въ Яицкій городокъ, въ собственномъ домѣ, о чемъ и былъ увѣдомленъ яицкій комендантъ Симоновъ, вмѣстѣ съ препровожденіемъ къ нему его «старой знакомки».

Не весела возвратилась яростная поклонница Пугачева въ Яицкъ, въ среду жителей, помнившихъ и позоръ, и кратковременное торжество ея.

Иванаева, затаивъ злобу, поселилась въ своемъ домѣ вмѣстѣ съ нанимавшимъ его семействомъ войскового старшины Антонова.

Устинья Кузнецова въ Оренбургѣ была трактована, какъ важное для слѣдствія лицо, сидѣла за-

кованная въ тюрьмѣ, и всѣ допросныя рѣчи ея хранились въ тайнѣ.

А въ это время Пугачевъ, тѣснимый Михельсономъ, опрокинулся на Казань и 12-го іюля 1774 года взялъ ее, предавъ огню и разграбленію своихъ шаекъ. Къ вечеру, оставивъ Казань въ грудахъ дымящихся развалинъ, Пугачевъ отступилъ, а на утро спасавшіеся въ крѣпости люди, ожидавшіе съ ужасомъ полчищъ Пугачева, съ радостію увидѣли гусаръ Михельсона, спѣшно мчавшихся къ городу. Казань была въ ужасномъ состояніи: двѣ трети города выгорѣло, двадцать пять церквей и три монастыря тоже дымились въ развалинахъ!

Тюрьма,. гдѣ Пугачевъ годъ только тому назадъ самъ сидѣлъ въ оковахъ, была имъ сожжена, а колодники всѣ выпущены на свободу.

Тамъ же, въ Казани, содержалась и первая жена Пугачева, Софья Дмитріева, съ троими дѣтьми. Узнавъ объ этомъ, Пугачевъ велѣлъ ихъ представить къ себѣ, и ея испуганный видъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Онъ былъ растроганъ и, не помня стараго зла, велѣлъ освободить ихъ изъ рукъ правительства и взять въ свой лагерь, чтобы они слѣдовали вмѣстѣ съ нимъ.

— Былъ у меня казакъ Пугачевъ, сказалъ самозванецъ окружающимъ, хорошій мнѣ былъ слуга и оказалъ мнѣ великую услугу! Для него и бабу его жалѣю!..

Такимъ образомъ, Софья Дмитріева снова попала въ руки Пугачева, но онъ не мстилъ ей за выдачу его въ трудную минуту.

Правительство пріобрѣло Устинью Пугачеву и потеряло Софью, но она уже не была такъ нужна правительству теперь—все необходимое было у нея выспрошено.

Въ обозѣ Пугачева Софья Дмитріева съ дѣтьми переправилась и за Волгу, на нашу сторону, сопровождала его во всѣхъ дальнѣйшихъ походахъ, послѣдовала за нимъ и тогда, когда, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, Пугачевъ снова поворотилъ къ Волгѣ.

Между тѣмъ въ очищенной отъ мятежныхъ шаекъ Казани приводилось все въ старый порядокъ.

На смѣну освобожденной Софьи Дмитріевой привезли въ Казань Устинью Кузнецову и снова подвергли допросу въ казанской секретной комиссіи, гдѣ дѣйствовали генералъ-маіоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ и капитанъ гвардіи Галаховъ.

Тутъ обнаружилось, что въ опечатанномъ домѣ Устиньи, въ Яицкомъ городкѣ, находятся сундуки съ имуществомъ ея мужа, Пугачева, и за ними тотчасъ же послали нарочнаго, чтобы Симоновъ выдалъ ихъ и препроводилъ подъ надежнымъ конвоемъ въ Казань.

Что найдено въ этихъ сундукахъ—неизвѣстно. Вѣроятно, кромѣ драгоцѣнностей, награбленныхъ за Ураломъ, ничего важнаго.

Вся эпоха Пугачевскаго бунта представляетъ какую-то странную игру въ прятки: сегодня входитъ въ городъ Пугачевъ и расправляется по-своему, завтра онъ уходитъ,—по пятамъ его всту-

паютъ правительственныя войска и начинаютъ все передѣлывать. Быстрыя перемѣны, отъ которыхъ хоть у кого закружится голова—и въ концѣ концовъ—кровь, стоны, пожары, грабежъ!..

Пугачевъ доигрывалъ свою страшную комедію съ переодѣваніемъ; онъ уже, какъ дикій звѣрь, загнанный охотниками, свирѣпо бросался изъ стороны въ сторону и затѣмъ вдругъ повернулъ къ Волгѣ обратно, питая все-таки какіе-то грандіозные планы. Его преслѣдовали по пятамъ; въ самомъ войскѣ его открылись измѣны, начали уходить отъ него массами; среди самыхъ близкихъ сообщниковъ начались тайные переговоры о выдачѣ самого Пугачева!..

Въ этомъ переполохѣ, когда преслѣдовавшіе Пугачева отряды отхватывали отъ него кусокъ за кускомъ отъ обоза и войскъ, въ августѣ 1774 года была снова взята правительственными войсками и Софья Дмитріева съ обѣими дочерьми; малолѣтній сынъ Пугачева, Трофимъ, остался при немъ. Софью Пугачеву опять, во второй разъ, отправили въ Казань, гдѣ сошлись теперь обѣ жены Пугачева, и съ этого времени, кажется, судьба ихъ связана вмѣстѣ, онѣ терпятъ одну и ту же участь.

Наконецъ, Пугачева снова угнали за Волгу. Къ преслѣдовавшимъ мятежника Михельсону, Меллину и Муфелю присоединился Суворовъ; они переправились за Пугачевымъ черезъ Волгу и тамъ осѣтили его со всѣхъ сторонъ, отрѣзавъ всякую возможность вырваться.

Исторія поимки Пугачева, какъ она разсказана, по преданіямъ, у А. С. Пушкина, рознится отъ исторіи, извлеченной изъ дѣлъ Государственнаго Архива Н. Дубровинымъ и крайне интересна, но задача этой статьи не позволяетъ намъ отклониться въ сторону.

VI.

Пугачевъ въ клѣткѣ. — Софья пущена въ Москвѣ по базарамъ разсказывать о мужѣ.—Казнь Пугачева и рѣшеніе суда о «женкахъ».—Устинья у императрицы Екатерины II.—Пропажа обѣихъ женокъ съ горизонта и изъ памяти. — Чрезъ 21 годъ онѣ оказываются въ Кексгольмской крѣпости.

Теперь начинается развязка всѣхъ прошедшихъ предъ читателемъ трагическихъ и комическихъ сценъ.

Пугачева, послѣ допроса въ Яицкомъ городкѣ, Суворовъ повезъ въ деревянной клѣткѣ, какъ рѣдкаго звѣря, въ Симбирскъ къ Панину; съ нимъ былъ и сынъ его отъ Софьи, Трофимъ, «рѣзвый и смѣлый мальчикъ», какъ называетъ его Пушкинъ въ своей «Исторіи Пугачевскаго бунта». Изъ Симбирска ихъ отправили въ Москву.

Еще раньше туда же посланы были и «женки» Пугачева, Софья съ дочерьми и Устинья для новыхъ допросовъ въ тайной экспедиціи, къ за-

вѣдывавшему московскимъ ея отдѣломъ оберъ-секретарю сената, Степану Ивановичу Шешковскому.

Послѣ допросовъ Устинью Пугачеву посадили подъ крѣпкій караулъ, приберегая для посылки въ Петербургъ, гдѣ императрица Екатерина II выразила желаніе видѣть пресловутую «императрицу Устинью», а Софью Дмитріеву, въ видахъ успокоенія народной молвы,—ибо о Пугачевѣ въ народѣ говорили «разно» и подчасъ для правительства непріятно,—пустили гулять по базарамъ, чтобы она всѣмъ разсказывала о своемъ мужѣ, Емельянѣ Пугачевѣ, показывала его дѣтей, словомъ разсѣивала своимъ живымъ лицомъ и свидѣтельствомъ мнѣніе, что Пугачевымъ назвали истиннаго государя Петра III.

Народъ, незадолго передъ тѣмъ съ нетерпѣніемъ ожидавшій Пугачева, какъ царя Петра Ѳедоровича, слушалъ разсказы Софьи, ходилъ смотрѣть «самого Пугача» на монетный дворъ—и, должно быть, убѣждался.

10-го января 1776 года въ жестокій морозъ была совершена казнь Пугачева, въ Москвѣ на Болотѣ, а о женахъ его въ пунктѣ 10 сентенціи о казни было сказано:

«А понеже ни въ какихъ преступленіяхъ не участвовали обѣ жены самозванцевы, первая Софья, дочь донского казака Дмитрія Никифорова (Недюжина), вторая Устинья, дочь яицкаго казака Петра Кузнецова, и малолѣтные отъ первой жены сынъ и двѣ дочери, то безъ наказанія отдалить

ихъ, куда благоволитъ Правительствующій Сенатъ».

Передъ «отдаленіемъ» Устинью Кузнецову привезли въ Петербургъ, чтобы показать ее императрицѣ Екатеринѣ II, и когда монархиня внимательно осмотрѣла яицкую писанную красавицу, то замѣтила окружающимъ:

— Она вовсе не такъ красива, какъ прославили...

Устиньѣ въ это время было не болѣе 17—18 лѣтъ. Можетъ быть, волокита и маета по тюрьмамъ, секретнымъ комиссіямъ и допросамъ, при которыхъ не разъ, вѣроятно, она попробовала и плетей, сняли съ лица ея красоту и состарили ее!..

Съ этого времени объ Устиньѣ и Софьѣ исчезли-было всякія свѣдѣнія, а на Уралѣ такъ и до сихъ поръ ничего не знаютъ о дальнѣйшей участи несчастныхъ женщинъ. Есть только преданіе, что ни Софья, ни Устинья назадъ не воротились—и это справедливо.

Свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ «пугачевскихъ «женокъ» нынѣ появляются въ печати въ первый разъ, заимствованныя изъ подлиннаго документа, находящагося въ государственномъ архивѣ и въ копіи обязательно сообщеннаго редакціи «Историческаго Вѣстника».

Судьба ихъ послѣ сентенціи и казни Пугачева, вѣроятно, была никому или очень немногимъ извѣстна и изъ современниковъ-то, а черезъ короткое время память о нихъ по сю сторону Волги и совсѣмъ сгибла: убрали, «отдалили»—и концы въ воду!

И только черезъ двадцать одинъ годъ послѣ казни Пугачева короткое свѣдѣніе о нихъ появляется на свѣтъ Божій.

Императоръ Павелъ Петровичъ, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ (14-го декабря 1796 г.), приказалъ отправить служившаго при тайной экспедиціи коллежскаго совѣтника Макарова въ Кексгольмскую и Нейшлотскую крѣпости, поручивъ ему осмотрѣть содержащихся тамъ арестантовъ и узнать о времени ихъ заточенія, о содержаніи ихъ подъ стражею или о ссылкѣ ихъ туда на житье.

Въ свѣдѣніяхъ, представленныхъ Макаровымъ, между прочимъ, записано:

«Въ Кексгольмской крѣпости: Софья и Устинья, женки бывшаго самозванца Емельяна Пугачева, двѣ дочери, дѣвки Аграфена и Христина отъ первой и сынъ Трофимъ.

«Съ 1775 года содержатся въ замкѣ, въ особливомъ покоѣ, а парень на гауптвахтѣ, въ особливой (же) комнатѣ.

«Содержаніе имѣютъ отъ казны по 15 копѣекъ въ день, живутъ порядочно.

«Женка Софья 55 лѣтъ, Устинья — около 36 лѣтъ[1]), дѣвка одна 24-хъ, другая лѣтъ 22-хъ; малый же лѣтъ отъ 28 до 30.

«Присланы всѣ вмѣстѣ, изъ Правительствующаго Сената.

---

[1]) Устинья, вѣроятно, была моложава, что сдѣлали по виду такое заключеніе. Ей, должно быть, было въ то время лѣтъ 40.

«Софья—дочь донского казака и оставалась во время разбоя мужа ея въ домѣ своемъ (вначалѣ, а впослѣдствіи она была взята подъ стражу), а на Устиньѣ женился онъ, бывъ на Яикѣ, а жилъ съ нею только десять дней[1]).

«Имѣютъ свободу ходить по крѣпости для работы, но изъ оной не выпускаются; читать и писать не умѣютъ».

Такъ вотъ какова судьба усладительницъ дней Пугачева; послѣ разныхъ треволненій и бѣдъ, послѣ разнообразнѣйшихъ и чудныхъ приключеній, а Устинья послѣ титула «императрицы»—онѣ были отданы на жертву гарнизонныхъ серцеѣдовъ-солдатъ и офицерства, и долгую жизнь свою проводили въ стѣнахъ крѣпости, питаясь поденщиной. Что было съ ними далѣе — неизвѣстно; вѣроятно, онѣ такъ и померли въ Кексгольмской крѣпости, сжившись съ нею.

VII.

Запрещеніе разговоровъ о Пугачевѣ. — Опять Иванаева и опять плети.—Ссора изъ-за дровъ.—Комедіанты на Уралѣ представляютъ Устинью.—Сочувствіе къ ней.—Заключеніе.

Не скоро улеглось умственное волненіе въ народѣ, поднятое Пугачевскимъ бунтомъ; волной ходили въ народѣ по сю сторону Волги разго-

---

[1]) Если Устинья считаетъ «житьемъ» съ ней еженедѣльные его къ ней пріѣзды, то она совершенно права.

воры о Пугачевѣ, и Екатерина распорядилась запретить всякіе разговоры о немъ, т. е. пойманныхъ въ этомъ наказывали, и это запрещеніе имѣло силу до самаго воцаренія императора Александра I.

Не скоро поблѣднѣла память о Пугачевѣ въ народѣ, а въ средѣ Яицкихъ, переименованыхъ въ Уральскіе, казаковъ она жива и до сихъ поръ.

Кстати сообщимъ, чѣмъ окончилось въ Яицкѣ дѣло объ Устиньѣ. Домъ ея, запечатанный Симоновымъ съ самаго дня ареста Устиньи, стоялъ пустой до окончанія дѣла о Пугачевѣ и, долго спустя, былъ, по просьбѣ родственниковъ Кузнецовой, распечатанъ и отданъ имъ во владѣніе войсковымъ начальствомъ.

Прасковья Гаврилова Иванаева не унялась и послѣ казни Пугачева; попрежнему стала она невоздержна на языкъ, чуть дѣло касалось предмета ея преданности и любви, попрежнему жадно ухватывалась за всякій слухъ о появленіи бунтовщиковъ, чтобы грозить ими насолившему ей начальству.

Въ Астрахани появился разбойникъ «Метла» или «Заметаевъ», и вотъ Иванаева ожила и насторожила уши. Надобенъ былъ самый пустячный предлогъ, чтобы вывести неугомонную бабу изъ труднаго для нея молчанія; предлогъ не замедлилъ явиться: Иванаева поругалась со своей квартиранткой, вдовой Антоновой, изъ-за дровъ, а потомъ онѣ вцѣпились другъ другу и въ косы. Антонова, вѣроятно, попрекнула Прасковью Пуга-

чевымъ и плетями, которыми ее неоднократно подчивали—и Иванаева разсвирѣпѣла...

— Врешь, дура нечесаная! Пугачева казнили, а батюшка Петръ Өедоровичъ живъ еще и придетъ еще съ войскомъ!.. А не онъ, такъ наслѣдникъ его отплатитъ вамъ!.. А въ Астрахани, вонъ, «Метла» появилась, смететъ всѣхъ васъ и съ начальствомъ-то вашимъ! Вотъ тогда я посмотрю!..

Антонова донесла на Прасковью Иванаеву по начальству; исправляющій должность коменданта Яицкаго городка, войсковой старшина Акутинъ, донесъ Рейнсдорпу объ этомъ 5-го марта 1775 года, и оренбургскій губернаторъ приказалъ Иванаеву снова выдрать плетьми, подтвердивъ ей, «что впредь за подобныя слова и разглашенія, по жестокомъ наказаніи, будетъ выслана въ отдаленное мѣсто отъ Уральскаго городка».

Бѣдной неугомонной бабѣ снова пришлось отвѣчать своей спиной за слѣпую преданность Пугачеву, и съ этого раза, она, вѣроятно, присмирѣла, разсудивъ, что, въ концѣ концовъ, «плетью обуха не перешибешь», а своя шкура дороже!..

Относительно памяти объ Устиньѣ Кузнецовой на Уралѣ, существующей и до сихъ поръ, г. Р. Игнатьевъ, въ статьѣ своей объ Устиньѣ, помѣщенной въ «Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1884 годъ сообщаетъ любопытное свѣдѣніе, что Устинью Кузнецову не только свѣжо помнятъ и до сихъ поръ и сочувствуютъ этой безвременно погибшей красавицѣ, но и «образъ ея лицедѣйствуется въ живыхъ картинахъ» разъѣзжающими

по городамъ и селамъ труппами комедіантовъ. Дѣйствіе изображаетъ свадьбу Пугачева на Устиньѣ, невѣсту изображаетъ молоденькая артистка, «не жалѣя гримировки» — и представленіе всегда привлекаетъ огромную толпу зрителей, съ любопытствомъ и сочувствіемъ смотрящую на изображеніе своей «народной героини»...

Въ настоящей статьѣ приведены всѣ извѣстныя свѣдѣнія о женщинахъ, непосредственно участвовавшихъ въ Пугачевскомъ возстаніи; передъ читателемъ въ возможной полнотѣ представлено четыре женскихъ типа этой смутной эпохи. Какое разнообразіе психологическихъ положеній и какіе любопытные выводы въ этомъ отношеніи можно сдѣлать даже и изъ приведенныхъ отрывочныхъ чертъ!..

Примѣчаніе. Эта статья была помѣщена въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1884 г. Въ вышедшемъ послѣ ея напечатанія изслѣдованіи Н. Дубровина: «Пугачевъ и его сообщники» нѣкоторые факты, по документамъ Государственнаго Архива, не открытаго даже Пушкину, первому историку Пугачевскаго бунта, были изложены иначе. Въ настоящемъ изданіи этой статьи факты исправлены по Дубровину. Объ этой статьѣ есть рецензія въ книгѣ Дубровина, т. 3, стр. 380, и отвѣтъ мой на нее вмѣстѣ съ рецензіей самого изслѣдованія въ «Историческ. Вѣстн.», 1885 г., № 2.

„Историческіе негативы“.

I.

Исторія двухъ кусковъ шелковой матеріи.

1. Кусокъ временъ императрицы Елисаветы Петровны.

I.

То былъ вѣкъ щеголихи-государыни, красавицы Елисаветы Петровны. Щегольство въ высшихъ кругахъ было непомѣрное.

Французы, нѣмцы, итальянцы и наши русскіе купцы галантереями торговали на славу. Товаръ шелъ все дорогой: парчи, камки, атласы, шелки, золотое и серебряное кружево, драгоцѣнные камни въ затѣйливыхъ оправахъ. Петербургскій дворъ подражалъ версальскому; мужскіе и женскіе костюмы состояли изъ невообразимо-изящной путаницы шелка нѣжнѣйшихъ цвѣтовъ, золота, серебра, кружевъ и драгоцѣнныхъ камней. Стоимость одного такого костюма была очень велика,

а при дворѣ Елисаветы Петровны явиться на балъ два раза въ одномъ и томъ же платьѣ считалось очень зазорнымъ, а иногда было и невозможно. Склонность щеголихи-государыни, оставившей послѣ себя нѣсколько тысячъ платьевъ, пришлась по душѣ многимъ придворнымъ дамамъ и просто богатымъ людямъ, — и можно себѣ вообразить, какое соревнованіе возбуждалось въ поискахъ за новымъ, небывалымъ, невиданнымъ. Платились огромныя деньги; пускались въ ходъ всѣ средства; пріѣзжіе купцы съ нарядами осаждались и загребали деньги лопатами. Особенно жданными и дорогими гостьми были заграничные корабельщики: пріѣздъ ихъ составлялъ событіе для щеголей и щеголихъ, и азартъ пріобрѣтенія возбуждался въ высшей степени во всѣхъ, начиная отъ императрицы.

Въ такихъ случаяхъ, вѣрная нравамъ своей эпохи, государыня-щеголиха поступала просто и раціонально: приказывала купцамъ, во избѣжаніе конкурренціи другихъ щеголихъ, всѣ товары прежде всѣхъ показывать ей; отбирала щедрой рукой все, что ей нравилось, брала деньги изъ соляной конторы, уплачивала, а остальное, «оборыши», дозволяла пускать въ продажу всѣмъ другимъ.

При такомъ простомъ и раціональномъ образѣ дѣйствій, русскимъ щеголихамъ не удавалось перещеголять государыню; богатымъ была еще возможность обращаться прямо заграницу, но и тамъ всѣ посланники и резиденты, въ числѣ своихъ дипломатическихъ обязанностей, имѣли очень

строгую: — неуклонно слѣдить за всѣми модами и причудами щегольства и немедленно высылать ко двору все новое и замѣчательное.

Трудно было перещеголять государыню при такихъ условіяхъ, и сердца щеголихъ, безнадежно уязвленныя страстью къ нарядамъ, волновались и кипѣли, а женскій умъ неустанно работалъ, изобрѣтая способы запастись чѣмъ нибудь новенькимъ, не изъ безнадежныхъ оборышей.

Иногда щеголихамъ это удавалось, а иногда ихъ постигала горькая неудача.

II.

Къ одной изъ первыхъ щеголихъ елисаветинскаго времени, Марьѣ Павловнѣ Нарышкиной[1]), вечеромъ, пришелъ расторопный дворецкій и съ таинственнымъ видомъ сообщилъ:

— Нашелъ, матушка-барыня!—насилу урвалъ!..

Лицо барыни расцвѣло радостью.

— Ахъ, Прокофій, ты не останешься за это безъ награды! Что-жъ ты нашелъ и какъ?

— Трудненько, матушка-барыня, было: на дорогѣ француза-то поймалъ! «Не отбиться, говоритъ, отъ барынь,—а мнѣ нельзя!..» Да и при мнѣ были у француза отъ Румянцевыхъ, да отъ саксонской посланницы... Цѣны набиваютъ страсть— только отдай! Ужь я, матушка-барыня, признаться, понакинулъ цѣну, да урвалъ...

---

[1]) Урожденная Балкъ-Полева, жена славнаго егермейстера С. К. Нарышкина, подруга юности Екатерины II.

— Ну, что тамъ за цѣной стоять! Говори,—что купилъ-то, да досталось ли что другимъ-то, Румянцевымъ, да посланницѣ?..

— Саксонская посланница тоже кое-что урвала, отвѣчалъ дворецкій,—только меньше нашего, а Румянцевымъ ничего не осталось... А купилъ я для вашей милости голубые съ серебромъ палантины, лацканы, да крагены алые для платья, тафты бруснишной, да мушекъ двѣ коробки самыхъ новыхъ, что въ Парижѣ начали дамы лѣпить недавно. Лацканы-то да палантины сама государыня облюбовала въ Царскомъ Селѣ,—французъ-то за великую силу отдалъ: только, говоритъ, для твоей барыни Нарышкиной уступаю, потому что она царская родственница и хорошая у меня покупательница.

— Ну, спасибо французу!—а картиночку на манеръ, какъ робу шить, далъ?

— Далъ, матушка-барыня, самую, говоритъ, новую, чего нѣтъ новѣе!

— Десять рублей тебѣ, Прокофій, за усердіе! Неси сюда покупки, да пошли скорой рукой за придворнымъ портнымъ Сѣверинымъ, да, смотри, по тайности!.. Скажи, что за платой не постою!

— Ужъ, знаю, матушка-барыня, меня не учить!..

III.

Черезъ три дня великолѣпная роба на самый послѣдній версальскій манеръ была почти готова и примѣрена; оставалась только отдѣлка. Черезъ

домашнихъ лазутчиковъ и дворню Нарышкина узнала подъ рукою, что ни у кого нѣтъ такой робы,—и счастію ея не было предѣла.

Вдругъ, рано утромъ, докладываютъ ей, что ее желаетъ видѣть французъ-торговецъ Жирадетъ по очень важному дѣлу. Блѣдный и взволнованный входитъ къ Нарышкиной купецъ французскими галантереями.

— Madame! madame! Mes excuses profondes!.. Mais je ne puis pas!.. L'ordonnance de Sa Majesté!.. Ces étoffes que je vous ai vendu!.. (Сударыня! Нижайше прошу извинить меня... Но я не могу... По высочайшему повелѣнію... матеріи, которыя я вамъ продалъ)...

— Что такое? Да говори ты по-русски! Тупо я что-то понимаю тебя!

— Mille pardons! Sa Majesté l'Impératrice приказаль отобрать палянтинъ, тафета et всо, что я продаваль!.. Au nom de Dieu, для Бога, я проситъ васъ, мадамъ, отдавать мнѣ палянтинъ, тафета et всо! Voilà l'argent—всо, што я полючиль!..

— Да ты съума сошелъ, французъ! Какъ я тебѣ отдамъ, коли у меня и сшито все!

— Всо равно! шитый, рѣзаной на куски,—всо прошу отдавать, вотъ деньги!.. Меня императрисъ накажетъ...

— А ты зачѣмъ сказалъ, что продалъ? Пеняй теперь на себя!

— Не говориль,—сама императрисъ видаль, приказаль—отбирай!

— Ничего я тебѣ не отдамъ! самъ продалъ, а платье у меня готово! начала горячо защищать

свою робу Нарышкина: кромѣ меня, саксонская посланница купила у тебя! Поди, сначала отбери отъ нея, да покажи мнѣ, тогда и я, можетъ, отдамъ!..

— У посланницъ не велѣно отбирай, я не смѣй!..

— А не смѣешь, такъ и я не хуже ея—не отдамъ да и все!.. Тебѣ кто приказалъ отбирать?

— Son excellence, Василій Иванышь Демидовъ!

— Ну, мало ли что твой Демидовъ выдумаетъ! Пожаловали изъ приказныхъ въ генералы, такъ и заважничалъ! Скажи ему, чтобы онъ не выслуживался, а я не отдамъ! Возьми сначала у посланницы!..

Ничего не добившись, французъ въ отчаяніи ушелъ, а Нарышкина, очень довольная, что отвязалась отъ француза и отбила свое пріобрѣтеніе, спѣшно послала къ придворному портному Сѣверину, чтобы сейчасъ кончалъ и приносилъ новую робу, разсчитывая, что у нея въ рукахъ робѣ будетъ безопаснѣе.

— Ишь ты! ловокъ тоже этотъ Демидовъ! Француза подослалъ покупки отобрать!.. Просто, выслужиться хочетъ передъ государыней, ну и напугалъ француза! говорила Нарышкина, пряча новую робу въ широкій шкафъ,—какъ вдругъ въ залѣ раздалось сдержанное покашливаніе новаго посѣтителя.

— Генералъ изъ кабинета государыни! доложилъ лакей.

— Демидовъ!? почти вскрикнула встревоженная Нарышкина.

— Такъ точно-съ, Василій Ивановичъ Демидовъ... По неотложной надобности-съ...

«И чего этому старому шуту надо!.. Не отдамъ!» мелькнуло въ головѣ Нарышкиной, когда она шла къ посѣтителю.

— Марья Павловна, встрѣтилъ Нарышкину Демидовъ, — извините, что я пришелъ къ вамъ съ непріятнымъ извѣстіемъ... Позвольте ваши покупочки у Абрама Жирадета взять обратно... Такъ государыня сама указала, потому что эти вещи проданы незаконно: императрица изволила ихъ отобрать для себя, въ Царскомъ Селѣ, а французъ осмѣлился продать другимъ противъ приказа... Государыня очень гнѣвается, потому что ея величество очень замѣтливы и не досчитались отобранныхъ вещей... Такъ, право, непріятно все это случилось...

— Да что ты, Василій Ивановичъ, напалъ на меня! начала Нарышкина,—давеча француза подослалъ, а теперь самъ явился!.. Да нѣтъ у меня ничего,—ничего я не покупала, вретъ твой французъ!..

— Списочекъ у меня есть, реестрикъ подробный всему, что Жирадетъ продалъ вамъ,—неложное извѣстіе...

— Да помилуй, Василій Ивановичъ, ты бы хошь меня-то выпуталъ, сказалъ бы, что нѣтъ!.. Неужто я такъ дешева стала, что и у француза не купи наряда...

— Душевно бы радъ, но только это не послужитъ вамъ въ пользу... Ея величество очень па-

мятливы и замѣтливы: всѣ краги, лацканы, палантины и тафты онѣ замѣтили и неотступно требуютъ назадъ...

— Ну, а у саксонской посланницы? а у другихъ?..

— У всѣхъ, кромѣ саксонской посланницы, отберутъ...

— Да чѣмъ же саксонская посланница святѣе меня?..

— Воля ея величества! Ничего не могу сдѣлать, къ великому моему горю!.. Ужъ вы, Марья Павловна, не сопротивляйтесь волѣ государыни, а отдайте все добромъ...

— Выдумываешь ты все, Василій Иванычъ, вѣрно выслужиться хочешь передъ государыней! Гдѣ на то воля ея?..

— Ну, ужъ, коли вы такъ не вѣрите мнѣ, Марья Павловна, сказалъ Демидовъ, кладя руку въ грудной карманъ мундира,—то вотъ вамъ собственноручная воля ея величества!..

Демидовъ вытащилъ записку и прочелъ Нарышкиной:

«Призови купца къ себѣ, для чего онъ такъ обманываетъ, что сказалъ, что всѣ тутъ лацканы и крагены, что я отобрала, а ихъ не токмо всѣ, но и ни единаго нѣтъ, которые я видѣла, а именно— алые. Ихъ было больше двадцати и при томъ такіе же и на платье, которые я всѣ отобрала, и теперь ихъ требую; то прикажи ему сыскать и никому въ угодность не утаивать. А ежели, ему скажи, онъ утаитъ, моимъ словомъ, то онъ не-

счастливъ будетъ, и кто не отдастъ. А я на комъ увижу, то тѣ равную часть съ нимъ примутъ!.. А я повелѣваю всеконечно сыскать всѣ и прислать ко мнѣ немедленно, кромѣ саксонской посланницы,—а прочіе всѣ должны возвратить»...

— Ну, вотъ видите, Марья Павловна, сказалъ, окончивъ чтеніе, Демидовъ, — тамъ дальше и о васъ именно сказано... Какъ же я могу не отобрать... Только ужъ вы, пожалуйста, по списочку все отдайте, да и кусочки, что откроены отъ робы, заодно!..

До глубины души огорченная, Нарышкина должна была возвратить дорогую робу и съ обрѣзками, для точности, какую хотѣлъ наблюсти исполнительный Василій Ивановичъ...

---

2. Кусокъ временъ императрицы Екатерины II.

I.

Всѣ должностныя лица «нажиточнаго» таможеннаго вѣдомства находились въ большомъ переполохѣ. Всѣ служившіе въ петербургской таможнѣ съ спокойною совѣстью вершили свои маленькія дѣлишки и безпрепятственно и быстро набивали карманы за маленькія услуги иностраннымъ купцамъ.

Президенты коммерцъ-колегіи, завѣдывавшіе таможнею, были люди не строгіе и покладливые,

«жили и жить давали другимъ», и все шло складно и ладно.

Вдругъ съ 1-го января 1794 года президентомъ коммерцъ-колегіи назначаютъ сенатора Гавріила Романовича Державина, извѣстнаго своимъ неуклоннымъ слѣдованіемъ правдѣ и рѣшительнымъ и неуживчивымъ характеромъ. Эти личныя свойства новаго. президента тотчасъ же дали себя знать въ теченіе запутанныхъ таможенныхъ дѣлъ. Видя въ своемъ назначеніи на такой «наживной постъ» не наживу, а желаніе государыни упорядочить эту хромающую часть, новый президентъ, со свойственной ему ревностью, прозорливостью и пониманіемъ пользъ государственныхъ, принялся за упорядоченіе и возстановленіе утрачиваемыхъ «пользъ». Тотчасъ же пошли осмотры складочныхъ на биржѣ амбаровъ, льняныхъ, пеньковыхъ и прочихъ, петербургскаго и кронштадтскаго портовъ, и вездѣ смущенная тьма и плѣсень увидѣли блескъ новаго свѣтлаго луча и почувствовали, что при такомъ президентѣ ихъ темнымъ дѣлишкамъ и безбѣдному благосостоянію приходитъ, если не совсѣмъ конецъ, то большое ограниченіе.

Распущенные постоянными поблажками, таможенные чины начали супротивничать президенту, увертываться, а онъ, не упуская изъ виду «пользъ государственныхъ», пошелъ и дальше, и глубже: почему нашъ курсъ низокъ, «не больше 22 штиверовъ», когда ввозная къ намъ торговля, по балансамъ, на 31 милліонъ рублей превышаетъ вы-

возную? Курсъ есть «ходъ денегъ въ ту или другую сторону, требованіемъ оныхъ усугубляющійся», и въ таможни пошли назойливые вопросы новаго президента-реформатора. Открылось большое злоупотребленіе: иностранные товары нарочно показывали низкою цѣною, чтобы меньше платить пошлинъ, и оттого такая несообразность. Державинъ принялся за докладъ императрицѣ, а обозленные таможенные рѣшили:

— А ужъ мы спихнемъ такого президента!

Пошла борьба правды съ кривдой, свѣта съ тьмою, и вотъ какой замысловатый способъ придумала кривда, чтобы дискредитировать въ глазахъ государыни президента-реформатора!..

II.

Первая жена Державина, красавица Екатерина Яковлевна (урожденная Бастидонъ, дочь мамки великаго князя Павла Петровича) все прихварывала. Дѣло было незадолго до ея кончины.

Обожавшій ее, пожилой уже тогда, Державинъ всячески старался развлекать и тѣшить ее, ни въ чемъ не отказывалъ ей. Задумала она отдѣлать комнаты какимъ-то особеннымъ соломеннымъ плетенымъ бордюромъ,—и пошло плетенье такого бордюра у знакомыхъ и родныхъ поэта, въ угоду Екатеринѣ Яковлевнѣ. Однажды, вскорѣ послѣ назначенія его президентомъ коммерцъ-колегіи, весною, Державинъ воротился изъ таможни домой, противъ обыкновенія радостный и сіяющій.

— Катенька, обратился онъ къ женѣ, — вотъ доброе-то дѣло и не пропадаетъ: заступился я предъ императрицей за графа Моцениго, венеціанскаго посланника, а онъ теперь въ благодарность мнѣ изъ Венеціи кусокъ чуднаго атласу прислалъ. Сейчасъ извѣстился я въ таможнѣ отъ купца.

— Гдѣ-жъ этотъ атласъ? Покажи, Гавріилъ Романовичъ,—сказала обрадованная жена.

— Нельзя покуда было взять, вотъ завтра разгружать будутъ,—тогда и атласъ получу. То-то ты пощеголяешь у меня, Катенька!..

— Больше, чѣмъ атласу, я рада, что ты веселый пришелъ изъ таможни! изводятъ они тамъ тебя.

— Ничего! Богъ дастъ, я ихъ сокрушу своей правдой. Еслибъ ты знала, сколько хищенія государственнаго интереса тамъ и неправды!.. Истинно, конюшни царя Авгіаса.

— А ты не заѣдался бы съ ними очень!.. Горячка ты.

— Не могу, Катенька, видѣть неправды и скрыть отъ царицы!..

На другой день роскошный итальянскій атласъ былъ въ таможнѣ, и директоръ Даевъ, одинъ изъ враговъ Державина, весьма ехидно спрашивалъ своего начальника:

— Какъ, ваше превосходительство, прикажете сдѣлать съ этимъ атласомъ? Записывать или не записывать его въ коносаменты въ числѣ прибывшихъ вещей?

— Запишите, отчего же не записать?

— А потому, что недавно состоялся указъ, по которому ввозъ подобныхъ цѣновныхъ товаровъ въ Россію запрещенъ. Не вышло бы непріятности для васъ, ваше превосходительство. А не записать мы всегда можемъ,—никто объ этомъ и знать не будетъ, и вы спокойно увезете атласъ къ себѣ.

Державинъ тотчасъ почувствовалъ въ рѣчахъ коварнаго директора покушеніе вовлечь его въ соучастіе въ преступленіи, чтобы потомъ заставить его молчать, и съ горячностью отвѣтилъ:

— А! въ такомъ случаѣ записать, непремѣнно записать въ коносаменты! Я не хочу обходить законы!

— Мы еще и потому можемъ не записать, продолжалъ свои соблазнительныя рѣчи искуситель,— что корабль вышелъ изъ Венеціи раньше указа о неввозѣ, и графъ Моцениго имѣлъ право послать этотъ атласъ.

— Все это прекрасно, но если надобно его записать въ коносаментъ, то и запишите. Я не хочу подавать примѣра беззаконія.

— Въ такомъ случаѣ, ваше превосходительство, вамъ придется пока оставить атласъ здѣсь въ таможнѣ. Черезъ нѣсколько дней можете его получить.

— Хорошо, я подожду, но только сдѣлайте все по закону.

— Слушаю, ваше превосходительство! сдѣлаю по закону...

III.

— Ну, Катенька! какой чудесный кусокъ атласу прислалъ тебѣ Моцениго! Настоящій веницейскій, ужъ именно! Сегодня я видѣлъ его,—просто прелесть!

— Что-же ты не принесъ его?

— Нельзя пока, душа моя,—въ таможнѣ надо его записать, да кое-какія формальности продѣлать. Директоръ предлагалъ мнѣ сейчасъ взять, не записавши, но это было бы противозаконно, и я не согласился на это. Атласъ-то запрещенъ ко ввозу въ Россію!

— Охъ ты, мой законникъ! вздохнула Екатерина Яковлевна,—а я на твоемъ мѣстѣ взяла бы атласъ, коли директоръ предлагалъ,—вѣдь ты начальникъ!

— Матушка! меня они подловить на этомъ хотѣли, да я сейчасъ увидѣлъ: къ чему это клонитъ, чтобы мнѣ ротъ замазать потомъ,—и нарочно не согласился взять, не записавши въ коносаменты.

— Какіе тамъ коносаменты? порадовалъ бы меня атласомъ-то.

— Будетъ у тебя атласъ, успокойся, Катенька! А теперь, ты знаешь, какъ мнѣ строго держаться надо,—всѣ на меня злы въ таможнѣ и, какъ разъ, подведутъ!.. Нѣтъ, ужь лучше по закону...

— Не очень что-то они законы соблюдаютъ, да вотъ живутъ богато.

— Пускай!—все это до поры, до времени! Вотъ я ихъ выведу на свѣжую воду, погоди! А атласъ я скоро къ тебѣ привезу,—тогда налюбуешься и нащеголяешься...

Черезъ нѣсколько дней Державинъ ѣхалъ въ коммерцъ-колегію съ цѣлью получить, наконецъ, свой рѣдкостный атласъ, но, подъѣзжая къ зданію таможни, увидѣлъ величественное зрѣлище публичнаго ауто-да-фе: горѣлъ костеръ, клубился ѣдкій дымъ, служители длинными кочергами что-то перемѣшивали въ кострѣ; таможенный чиновникъ наблюдалъ въ сторонѣ за сожженіемъ.

Заинтересованный Державинъ подъѣхалъ къ чиновнику; тотъ почтительно вытянулся передъ нимъ.

— Что это, любезный, жгутъ? важно спросилъ Державинъ.

— А-а-атласъ какой-то, ваше превосходительство! отвѣчалъ, заикаясь, чиновникъ, знавшій всю махинацію.

— Какой такой атласъ? встревожился Державинъ, вспомнивъ про свой.

— Не-не могу знать, ваше превосходительство!—По указу ея величества жгутъ...

Державинъ проѣхалъ въ коммерцъ-колегію, позвалъ директора Даева, но тотъ оказался отлучившимся по дѣламъ, а отъ другихъ чиновниковъ узналъ онъ, что жгутъ его венецейскій атласъ, по именному указу государыни, ибо поступилъ доносъ, что онъ, Державинъ, якобы, тайно выписалъ запрещенную матерію изъ-заграницы въ противность указа императрицы...

Какъ громомъ пораженный, президентъ сначала ничего не могъ сообразить во всей этой каверзѣ и скоромъ ея рѣшеніи, а потомъ поѣхалъ домой извѣстить жену и написать государынѣ объяснительную записку обо всемъ происшествіи.

— А таки подвели, подлецы! И ловко подвели!.. Какая штука! твердилъ разобиженный поэтъ, ѣдучи домой: — и кто бы это такой такъ постарался?.. Да всѣ они противъ меня, всѣмъ я поперекъ горла пришелся!.. Ну, да ладно, довѣдаюсь и все изложу государынѣ,—она заступится...

Домой пріѣхалъ Державинъ туча-тучей.

— Что съ тобой, Гавріилъ Романовичъ? Привезъ атласъ мой? встрѣтила его вопросами жена.

— Безпримѣрная вещь, матушка!.. Атласъ-то... по доносу сожгли на площади!.. По указу государыни, якобы тайно выписанный мною. Самъ видѣлъ, какъ жгли!..

— Вотъ и налюбовалась! вотъ и нащеголялась! всплеснула руками Екатерина Яковлевна,—да какъ же это такъ?

— Подвели, Катенька, умѣли очернить въ глазахъ государыни,—вишь какъ скоро и резолюція вышла моему атласу!.. И меня не спросили прежде—сожгли!.. Я сейчасъ сажусь писать письмо государынѣ и самъ свезу въ Царское Село! Если не ей лично, такъ Платону Александровичу Зубову передамъ, попрошу заступиться, объяснюсь...

— Пакетъ изъ таможни принесли, ваше превосходительство, доложилъ лакей.

— Что тамъ еще? Давай сюда!

Державинъ нетерпѣливо сломалъ печать и началъ читать бумагу. По мѣрѣ чтенія, лицо его наливалось кровью, жилы на шеѣ вздувались, такъ что жена, зная апоплексическое сложеніе Гавріила Романовича, встревожилась...

— Что ты?.. Что тамъ еще пишутъ!.. Выпей воды!..

— Ахъ, сутяги! ахъ, каверзники!.. Полюбуйся еще: штрафъ въ нѣсколько сотъ рублей наложили за тотъ же атласъ по ордеру вице-губернатора Алексѣева!..

— Ну, несчастный атласъ!.. Сядь, выпей воды, успокойся...

— Нѣтъ! я этихъ Алексѣева и Даева выведу передъ государыней!

И обиженный президентъ «шмерцъ-колегіи», какъ называлъ Державинъ безпокойное мѣсто своего служенія, заперся въ кабинетъ писать объяснительную записку государынѣ...

Екатерина Яковлевна, горюя объ обидахъ, наносимыхъ мужу, не могла вмѣстѣ съ тѣмъ не вздохнуть глубоко и объ венецейскомъ атласѣ, пепелъ котораго теперь развѣивали по площади.

II.

Курьерское плѣненіе.

(1791 г.).

I.

Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, безпримѣрный русскій баловень судьбы, жестоко скучалъ. Онъ не только скучалъ, но, повременамъ, доходилъ до полнаго отчаянія и неистовства: рвалъ и металъ въ своемъ Таврическомъ дворцѣ, отъ котораго какъ-то всѣ начали отшатываться, точно отъ опальнаго дома.

Временами «великолѣпный князь Тавриды» по цѣлымъ часамъ, стоя на колѣняхъ, билъ съ рыданіемъ головой въ полъ передъ образами, горячо молясь; иногда въ бѣшеной злобѣ катался по широкимъ оттоманкамъ, произнося страшныя ругательства и клятвы; иногда цѣлыми днями сидѣлъ въ мрачной меланхоліи, безмолвный, уставившись въ одну точку, грызя ногти, не слыша и не видя никого, не принимая пищи....

Эти мрачныя настроенія внезапно, иногда среди ночи, смѣнялись бурнымъ весельемъ; гремѣла музыка, пѣли хоры, дворецъ горѣлъ огнями; начинались увлекательные танцы; дорогія вина лились рѣкою, а самъ хозяинъ, «полудержавный властелинъ», былъ безъ удержа веселъ, добръ, ясенъ,

сыпалъ милостями, ухаживалъ за женщинами съ пылкостью юноши...

И вдругъ, среди пира, онъ нахмуривался, уходилъ на полусловѣ, музыка замолкала, огни потухали, и сконфуженные гости спѣшно разъѣзжались по домамъ, на разные лады толкуя о причудахъ баловня судьбы.

И были причины такому ненормальному состоянію духа блестящаго князя: это была агонія, послѣдняя и мучительная, такая агонія, которая бываетъ разъ въ жизни и всегда кончается смертью, какъ кончилась она и для Потемкина.

Въ немъ боролась разбалованная гордость неограниченно-властнаго временщика съ жестокими ударами его самолюбію, наносимыми его «креатурами», людьми, которыхъ онъ, въ сатанинской гордости своей, не считалъ не только достойными соперниками, а даже способными «пикнуть» передъ нимъ. Онъ, вѣрившій въ незакатность своей ярко-блиставшей звѣзды, мучительно убѣждался, что ея блеску приходитъ конецъ; взошли новыя свѣтила, затмѣвающія ее. А ему не хотѣлось уступить ни пяди изъ своего положенія, ему горько было подумать, что кто-то другой имѣетъ больше вліянія, чѣмъ онъ—онъ, всегда царски-гордый и всевластный!..

Чувствуя ускользающую изъ-подъ его ногъ почву, онъ въ самомнѣніи своемъ, хотѣлъ скрыть смятенное состояніе души подъ преувеличенной гордостью и требовательностью, — иногда это ему прощалось, иногда онъ получалъ чувствительные

щелчки слишкомъ широкимъ притязаніямъ, — и бѣсился въ душѣ и явно...

Онъ боролся, онъ долго и ожесточенно боролся, когда узналъ, что враги его, которыхъ онъ не считалъ ни во что, оказались сильнѣе даже его!

Услышавъ и убѣдившись, что въ Петербургѣ его вліяніе и власть сильно падаютъ, онъ въ бѣшенствѣ бросилъ армію, которою всевластно командовалъ, поручилъ дѣло войны противъ турокъ,—запретивъ, впрочемъ, что-либо серьёзное предпринимать въ его отсутствіе,—князю Николаю Васильевичу Репнину, и помчался изъ Яссъ въ Петербургъ—«вырывать зубъ», какъ онъ иносказательно выразился. И онъ ни минуты не сомнѣвался, что стоитъ только ему явиться лично, пустить въ ходъ средства, всегда имѣвшія желаемый успѣхъ,—какъ его враги и супостаты будутъ побѣждены и разсѣяны, а ихъ ковы падутъ на ихъ же головы.

Однако, враги оказались сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ: пораженіе ихъ затянулось; они удерживали свои позиціи,—тогда Потемкинъ пустилъ въ ходъ послѣднее средство, на которое сильно надѣялся.

Онъ затѣялъ грандіозный праздникъ въ своемъ дворцѣ. Исторія оставила намъ нѣсколько описаній этого волшебнаго праздника, гдѣ земная дѣйствительность переходила положительно въ область сказочныхъ грезъ.

На этомъ праздникѣ все было направлено къ тому, чтобы неотразимо подѣйствовать на чув-

ства монархини, превознести, возвеселить и растрогать ее до слезъ.

Все это удалось ему въ полной мѣрѣ: государыня была весь вечеръ въ восхитительномъ настроеніи, — и ея царственное самолюбіе, и эстетическія чувства были удовлетворены преизбыточно, а когда она, какъ лучезарное солнце, оставляла дворецъ, Потемкинъ, преклонивъ колѣно, долго не отрывалъ губъ отъ царственной руки, обливая ее горячими слезами обиженнаго, просящаго милости любимца... Государыня была тронута до слезъ и съ платкомъ у глазъ сѣла въ карету...

Въ результатахъ Потемкинъ не сомнѣвался: этотъ послѣдній ударъ долженъ былъ имѣть дѣйствіе,—враги должны быть поражены, сердце государыни должно снова раствориться неограниченною любовью къ нему...

И вдругъ — враги его попрежнему сильны!.. И этотъ послѣдній рессурсъ обманулъ его, не возымѣлъ должнаго дѣйствія, не расточилъ враговъ!..

Безповоротно и окончательно надо было сходить съ арены, гдѣ онъ десятки лѣтъ не видалъ равнаго,—и этотъ необыкновенный метеоръ въ русской исторіи необыкновенно мучился въ предсмертной агоніи...

Его жизнь, какъ будто, обусловливалась и была неразрывно связана съ его необыкновеннымъ положеніемъ; разъ это положеніе кончилось, — кончилась и его жизнь: черезъ четыре мѣсяца онъ умеръ, неожиданно, среди степи, на травѣ, подъ открытымъ небомъ.

II.

Съ этимъ трагическимъ началомъ неразрывно связано комическое продолженіе избраннаго нами повѣствованія.

Потемкинъ скучалъ и бѣсился въ Петербургѣ; Репнинъ завоевывалъ на свой рискъ и страхъ городъ Мачинъ въ Турціи, ежечасно опасаясь жестоко пострадать за свою «предпріимчивость безъ дозволенія» всесильнаго князя-главнокомандующаго.

На такой смѣлый шагъ подвинулъ князя Репнина, самъ того не зная, тотъ же Потемкинъ: Репнинъ, въ отсутствіе свѣтлѣйшаго главнокомандующаго и съ такими малыми полномочіями, находился въ прескверномъ положеніи. Съ одной стороны не терпящія отлагательства распоряженія военнаго времени должны быть отдаваемы разнымъ частямъ войскъ, сообразно съ обстоятельствами, съ другой стороны—запрещеніе дѣйствовать самостоятельно безъ одобренія и инструкціи Потемкина.

Отъ Яссъ до Петербурга очень далеко: недѣлями долженъ былъ мчаться безостановочно неутомимый курьеръ по сквернѣйшимъ дорогамъ, иногда по полной бездорожицѣ, не смѣя остановиться на ночлегъ или для обѣда. Единственная остановка на нѣсколько минутъ допускалась только при перепряжкѣ измученныхъ лошадей на станціи, во время которой курьеръ долженъ былъ

и поѣсть, а иногда онъ засыпалъ мгновенно, сидя на скамьѣ; и только окрикъ: «лошади готовы!» былъ въ состояніи разбудить мертвецки-спящаго курьера.

И эти курьеры, единственное средство сообщенія для далекаго театра военныхъ дѣйствій съ Петербургомъ, гдѣ теперь находился главнокомандующій, чуть не ежедневно, одинъ за другимъ, безостановочно мчались, ожесточенно погоняя кулакомъ въ шею ямщиковъ, яростно звоня своимъ курьерскимъ колокольчикомъ и сверкая бѣлымъ султаномъ каски. Заслыша этотъ колокольчикъ и неистовые крики ямщика: «закладай кульерскихъ!», несущееся еще издали, на почтовой станціи все приходило въ судорожную дѣятельность: выводили лучшихъ свѣжихъ лошадей; если ихъ не было,—выпрягали уже впряженныхъ изъ экипажа у какого угодно проѣзжаго, и государственныя сообщенія мчались съ новой быстротой вплоть до мѣста назначенія, а частныя дѣла должны были, хотя и съ неудовольствіемъ, ждать новой возможности двинуться впередъ.

Репнинъ, памятуя строгій наказъ Потемкина, ничего не предпринималъ безъ спроса главнокомандующаго — и курьера за курьеромъ отправлялъ въ Петербургъ съ «секретными», «наисекретнѣйшими» и «спѣшными» бумагами.

Вылѣзая вонъ изъ кожи отъ усердія, не доѣдая и не досыпая, летѣли курьеры тысячеверстные пути, везя «важныя бумаги» отъ Репнина къ «свѣтлѣйшему» изъ грустной Молдавіи въ его

волшебные чертоги въ «Конногвардейскомъ домѣ», позднѣе названномъ Таврическимъ дворцомъ...

III.

Съ рѣзкимъ грохотомъ твердо-окованныхъ колесъ по крупному булыжнику мостовой около дворца и звономъ курьерскаго колокольца, молодцовато, напрягая послѣднія усилія, подлеталъ къ боковымъ служебнымъ воротамъ дворца измученный и запыленный курьеръ. Тѣло его было избито, но душа преисполнена сознанія молодецки исполненной обязанности: тысячи верстъ онъ промчался, оберегая на груди въ кожаной сумочкѣ драгоцѣнную «бумагу», отъ которой зависитъ, можетъ быть, военная слава государства.

Поэтому курьеръ съ большимъ апломбомъ подлеталъ къ воротамъ дворца главнокомандующаго и грозно требовалъ моментальнаго открытія воротъ для пропуска телѣжки,—но тутъ онъ встрѣчался съ возмутительной апатіей сторожа-старика. Видя мчащагося курьера, старый служивый медленно вынималъ берестяную тавлинку, вывертывалъ ее изъ платка, а когда слышалось громогласное приказаніе немедленно пропускать «государственныя бумаги»,—то равнодушно постукивалъ по ней пальцами, не двигаясь съ мѣста, и открывалъ ее, засовывая туда два пальца...

— Да отворяй, старая ты гарнизонная крыса! оралъ разбалованный въ сквернословіи курьеръ,—

нешто не видишь — наисекретнѣйшія бумаги къ свѣтлѣйшему отъ его сіятельства князя Репнина!.. По шеѣ что ли тебѣ дать, чтобы былъ поворотливѣе!..

На такіе нетерпѣливые окрики старикъ-сторожъ сердито взглядывалъ изъ-подъ густыхъ бровей на грубіяна, но, не вставая съ мѣста, вытаскивалъ здоровую щепоть табаку, набивалъ обѣ ноздри всласть и, закрывши глаза, отчихивался во все свое удовольствіе, пока нетерпѣливый курьеръ бѣсился и кричалъ.

— По шеѣ... попробуй... прытокъ больно... аль еще не отмяло бока-то? ворчалъ служивый, — не торопись, слѣпой, въ баню, жди, пока сведутъ!.. Не ты первый—много такихъ-то гоголей сидятъ у меня... поспѣешь...

Курьеръ бывалъ огорошенъ такимъ невниманіемъ къ его важной миссіи и нѣкоторое время стоялъ безъ движенія, затѣмъ не знавшіе удержу кулаки его судорожно поднимались.... но тутъ ворота медленно бывали открыты, и сторожъ, стоя за створомъ, ехидно провожалъ торжественный въѣздъ курьера въ ворота насмѣшливыми словами:

— Поспать захотѣлъ въ амуниціи—поспи!.. Не одинъ у насъ такой-то дрыхнетъ затянутый... По шеѣ тоже... молокососъ ты... Видали мы...

Во дворѣ новопріѣзжій мученикъ-курьеръ съ прежнимъ апломбомъ требовалъ немедленнаго представленія къ свѣтлѣйшему, дабы вручить ему «наисекретнѣйшія» бумаги его сіятельства Репнина.

Но и тутъ звонъ курьерскаго колокольца и бѣлый султанъ не производили должнаго эфекта, какъ вездѣ:—къ нему не выбѣгали, торопливо не освѣдомлялись, откуда и отъ кого? Не летѣли стремглавъ съ докладомъ, не приглашали торжественно шествовать къ «самому» для врученія драгоцѣнныхъ бумагъ, — словомъ, весь привычный эфектъ пріѣзда курьера съ театра военныхъ дѣйствій къ главнокомандующему былъ испорченъ.

Не освѣдомленный ни о чемъ курьеръ совершенно недоумѣвалъ!..

Появившійся не очень спѣшно чиновникъ довольно равнодушно выслушалъ курьера и велѣлъ подождать въ передней, пока онъ доложитъ Василію Степановичу Попову, секретарю свѣтлѣйшаго.

Истомленный курьеръ долго ждалъ, пока лакей въ ливреѣ вышелъ звать его не къ свѣтлѣйшему, какъ бы слѣдовало, а къ секретарю.

— Еще молодецъ пріѣхалъ, встрѣтилъ его Василій Степановичъ,—изъ Турціи? Умаялся, поди?.. Ну, давай сюда бумаги.

— Отъ его сіятельства князя Репнина приказано лично вручить пакетъ свѣтлѣйшему главнокомандующему...

— Да ты давай,—я лучше тебя знаю, что надо.

— Затрудняюсь, ваше превосходительство...

— Давай, тебѣ говорятъ!.. Вишь, какой исполнительный! Не знаешь ты, что ли, меня?..

— Какъ не знать, ваше превосходительство? Знаю-съ.

— Ну и давай!.. А теперь отдохни съ пріѣзда-то, выспись хорошенько, да отъѣшься, — у насъ кормы хорошіе, а тамъ, можетъ, и отвѣтъ получишь. Ну, ступай въ курьерскую...

IV.

— Карпенко! Ха! Нашего полку прибыло! встрѣтили новоприбывшаго курьера товарищи въ отведенныхъ имъ покояхъ въ служебномъ флигелѣ,—изъ Турціи прикатилъ?.. Вона, какъ рожу-то обтянуло,—видно, дралъ безъ остановки, какъ и мы, грѣшные!.. Садись, братъ, разстегивайся,— сейчасъ мы скомандуемъ новую порцію.

— Да что у васъ, братцы, здѣсь такое? Будто, какъ и не курьеръ пріѣхалъ, а мужикъ съ навозомъ... Живъ ли свѣтлѣйшій, или отставку получилъ?

— Живехонекъ и отставки не получилъ, а что здѣсь дѣлается,—мы и сами ума не приложимъ!..

— Ты, Ѳедотовъ, уже три недѣли, какъ уѣхалъ отъ Репнина,—пора бы ужъ обратно быть... А какъ ждалъ-то тебя князь съ отвѣтомъ!..

— Подождать, видно, ему и еще.

— Ба! да и Кашперовъ здѣсь!.. Ты еще раньше Ѳедотова уѣхалъ!..

— Уѣхалъ, да не воротился!.. Вотъ сидимъ здѣсь, какъ въ плѣну, — ни отвѣта, ни привѣта; со двора не пускаютъ; съ женой, али сестрой повидаться,—такъ дай приворотному халтуру, тогда и пропуститъ прямо, а то въ канцелярію, да про-

пускъ, да справки... Бѣда, какія дѣла заварились,— не понять ни за что!..

— Истинно, какъ въ плѣну сидимъ, подхватилъ другой курьеръ,—сюда въѣхали, а отсюда ни ногой!.. Жди приказа,—можетъ, его сіятельству вздумается послать кого,—будь день и ночь готовъ мчаться за тридевять земель...

— У насъ и лошади день и ночь запряженныя стоятъ для спѣшной посылки...

— И ни одинъ съ тѣхъ поръ не посланъ назадъ?

— Ни на одно письмо нѣтъ отвѣта,—говорятъ, свѣтлѣйшій заскучалъ, всѣ дѣла бросилъ и писемъ не читаетъ...

— Много тутъ слышно, да не обо всемъ болтать можно!..

Новоприбывшій курьеръ напился и наѣлся и завалился спать. Пока онъ богатырски храпѣлъ до полудня слѣдующаго дня, на дворъ въѣхалъ и еще курьеръ, и повторилась та же исторія равнодушной встрѣчи.

Попавшіе въ плѣнъ курьеры подсмѣивались надъ прибывающими товарищами, но и самимъ было не сладко. Въ ожиданіи внезапныхъ приказаній своевластнаго и капризнаго вельможи ихъ никуда не отпускали изъ дворца; со своими видѣться они могли только въ курьерской комнатѣ, да и то пропускъ родныхъ и знакомыхъ затруднялся приворотными сторожами, и ихъ надо было ублажать.

Невоздержный на языкъ Карпенко скоро почувствовалъ всю цѣну своего невѣжливаго обраще-

нія со старикомъ приворотнымъ, когда пришлось и самому обратиться къ его услугамъ.

— А ты бы и билъ по шеѣ гарнизонную крысу, вспомнилъ ему старикъ его слова.

— Ну, дядюшка, оставь, что вспоминать! Ну, прости... на вотъ тебѣ на табачокъ, да ужъ не волочи въ канцелярію, коли женка придетъ.

— То-то, не волочи... прытокъ больно... не наахальничался еще съ ямщиками-то?.. видали мы...

V.

Курьеры и пакеты отъ князя Репнина все прибывали и прибывали; Василій Степановичъ Поповъ все принималъ ихъ и принималъ и складывалъ на столъ кабинета Потемкина. Свѣтлѣйшій былъ, вотъ уже недѣля, въ мрачной меланхоліи и бросилъ всѣ дѣла: доклады секретаря были отмѣнены, бумаги валялись непрочитанныя, а если когда Василій Степановичъ и пытался, побуждаемый крайне неотложными дѣлами, нарушить одиночество и самоуглубленіе свѣтлѣйшаго капризника, то при первомъ открытіи рта слышалъ:

— Убирайся! — сопровождаемое энергическими жестами, а иногда и словами.

Поповъ, по долгому опыту, считалъ за лучшее стушевываться и не показываться болѣе, зная, что когда періодъ меланхоліи пройдетъ,—его сами позовутъ, и застоявшіяся дѣла получатъ свое теченіе.

Онъ отписывался и отговаривался на всѣ стороны, какъ могъ, многое рѣшалъ на свой рискъ и страхъ, какъ бы отъ имени свѣтлѣйшаго, — и все ждалъ, когда свѣтлѣйшій, придя въ себя, позоветъ его.

Но свѣтлѣйшій своенравецъ не звалъ его: валялся въ халатѣ и въ туфляхъ на босу ногу по бархатнымъ турецкимъ диванамъ, грызъ ногти, молился и ругался, а о дѣлахъ и слышать не хотѣлъ.

Дѣла застаивались, курьеры отъ Репнина все прибывали и попадали въ таврическій плѣнъ, —и, Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это могло окончиться, еслибъ не происшествіе, о которомъ узнаете изъ слѣдующихъ главъ...

VI.

Пакеты князя Репнина съ донесеніями о военныхъ дѣйствіяхъ и съ требованіемъ инструкцій лежали нераспечатанными въ кабинетѣ Потемкина.

Фактъ долгаго неполученія извѣстій съ театра войны, которая интересовала всѣ высшіе круги и императрицу въ особенности, началъ возбуждать подозрѣнія и толки. Толковали на разные лады: кто обвинялъ Потемкина, а кто—Репнина. Заботливый Василій Степановичъ Поповъ, вѣрный и преданный секретарь Потемкина, устроилъ дѣла такъ, что слухи о плѣненіи курьеровъ въ «Конногвардейскомъ домѣ» отнюдь не проникали за ворота его.

Поэтому большинство сваливало вину на князя Репнина, упрекая его въ бездѣятельности и недачѣ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Но Василію Степановичу не удалось вполнѣ скрыть грѣшки своего всемогущаго патрона, и слухъ о плѣненіи «эскадрона курьеровъ» (молва уже пріукрасила фактъ) черезъ дворню достигъ до матераго чесменскаго героя, графа Алексѣя Григорьева Орлова.

Графъ Орловъ былъ коренной русскій бояринъ, съ хитрецой, съ остроуміемъ, не сыпалъ словами попусту, да и не долюбливалъ блестящаго и своенравнаго Потемкина.

Онъ рѣшилъ довести этотъ фактъ до свѣдѣнія императрицы, но, какъ старый дипломатъ, чтобы не стать въ открытую вражду съ Потемкинымъ, облекъ свои дѣйствія въ замысловатую форму, которую такъ цѣнила императрица, любившая среди своихъ придворныхъ такого великаго шута и остроумца, какъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ.

На другой день послѣ того, какъ узналъ Орловъ о плѣненіи репнинскихъ курьеровъ въ Таврическомъ домѣ, довелось ему быть во дворцѣ за завтракомъ среди небольшого кружка первыхъ вельможъ екатерининскаго двора.

Тутъ, среди другихъ, находился и неистощимо остромный Нарышкинъ. Императрицы не было за столомъ, потому что она находилась въ своей лѣтней резиденціи, Царскомъ Селѣ. Общій раз-

говоръ, среди петербургскихъ и иныхъ сплетень, коснулся и турецкой войны, еще не оконченной, но близкой къ окончанію.

Необыкновенное молчаніе, яко бы, Репнина о военныхъ новостяхъ стало обсуждаться со всѣхъ сторонъ; больше всѣхъ ораторствовалъ противъ Репнина Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Орловъ хранилъ молчаніе и подъ шумокъ общаго разговора и оживленія незамѣтно собиралъ со всего стола ножи и клалъ ихъ подъ салфетку около своего прибора.

Когда ни одного ножа на столѣ не было, онъ вдругъ неожиданно обратился къ Нарышкину, бывшему на другомъ концѣ стола:

— Левъ Александрычъ! отрѣжь мнѣ, благодѣтель, вонъ телятинки-то, что около тебя стоитъ.

— А? съ удовольствіемъ, Алексѣй Григорьичъ, съ удовольствіемъ...

Нарышкинъ началъ искать ножа около телятины—нѣтъ, у своего прибора—нѣтъ, у сосѣда—нѣтъ, нигдѣ нѣтъ ни одного ножа!..

Онъ удивился такой необыкновенной вещи и обвелъ столъ и присутствующихъ недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Чудеса въ рѣшетѣ!.. точно отъ сущеглупыхъ [1]), всѣ ножи обобрали... Эй, кто тамъ!..

— Постой, Левъ Александрычъ, не надо ножей, вотъ они всѣ здѣсь; это я, нарочно... Ты вотъ

---

[1]) «Сущеглупые» во время Екатерины II было равносильно слову «сумасшедшіе».

говоришь, что Репнинъ вѣстей не шлетъ, и здѣсь ничего о войнѣ неизвѣстно!.. А и какъ же быть извѣстнымъ, коли всѣ репнинскія вѣсти, вотъ какъ у меня ножи, у свѣтлѣйшаго Григорія Александровича подъ спудомъ лежатъ?..

— Какъ? что такое? что ты, Алексѣй Григорьичъ, говоришь? Какъ подъ спудомъ?

— Да такъ!.. Онъ нынче въ грустяхъ находится, а курьеровъ, что письма отъ Репнина привозятъ, безъ отвѣта во дворцѣ своемъ держитъ, и писемъ не читаетъ, и подступиться къ нему никто не смѣетъ...

— Да нешто же это можно?..

— Намъ съ вами не можно, а ему можно! съехидничалъ Орловъ.

— Нѣтъ! это великолѣпно!.. это восхитительно! воскликнулъ Нарышкинъ, очень довольный выходкою Орлова,—Алексѣй Григорьичъ! Я думалъ, что я уменъ, а ты умнѣй меня оказался!.. Это великолѣпно!—обобрать всѣ ножи, и просить отрѣзать... Такъ и письма Репнина?.. Восхитительно!.. Сегодня же, какъ буду у ея величества въ Царскомъ, насмѣшу ее до слезъ!.. Ножей нѣтъ, а отрѣжь!.. Ха, ха, ха!..

Вся компанія залилась дружнымъ смѣхомъ: очень опасаться всесильнаго временщика теперь не считали нужнымъ, ибо чувствительный придворный барометръ уже показывалъ большое паденіе относительно свѣтлѣйшаго князя Потемкина...

Ловкая придворная шутка графа Орлова въ тотъ же вечеръ была съ остроуміемъ передана

Нарышкинымъ въ Царскомъ Селѣ за высочайшимъ столомъ.

Всѣ присутствующіе смѣялись до слезъ; смѣялась и императрица, но изъ-за стола вышла съ досадливою морщиной между бровей, — всѣ видѣли, что надъ Потемкинымъ стряслась бѣда; придворная сплетня сдѣлала свое дѣло: подбавила еще яду въ ужасное положеніе, въ какомъ находился падающій временщикъ...

VII.

Василій Степановичъ Поповъ, просидѣвъ до поздней ночи въ кабинетѣ за бумагами, легъ, когда сквозь спущенныя занавѣси уже пробивался свѣтъ лѣтняго утра.

Едва успѣлъ онъ забыться первымъ крѣпкимъ сномъ, какъ его неожиданно разбудилъ встревоженный камердинеръ.

— Ваше превосходительство! курьеръ пріѣхалъ изъ Царскаго Села, отъ императрицы...

— А? что? Курьеръ? вскочилъ въ переполохѣ Поповъ,—отъ ея величества? съ бумагами?.. Пусть подастъ!..

— Курьеръ говоритъ: приказано вамъ самимъ явиться къ ея величеству немедленно, къ утреннему чесанью.

— Къ чесанью?.. Что такое?.. который часъ? Три?.. Одѣваться и закладывать въ коляску самыхъ лучшихъ лошадей!.. Господи милостивый! что тамъ такое стряслось?.. Зови сюда курьера...

Съ Попова и сонъ соскочилъ; все въ домѣ задвигалось: кучеровъ разбудили чуть не палками; къ Попову прибѣжалъ крѣпостной парикмахеръ съ заспаннымъ лицомъ, и пока курьеръ передавалъ ему приказаніе императрицы, начисто выбривалъ его. Одинъ лакей ждалъ съ параднымъ мундиромъ, другой—съ умывальнымъ приборомъ, все дѣлалось въ суетѣ и смущеніи...

Черезъ часъ Поповъ уже мчался въ Царское Село, предаваясь многочисленнымъ и тревожнымъ мыслямъ.

Много грѣховъ числилось за его всесильнымъ патрономъ, въ которыхъ, какъ ближайшее повѣренное лицо, былъ замѣшанъ и Василій Степановичъ, по долгу подчиненности,—и душа секретаря Потемкина была въ ужасномъ смятеніи. Онъ былъ рѣшительно между двухъ огней: съ одной стороны — своеволіе и капризы временщика, съ другой стороны — неуваженный законъ и гнѣвъ императрицы.

Ничего хорошаго не ждалъ Василій Степановичъ отъ этой спѣшной поѣздки, и когда, въ шесть часовъ утра, онъ вступилъ во дворецъ и вошелъ въ пріемную въ ожиданіи доклада о немъ императрицѣ, на немъ лица не было: онъ былъ растерянъ и блѣденъ.

Ждать ему пришлось недолго: государыня была уже вставши, успѣла позаняться письмомъ и вошла въ уборную, гдѣ ее ждалъ парикмахеръ съ инструментами для сложной прически, камеръ-юнгферы съ уборами и нарядами и Марья Савишна Перекусихина.

Усѣвшись передъ зеркаломъ въ пудермантелѣ, она однимъ изъ первыхъ велѣла позвать Василія Степановича Попова. Когда онъ вошелъ, блѣдный отъ волненія, Екатерина обратила къ нему гнѣвный взоръ и, покраснѣвъ отъ досады, спросила:

— Правда, что у васъ цѣлый эскадронъ курьеровъ отъ Репнина съ извѣстіями задержанъ въ домѣ?

— Правда, ваше величество, но не эскадронъ, а человѣкъ десять найдется, отвѣтилъ, запинаясь, Поповъ.

Полное лицо Екатерины еще болѣе покраснѣло отъ негодованія; она сдѣлала нетерпѣливое движеніе и громко, гнѣвно заговорила:

— Что-жъ это вы тамъ со свѣтлѣйшимъ дѣлаете?.. На что это похоже?.. Чего-жъ вы смотрите?.. Одинъ глупитъ, а другой глупости покрываетъ?.. Смотрите, Василій Степановичъ! не проштрафиться бы вамъ!..

— Ва-ваше величество!.. я неоднократно... ежедневно докладываю его сіятельству... но они какой-то странный... какъ будто не въ своемъ умѣ... Я опасаюсь за здоровье его сіятельства...

Догадливый Василій Степановичъ подпустилъ эту ноту, чтобы отвесть возможный ударъ отъ своего патрона,—и попалъ въ цѣль: Екатерина съ безпокойствомъ обернулась къ Попову и уже съ оттѣнкомъ жалости спросила:

— Что такое? что съ нимъ дѣлается?..

Поповъ описалъ состояніе, въ какомъ находился свѣтлѣйшій.

— Ну, это старыя штуки,—я знаю!.. Капризничаетъ!..

Тонъ императрицы смягчился, однако.

— Чтобы сейчасъ были всѣ бумаги прочитаны! на все дать обстоятельный отвѣтъ Репнину!.. Подумайте, въ какое положеніе вы его поставили!.. Всѣ письма переслать ко мнѣ... Если свѣтлѣйшій заупрямится, скажите, что я это ему приказываю, и чтобъ онъ пересталъ шалить... Довольно!..

Поповъ преклонилъ колѣно, императрица дала ему руку для поцѣлуя, и секретарь Потемкина выкатился изъ уборной, многократно крестясь и красный отъ волненія. У него съ души какъ камень свалился.

— Вона, какъ Василій Степанычъ угодниковъ благодаритъ!..

— Что, ваше превосходительство, влопались со свѣтлѣйшимъ-то?..

— А и была, вѣрно, баня!.. Благополучно ли?..

Такими замѣчаніями встрѣтили Попова, который безостановочно крестился, вельможи въ сосѣднемъ покоѣ.

— Слава Богу!—пронесло!.. Да и чортъ съ нимъ не влопается!.. Каторжная жизнь!..

VIII.

Василій Степановичъ мимоѣздомъ поставилъ рублевую свѣчу въ церкви и помчался въ Петербургъ, ломая голову, какимъ это образомъ императрица узнала о плѣненіи курьеровъ?.. Ужь онъ

ли не принялъ всѣ мѣры для сокрытія этого дѣла!.. «Перехитрилъ кто-то меня!.. ну, да я узнаю!» думалъ онъ...

Раздосадованный Поповъ не взошелъ, а ворвался въ кабинетъ Потемкина—и засталъ его за бумагами отъ Репнина...

— Давно бы пора, ваше сіятельство! съ запальчивостью произнесъ секретарь, забывая должный этикетъ,—а то вы съ вашими штуками надѣлали дѣлъ!..

Потемкинъ удивленно обернулся къ Попову.

— Что ты? словно съ цѣпи сорвался?..

— Да, вѣдь, я сейчасъ отъ ея величества: она узнала, что вы задержали репнинскихъ курьеровъ и изволитъ страшно гнѣваться на васъ, да и на меня вмѣстѣ: ты, говоритъ, покрываешь шалости своего господина!..

— Ну, и что-жъ?..

— Ну и велѣно, во что бы то ни стало, сегодня же отправить курьеровъ къ Репнину!.. Прошу, ваше сіятельство, поторопиться, а то, ей-Богу, мы наживемъ большую бѣду!..

— Ну, ну! раскудахтался!.. Садись вотъ, да давай справимъ все сразу... Вѣрно, тебѣ хорошо попало въ Царскомъ-то?..

— Да что, ей-Богу, ваше сіятельство!.. Вы изволите капризничать, а мнѣ, какъ карасю на сковородѣ, прыгать приходится!.. Каторжная жизнь!..

— Василій! молчи—и занимайся дѣломъ!.. Авось, и пронесетъ бѣду—еще и не то сходило...

— Да я ужъ передъ ея величествомъ и такъ,

и сякъ — выгораживаю ваше сіятельство, какъ могу,—боленъ, молъ, и все такое... Ну, не повѣрили, а все-таки смягчились, а были страхъ какъ гнѣвны!..

— Еще бы ты посмѣлъ меня выдавать!... Ладно, вотъ пиши...

Потемкинъ съ секретаремъ занялись усердно дѣломъ, изготовили бумаги, и въ тотъ же день всѣ плѣненные курьеры были отпущены по домамъ, а одинъ отосланъ въ Турцію къ Репнину съ полномочіемъ заключить миръ...

Снова загремѣлъ курьерскій колокольчикъ по тысячеверстной дорогѣ, но на полпути встрѣтился съ другимъ, который везъ извѣстіе о битвѣ при Мачинѣ и о завоеваніи этого города Репнинымъ, совершившемся 28-го іюня 1791 года.

III.

Необыкновенный артиллерійскій залпъ.

(1837 г.).

I.

Событіе, послужившее темою настоящаго повѣствованія, совершилось въ самомъ началѣ эпохи обширныхъ раскольничьихъ бунтовъ, именно въ половинѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

Это были лихіе годы для приверженцевъ древляго благочестія: волненія охватили громадныя пространства Поволжья, Заволжья, сѣверо-востока Россіи, втянули во враждебныя отношенія къ правительству десятки тысячъ старообрядцевъ.

Къ «укрощенію» этихъ бунтовъ были привлечены всѣ разнообразныя части, всѣ вѣдомства русскаго управленія: нижніе и верхніе суды, губернскія и уѣздныя управы, исправники, становые, даже пожарныя команды!..

И, какъ это было встарину непререкаемымъ, хотя не писаннымъ, закономъ, около этихъ безпорядковъ «щечилось» безчисленное приказное сословіе, «крапивное сѣмя», ловя рыбу въ мутной водѣ, мѣшая правительству дѣлать свое дѣло, создавая тысячи лишнихъ проволочекъ и препятствій,—все въ видахъ той же наживы. И много состояній и карьеръ составилось въ эти годы печальныхъ недоразумѣній, самоистребленія, когда люди, не понимая другъ друга, съ азартомъ устремлялись во взаимную борьбу.

Начало этихъ безпорядковъ, тянувшихся добрыхъ пятнадцать лѣтъ и стоившихъ правительству сотенъ тысячъ рублей, очень интересно и притомъ свѣдѣнія объ этомъ періодѣ русской исторіи мало распространены, будучи заключены въ безконечно длинныхъ дѣлахъ старыхъ архивовъ, благополучно гніющихъ въ подвалахъ присутственныхъ мѣстъ, да въ немногочисленныхъ монографіяхъ, помѣщенныхъ въ журналахъ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ.

II.

Въ то время правительство обратило особенное вниманіе на заволжскіе иргизскіе скиты и монастыри, являвшіеся разсадниками раскола по всей Россіи, а вмѣстѣ съ этимъ уже назрѣла мысль и объ уничтоженіи главныхъ очаговъ и пріютовъ старообрядства.

Приступлено было правительствомъ къ этому дѣлу очень осторожно и осмотрительно, памятуя прежнія непріятности, когда наступали на расколъ съ «властельскою грозою»,—но тутъ все дѣло испортила чиновничья неумѣлость и безтактность.

Вновь назначенному саратовскому губернатору А. П. Степанову, при отправленіи на должность въ 1836 году, предложено было развѣдать:—насколько склонны иргизскіе скиты перейти въ единовѣріе и, разузнавъ всѣ обстоятельства осторожно, доложить о положеніи этого дѣла.

Новый губернаторъ поступилъ съ чисто канцелярскою проницательностью: поѣхалъ на Иргизъ, въ богатый Средне-Никольскій монастырь и, импонируя своимъ саномъ и властью, освѣдомился,—желаютъ ли старообрядцы повиноваться распоряженіямъ правительства?

Монахи отвѣтили хитро и уклончиво.

— Мы, ваше превосходительство, завсегда въ волѣ его императорскаго величества и исполнять начальственныя распоряженія весьма благорасположены.

— Даже, если бы вамъ предложили перейти въ единовѣріе?..

— Воля его императорскаго величества... Это дѣло большое.

Благоувѣтливые монахи обошлись съ новымъ властителемъ съ почтеніемъ, хорошо угостили и съ поклонами проводили изъ монастыря.

Изъ этого Степановъ тотчасъ же заключилъ, что произвести реформу — плевое дѣло! Лишніе служебные лавры для него—и безо всякихъ хлопотъ! Однимъ почеркомъ пера рухнетъ вѣковое дѣло, закоренѣлыя души обратятся на стезю правды!..

И полетѣло къ министру внутреннихъ дѣлъ донесеніе, что иргизскій монастырь обратится въ единовѣріе «безъ всякаго со стороны раскольниковъ противословія, а потому и безъ отлагательства времени!»...

Скоро и хорошо!

III.

Началось «присоединеніе». Безъ малаго годъ тянулись предварительныя канцелярскія обрядности и переписка и, наконецъ, присоединители съ «опытнымъ» архимандритомъ во главѣ и гражданскими властями пріѣхали «принимать» монастырь и его имущества, — словно облупленное яичко съѣсть!...

Собрали монаховъ, прочли имъ высочайшее повелѣніе; архимандритъ Зосима сказалъ имъ при-

личную рѣчь,—и вдругъ власти получаютъ твердый единодушный отвѣтъ:

— Не хотимъ единовѣрія! Не примемъ! Умремъ въ вѣрѣ отцовъ!

Власти были огорошены. Какъ такъ?.. Это что?..

— Да вы-жъ сами пожелали присоединиться!.. Говорили о непротивленіи властямъ!..

— Властямъ покоряться мы во всемъ согласны, а единовѣрія не примемъ.

— Ну такъ вотъ,—нашелся опытный архимандритъ Зосима,—по описи сдавайте намъ церковь и всѣ монастырскія имущества,—чтò въ земляхъ, чтò въ угодьяхъ, все...

— И церкви, и имущества не сдадимъ:—оно не наше, а окрестныхъ жителей, а мы, иноки, «токмо стражи и хранители мѣста сего!»...

За такимъ неожиданнымъ упорствомъ должны бы слѣдовать, по-настоящему, «крутыя мѣры», но ихъ предпринять при десяти взятыхъ съ собою солдатахъ, съ двумя ундерами, было опасно, тѣмъ болѣе, что въ монастырь, во время разговора, привалило нѣсколько сотъ окрестнаго раскольничьяго населенія, на защиту «своей святыни».

Пошли разговоры уже съ народомъ, чтеніе повелѣній, увѣщанія, но и народъ отвѣтилъ рѣшительно:

— Монастырь и церкви не отдадимъ, хотя бы пришлось и смерть принять!

Чиновникамъ показалось, что ихъ мало — послали еще за четверыми, но и съ тѣми ничего не подѣлали.

Вытребовали отъ настоятеля монастыря, инока Корнилія, ключи церковные,—ихъ принесли и положили на столъ, но никто не рѣшался «передать ихъ», съ рукъ на руки, Зосимѣ, не желая быть «предателемъ своей святыни».

— Берите и идите безъ насъ, творите волю пославшаго васъ!

Архимандритъ Зосима взялъ, наконецъ, ключи и пошелъ къ церкви, но многочисленная толпа народа окружила церковь и никого не допустила. На колокольнѣ раздался набатъ; изъ окрестныхъ селеній началъ сбѣгаться народъ къ монастырю.

Опасаясь за собственную жизнь и цѣлость, власти-чиновники ушли изъ монастыря ни съ чѣмъ. И такъ, губернаторское незнаніе жизни, въ погонѣ за дешевыми лаврами, создало цѣлый бунтъ.

Теперь ни той, ни другой сторонѣ возвращаться назадъ было нельзя—дѣло зашло слишкомъ далеко.

Тутъ началось уже «укрощеніе», которое тянулось слишкомъ мѣсяцъ, въ теченіе котораго случилось два интересныхъ эпизода: первый — когда, послѣ безуспѣшныхъ увѣщаній и угрозъ, въ монастырь вдругъ явился жандармскій оберъ-офицеръ Быковъ, одинъ, собственною своею персоною, въ твердомъ убѣжденіи, что одного его появленія будетъ достаточно для водворенія поколебленнаго «приказными» порядка...

Но и Быковъ уѣхалъ, какъ и должно было, не солоно хлебавши.

Второй эпизодъ случился на другой день единоличнаго визита жандармскаго офицера: къ ве-

churu, слыша о неповиновеніи, явился, наконецъ, и «самъ» губернаторъ, и тоже вообразилъ, что онъ имѣетъ какую-то панацею въ своей персонѣ. Не смотря на доводы чиновниковъ, что идти въ монастырь, защищаемый тысячами народа, къ ночи не слѣдуетъ, онъ властительски велѣлъ «слѣдовать всѣмъ за собой».

Послѣдовали, прихвативъ до 800 человѣкъ православныхъ крестьянъ, согнанныхъ по приказу къ монастырю еще раньше.

Войдя въ монастырь, губернаторъ Степановъ даже и разговаривать не сталъ, а «изъявилъ негодованіе» иноку Корнилію, т. е. попросту избранилъ его и съ канцелярскимъ азартомъ велѣлъ своимъ 800 православнымъ крестьянамъ, не смотря на надвинувшіяся сумерки, «силою выгонять» собравшихся въ монастырь раскольниковъ, которыхъ, къ слову сказать, было въ стѣнахъ до 500 человѣкъ, не считая того, что было за стѣнами!..

Здѣсь канцелярское легкомысліе перешло уже въ какую-то тупость...

Какой адскій кавардакъ произошелъ вслѣдъ за этимъ — описать трудно... Поднялось всеобщее и взаимное избіеніе: въ темнотѣ «своя своихъ не познаша», — православные били православныхъ, тащили ихъ за шиворотъ изъ монастыря; раскольники лупили всѣхъ безъ разбора; крики, стоны, ругательства, — и надъ всѣмъ этимъ ужаснымъ гамомъ разсвирѣпѣвшихъ народныхъ массъ зловѣще раздавались призывные зычные удары набатовъ!..

Конечно, изъ этого отвратительнаго кровопролитія вышло то, что самъ же губернаторъ Степановъ ночью бѣжалъ изъ монастыря, спасая свою полезную для государства жизнь, а побоище длилось и послѣ него далеко за полночь, при гулкихъ раскатахъ набатныхъ колоколовъ. Къ утру и въ монастырѣ, и за стѣнами его слышались стоны; на землѣ валялись избитые люди, клочки бородъ, обрывки одежды, обильно смоченные кровью братоубійственной драки, а сами виновники этого событія, убѣжавъ подъ покровомъ темноты, отъ общей свалки, цѣлыхъ двадцать одинъ день не могли придти въ себя и собраться снова «покорять» крѣпко стоящихъ за свою вѣру людей!..

IV.

«Крутыя мѣры» оказались рѣшительно неизбѣжными, относительно столь явно непокорнаго раскольническаго населенія и монаховъ Средне-Никольскаго монастыря.

Двадцать одинъ день губернаторъ Степановъ сносился «по сему предмету» съ высшими властями, чтобы, наконецъ, нанести рѣшительный и кровавый ударъ мятежникамъ, столь упорно отвергающимъ всѣ мѣры кротости и увѣщанія, расточенныя начальствомъ.

Все это время, отъ самаго начала безпорядковъ, въ монастырѣ неисходно проживали въ стѣнахъ болѣе пятисотъ человѣкъ раскольниковъ-кре-

стьянъ, питаясь на счетъ богатыхъ запасовъ монастыря, а кругомъ стѣнъ монастырскихъ стояли второю тѣсной стѣной нѣсколько тысячъ окрестнаго раскольничьяго населенія, готовыя защищать свою святыню до послѣдней капли крови. Всѣ приготовились заслужить мученическіе вѣнцы за преданность старой вѣрѣ. Объ уступкахъ, соглашеніяхъ и единовѣріи—теперь не могло быть и рѣчи.

И вотъ — это было 21-го марта 1837 года, — укротители, въ составѣ команды солдатъ въ 200 человѣкъ, съ боевыми патронами, команды казаковъ, конно-артиллерійской батареи и двухъ тысячъ понятыхъ изъ православнаго населенія, явились передъ стѣнами Средне-никольскаго монастыря.

Снова начались увѣщанія и угрозы, но раскольники, даже въ виду многочисленной военной силы, блестящихъ ружей, штыковъ и мѣдныхъ пушекъ, приготовившись къ вѣрной мученической смерти,—отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ сдать монастырь!..

— Умремъ, а не выдадимъ нашей святыни!.. Хошь убивайте, хошь по тюрьмамъ разсаживайте!..

Раздались военныя команды; солдаты, съ ружьями на перевѣсъ, двинулись впередъ; загромыхали мѣдныя пушки и уставили зловѣщія дула къ толпѣ; у артиллеристовъ въ рукахъ дымились фитили; казаки стали объѣзжать толпу... Толпа взвыла, упала на колѣни, творя предсмертныя молитвы, но дорогу къ монастырю не очищала...

Облитые кровью мученическіе вѣнцы уже какъ бы витали надъ головами фанатиковъ...

И вдругъ, по артиллерійской командѣ: «пли», на разгоряченныхъ мучениковъ, вмѣсто огня и картечи, разомъ, въ нѣсколько трубъ, полилась холодная вода изъ скрытыхъ за войсками пожарныхъ насосовъ!..

Трудно описать эффектъ, произведенный этимъ неожиданнымъ душемъ! Раскольники пришли просто въ ужасъ; они этого никакъ не ожидали!.. Они вскочили и заметались, а непрерывныя струи воды энергично обдавали горячія головы, сбивали шапки, летѣли въ ротъ, носъ, глаза, уши, въ минуту не оставляя нитки сухой!..

Извольте тутъ сохранить высокое благоговѣйное настроеніе, когда, вмѣсто крови и ранъ, налагаемыхъ властельскою немилостивою десницей, — васъ безъ устали, не давая ни отдыха, ни срока, обкачиваютъ лихіе пожарные холодной водой!...

Эта неожиданность была самая срамная и конфузная: кровь, стоны и смерть — это что-то высокое, мученическое, къ чему всѣ были готовы, а тутъ—поливаютъ, точно шутовъ какихъ, и поливаютъ ловко, со всѣхъ сторонъ, не переставая!

«Что за анафемская артиллерія у еретиковъ?.. не дьявольское ли это навожденіе?» —мелькнуло даже въ нѣкоторыхъ головахъ... Толпа взревѣла и заметалась, спасаясь отъ неумолимыхъ водяныхъ потоковъ, а въ эти самые моменты общей паники и переполоха, понятые крестьяне хватали и вязали растерявшихся мокрыхъ защитниковъ

старой вѣры. Тѣмъ и не до борьбы было: лишь бы убѣжать изъ-подъ адскихъ струй, отряхнуться да обсушиться!...

Тысяча семьсотъ человѣкъ было перевязано, а остальные въ ужасѣ разбѣжались, — и власти вошли съ войсками въ монастырь...

Архимандритъ Зосима живо окропилъ раскольническій храмъ святою водою и «присоединилъ» его къ единовѣрію. Послѣ такой операціи старообрядцы, конечно, уже отступились отъ своего храма, въ который вошла «никоніанская прелесть».

Такъ съ обильнымъ «водопролитіемъ» было присоединено къ единовѣрію одно изъ раскольническихъ гнѣздъ на Иргизѣ.

IV.

Кавалерійская храбрость и провіантская неукоснительность.

(1843 г.).

I.

Въ 1843 году въ Енисейской губерніи произошли раскольничьи безпорядки. Старообрядцы не поладили почему-то съ начальствомъ, доселѣ мирволившимъ имъ, позволявшимъ, конечно за мзду, иногда вещи прямо противозаконныя. Безпо-

рядки, постепенно разгораясь, дошли уже до явнаго неповиновенія властямъ, соединеннаго съ весьма дерзкими поступками: старообрядцы выпороли исправника и чуть не убили губернатора!...

Такой фактъ самосуда, когда былъ доведенъ до свѣдѣнія высшихъ властей въ Петербургѣ, былъ принятъ очень серьезно. Во-первыхъ, сдѣланъ былъ выговоръ самому губернатору и приснымъ его за нераспорядительность, а во-вторыхъ, приказано было двинуть до десяти тысячъ войска для усмиренія взбунтовавшейся округи, заселенной десятками тысячъ старообрядцевъ.

Требовалось уничтожить сборный пунктъ ихъ, часовню, отобрать образа и книги и арестовать смутьяна-попа изъ отставныхъ солдатъ. Такое предпріятіе въ густо населенной раскольниками мѣстности не могло обойтись безъ кровопролитія.

Задумался сконфуженный высочайшимъ выговоромъ губернаторъ, но въ это время одинъ изъ состоявшихъ при немъ чиновниковъ особыхъ порученій, штабъ-ротмистръ К. С. Безносиковъ, подалъ ему совѣтъ:

— А не попытаться ли, ваше превосходительство, прежде военной силы, уговорить ихъ, обѣщая милость государя?...

— Конечно, это надо сдѣлать, но кто за это возьмется?

— Позвольте мнѣ сдѣлать эту попытку,—я здѣшній уроженецъ и знаю сибиряковъ хорошо. Я думаю, что съумѣю съ ними сговориться какъ нибудь...

— Попытайтесь, коли хотите; я дамъ съ вами команду солдатъ и чиновниковъ губернскаго правленія для письмоводства,—согласился губернаторъ.

— О, нѣтъ! мнѣ большой команды не надо! Я возьму только горсть казаковъ съ эсауломъ на всякій случай.

— И чиновника губернскаго правленія для протоколовъ.

— Хорошо, ваше превосходительство, пожалуй, если вы хотите, и чиновника.

При этомъ надо сказать, что штабъ-ротмистръ Безносиковъ былъ въ это время очень молодымъ человѣкомъ. Воспитанный въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ поступилъ на службу въ Сибирь, гдѣ служили отецъ его, наказнымъ атаманомъ, и старшій братъ при отцѣ.

Это былъ очень дѣльный молодой офицеръ, уже имѣвшій орденъ св. Владиміра за какіе-то ученые гидрографическіе труды, относившіеся до описанія рѣки Амура, тогда мало изслѣдованнаго.

Безносикову дали 36 казаковъ съ эсауломъ и чиновника для письменной работы, и онъ, сказавши нѣсколько словъ своей малочисленной командѣ объ опасностяхъ, какія ихъ ожидаютъ въ этой экспедиціи, пустился въ путь.

Путь былъ не легкій, экспедиція рискованная; молодой штабъ-ротмистръ, знавшій народъ не по канцелярски, а путемъ живого обращенія съ нимъ, рѣшилъ, что участь его порученія много будетъ зависѣть отъ бодраго духа его команды. Для этого

онъ изъ отпущенныхъ съ нимъ суммъ приказалъ выдавать казакамъ ежедневно мясную и водочную порціи и этимъ сдѣлалъ то, что казаки, земляки усмиряемыхъ, отчасти сами старообрядцы, отчасти индиферентные къ православію, полюбили своего молодого начальника,—и сманить ихъ или заставить дѣлать свое дѣло съ умышленнымъ небреженіемъ въ минуты опасности (чему бывало много примѣровъ), стало очень трудно, если не невозможно.

II.

Въ первое взбунтовавшееся селеніе пріѣхали укротители къ вечеру. Сейчасъ же нашелся благоувѣтливый мужикъ, прикинувшійся покорнымъ предержащей власти, пригласилъ офицера и команду къ себѣ на ночлегъ и разсыпался передъ ними мелкимъ бѣсомъ:

— Господи милостивый! да нешто я... да нешто мы?.. Оно, конечно, народъ глупъ... много ихъ такихъ-то... Вы, ужъ у меня будьте, какъ за каменной стѣной!...

Хитрый мужикъ, видя юность предводителя малочисленной команды, рѣшилъ попытаться «сплавить» его безъ особенныхъ хлопотъ и для этого «тихимъ словомъ» велѣлъ сыну своему запречь тройку лошадей и ждать на задворкахъ, но и Безносиковъ не ввѣрился всецѣло хитрецу и обставилъ домъ казаками.

Пока экспедиція закусывала, чѣмъ Богъ послалъ, приготовляясь къ отдыху, чтобы на утро

рано начать «дѣло», — въ избу таинственно вошелъ благоувѣтливый мужикъ и съ испугомъ сообщилъ:

— Ваше благородіе!.. неладно!.. Наши-то глупцы... обступаютъ домъ со всѣхъ сторонъ, — грозятся убить царскаго посла... Вотъ-то шалыя головы!.. Одначе, вы будьте за мной, какъ за каменной стѣной... Вѣрьте Богу, выручаю я васъ... Бѣжать вамъ надо... вамъ и господину приказному, а казаченьки?.. что имъ?—они и сами ускачутъ какъ нибудь! А для васъ я приготовилъ, видючи бѣду неминучую, троечку... сынишко мой на задворкахъ ждетъ ужъ—лихо умчитъ!..

Безносиковъ обезпокоился; однако рѣчи мужика показались ему подозрительны, потому что разставленные на караулѣ казаки ни о чемъ подобномъ не доносили ему.

— Эсаулъ! поди-ка провѣдай, что тамъ такое?

— Что провѣдывать? вѣрно говорю, садитесь съ Богомъ, пока цѣлы, — я васъ задворочками проведу,—наши-то и не узнаютъ: ждать будутъ вонъ тутъ, а вы ужъ за десять верстъ будете!..

Подъячій схватился бѣжать, но Безносиковъ все-таки послалъ эсаула узнать истину. Хозяинъ вышелъ вмѣстѣ съ эсауломъ.

Скверныя минуты переживалъ штабъ-ротмистръ; еще того сквернѣе чувствовалъ себя приказный, ожидая разрѣшенія этой загадки.

Наконецъ эсаулъ возвратился.

— А гдѣ этотъ проклятый мужикъ? съ досадой сказалъ эсаулъ, — прикажите этого обман-

щика арестовать!.. Онъ все совралъ: никого ни гдѣ нѣтъ!..

— Понимаю!—это онъ хотѣлъ дурака изъ меня сдѣлать: напугать, да назадъ и увезть ни съ чѣмъ!.. Сыскать его и арестовать, мерзавца!..

Бросились искать благоувѣтливаго мужика, но онъ, видя, что его затѣя не удалась, предпочелъ скрыться безъ слѣда...

На первомъ шагу наша экспедиція наткнулась на вѣроломную хитрость, прикрытую самымъ большимъ почтеніемъ; дальнѣйшіе шаги не обѣщали тоже ничего хорошаго.

Въ большомъ безпокойствѣ легла наша экспедиція спать въ безхозяйномъ домѣ, разставивъ казачій караулъ вокругъ,—и тутъ случилось нѣчто волшебное...

Вообще эта экспедиція молодого штабъ-ротмистра протекла и окончилась довольно волшебно и мало понятно, но мы не имѣемъ повода сомнѣваться въ истинѣ событій, ибо передаемъ разсказъ о нихъ только изъ вторыхъ рукъ, гдѣ первымъ источникомъ былъ самъ почтенный затѣйщикъ экспедиціи Константинъ Степановичъ Безносиковъ, умершій въ чинѣ генералъ-маіора въ 1876 году.

Волшебство это, вѣроятно, произошло отъ разстроенныхъ и напряженныхъ нервовъ, но тѣмъ не менѣе въ немъ заключалось нѣчто пророческое объ исходѣ опасной и почти безнадежной экспедиціи.

Въ ночной темнотѣ, когда все погрузилось въ

сонъ, и самъ молодой предводитель уже начинамъ дремать, отогнавъ, наконецъ, докучливыя мысли, — выясняется передъ нимъ во мракѣ какой-то неясный человѣческій образъ и, наклонившись надъ нимъ, явственно обращаетъ къ нему рѣчь:

— Будь покоенъ!.. Завтра до вечерни попостись,—и все будетъ хорошо!..

Молодой офицеръ взбудился отъ легкой дремоты въ испугѣ и прянулъ съ постели, хватаясь за оружіе.

— Эсаулъ! огня! вскричалъ онъ громко.

Вскочилъ и эсаулъ, спѣшно высѣкъ огня кремнемъ, раздулъ трутъ и зажегъ свѣчку.

— Сейчасъ кто-то здѣсь былъ!.. Я слышалъ слова!.. Нѣтъ ли тутъ потайной двери?..

Оглядѣлись—никого! Осмотрѣли стѣны и двери, подъемный люкъ изъ подполицы—ничего подозрительнаго!

— Вѣрно, вамъ погрезилось во снѣ, ваше благородіе, спите съ Богомъ, — утро вечера мудренѣе, завтра работы много...

III.

Ночь прошла благополучно; на другой день рано поднялась экспедиція. Предстояло самое трудное и опасное: ѣхать въ селеніе, гдѣ стояла подлежащая къ сносу часовня и проживалъ наставникъ-смутьянъ, и откуда безпорядки начались и поддерживались.

Послѣ неудачи «самого» губернатора, что могъ тутъ сдѣлать какой-то молокососъ-офицеръ?.. Но дѣло въ томъ, что «самъ» не зналъ, не понималъ и не любилъ народа,—и въ этихъ же отношеніяхъ стоялъ къ нему и народъ — а молокососъ-офицеръ зналъ и любилъ народъ и умѣлъ съ нимъ говорить; кромѣ того, онъ былъ беззавѣтно храбръ и всегда готовъ былъ рисковать своею жизнью для общаго блага безъ фразъ, а самымъ дѣломъ, тогда какъ губернаторъ свою жизнь любилъ...

Пріѣхали рано утромъ, чуть свѣтъ, и послали оповѣстить по селу, чтобы собрать выборныхъ для разглагольствія.

Черезъ нѣсколько времени началъ подваливать народъ, да не десятками, а сотнями и тысячами, со всего обширнаго села и изъ окрестностей, куда уже проникли вѣсти о пріѣздѣ молодого укротителя съ малочисленной командой. Вокругъ дома заволновалось живое шумное море головъ; галдѣнье сотенъ голосовъ переходило въ какой-то ревъ разсвирѣпѣвшаго стада.

Отважный штабъ-ротмистръ вышелъ, однако, смѣло за ворота передъ толпу и началъ уговаривать, но его голосъ совершенно терялся въ общемъ мощномъ шумѣ. Сотни головъ совались къ нему, что-то горячо доказывая, на что-то жалуясь, сотни корявыхъ рукъ энергично жестикулировали передъ самымъ его носомъ; во всѣхъ устремленныхъ на него горящихъ глазахъ онъ видѣлъ только возбужденіе, гнѣвъ, угрозу, — но

понять что нибудь изъ этого шума было невозможно.

— Громада! рявкнулъ, наконецъ, офицеръ, — такъ нельзя!.. Никто ничего не слышитъ!.. Выберите человѣкъ шесть, которые поумнѣе да попытнѣе, и пошлите во дворъ, — я съ ними поговорю, какъ надо, а они вамъ перескажутъ!..

Сказалъ и ушелъ во дворъ, а громада начала снова галдѣть, выбирая депутатовъ, и выбрали не шесть человѣкъ (съ которыми-де легко поправиться казакамъ), а семьдесятъ человѣкъ. Ихъ впустили во дворъ, заперли ворота, приставили къ воротамъ казаковъ изнутри и снаружи,—и началось собесѣдованіе.

— Братцы—громада! началъ было Безносиковъ.

— Какіе мы братцы щепотнику [1]) - табачнику! оборвали выборные на первыхъ порахъ оратора.

— Я—царскій посланникъ!.. Признаете вы власть государя императора надъ собою?..

— Амператору мы завсегда покорны, а только ежели исправникъ!.. Да ежели губернаторъ таки дѣла!..

И посыпались обвиненія на ближайшія власти въ самомъ возмутительномъ вымогательствѣ, жалобы на нихъ, раскрывались картины попустительства за взятки, картины знакомыя и извѣстныя офицеру, мѣстному уроженцу.

---

[1]) «Щепотью» старообрядцы называютъ православное перстосложеніе для крестнаго знаменія по сходству его со щепотью для нюханья табаку.

— Все такъ, но вы имѣли дорогу жаловаться на притѣсненія, дойти до самого государя императора, а не самимъ расправляться!.. Шутка ли?— выпороть исправника!..

— А и дуракъ же ты, ваше благородіе, не въ обиду тебѣ будь сказано!.. Жалиться?.. Вотъ это твое глупое слово было!..

Дальше—больше:—переговоры приняли характеръ какихъ-то взаимныхъ угрозъ.

— Вы знаете, что государь императоръ повелѣлъ двинуть сюда десять тысячъ войска, — и оно уже идетъ!.. оно уже близко!.. У васъ камня на камнѣ не останется!.. всѣ вы въ тюрмѣ сгніете!..

— Экая угроза выискалась!.. Что ты со своими казачишками подѣлаешь?.. Мы вотъ тебя, ровно курченка, ощиплемъ, да и крылья назадъ завернемъ...

— Глупцы! да неужели вы не видите милости императора въ томъ, что я посланъ одинъ, съ малою силой къ вамъ, гдѣ васъ двадцать тысячъ?.. Конечно, вы можете меня убить, да я этого и не боюсь, я хочу только уговорить васъ покориться волѣ его величества, чтобы не быть вамъ разоренными въ конецъ!..

Много и резонно говорилъ молодой офицеръ съ выборными; одни слушали, другіе галдѣли,— толку, все-таки, какъ будто не выходило. Тогда пылкій молодой офицеръ вышелъ изъ себя и закричалъ на толпу:

— Да знаете ли, что мнѣ дана неограниченная власть! — я могу казнить и миловать!.. Если вы

будете еще сопротивляться,—ни одинъ изъ васъ не выйдетъ живой отсюда!..

И въ это время казаки ловкимъ маневромъ загнали какъ-то толпу въ обширный сарай и заперли засовомъ...

Измученный, вошелъ Безносиковъ въ избу, гдѣ всѣ находились въ страхѣ и опасеніи за свою жизнь, ибо толпа на улицѣ все прибывала и прибывала и ревѣла, какъ бурное море. Но дерзкихъ предпріятій не было, хотя эта маленькая горсточка казаковъ съ офицеромъ моментально могла-бы быть раздавлена толпою.

Трудно описать смятенное состояніе душъ всей этой экспедиціи и самого Безносикова. И страхъ за свою участь, и досада на неудачу, и сознаніе, что наговорено въ раздраженіи много лишняго и глупаго, волновали сердце молодого офицера. Предложили ему обѣдать, но не до ѣды было Безносикову, хотя въ хлопотахъ и возбужденіи онъ не ѣлъ со вчерашняго дня.

Безсознательно онъ выполнялъ приказаніе таинственнаго пророческаго голоса, о которомъ и забылъ.

IV.

Два-три часа прошло въ самой томительной неизвѣстности; ворота и сарай съ депутатами охранялись казаками, готовыми стрѣлять по толпѣ въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій. Наконецъ, запертые въ сараѣ, горячо обсуждавшіе слова офицера, склонились на рѣчи болѣе ра-

зумныхъ и умѣренныхъ и стали просить отпустить къ толпѣ двѣнадцать человѣкъ, чтобы уговорить ее покориться.

Покорность эта обрадовала Безносикова, но въ то же время была и сомнительна. Онъ отпустилъ шесть человѣкъ.

Въ толпѣ произошло невообразимое волненіе: шумъ усилился; массы то отхлынутъ отъ дома, гдѣ находилась команда, то снова надвинутся, но какое-то рѣшеніе уже было ими предпринято.

Черезъ нѣсколько времени къ дому подъѣхала тройка и изъ телѣги свалили къ воротамъ какой-то тюкъ, который казаки быстро подхватили и втащили во дворъ.

Въ тюкѣ оказался смутьянъ-попъ, котораго раскольники рѣшились выдать обманомъ для него самого и большинства волновавшагося здѣсь народа, для чего и завязали его въ тюкъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ невообразимаго гвалта, вызвали, наконецъ, офицера къ толпѣ и нѣсколько стариковъ выразили готовность покориться требованіямъ правительства.

— Ты ужь только, батюшка, ваше благородіе, упроси за насъ у царя, чтобы простилъ онъ насъ за нашу глупость и дерзновеніе!.. Только, видитъ Богъ, что сами «они» виноваты во всемъ!.. Сколько это тысячъ намъ стоило, чтобы и часовню держать, и попа выписать, и чтобы исправникъ ничего не зналъ и не видѣлъ!.. Пропали наши денежки!..

— Ужъ коли на то воля его величества,—дѣ-

лай, что приказано!.. Видно, плетью обуха не перешибешь!.. Только упроси милость царскую на насъ...

Безносиковъ обѣщалъ всѣми силами хлопотать о прощеніи ихъ и для этого представить дѣло въ лучшемъ для нихъ свѣтѣ, выставивъ ихъ добровольную покорность правительству, — и велѣлъ вести его къ часовнѣ, чтобы разобрать ее.

Съ малымъ конвоемъ и приказнымъ для протоколовъ, дрожавшимъ отъ страха, отправился Безносиковъ къ часовнѣ.

Вещи, книги и образа были описаны, вынесены и запакованы; казаки по бревнышку разнесли срубъ и сложили въ кучку. Подъячій наложилъ печати.

Безносиковъ не вѣрилъ глазамъ, видя такой неожиданный и полный успѣхъ своего предпріятія, но факты были на лицо: попъ выданъ, часовня разобрана, книги, иконы и утварь въ его рукахъ подъ охраной казаковъ...

Торжествующій, возвратился онъ домой, гдѣ тотчасъ же выпустилъ заложниковъ-депутатовъ, а сіяющій чиновникъ началъ писать самый радостный протоколъ событій этого тревожнаго дня.

Толпы разошлись, хотя тамъ и сямъ по обширному селу старообрядцы стояли кучами, о чемъ-то горячо споря.

Въ сосѣднемъ православномъ селѣ ударили въ колоколъ къ вечернѣ, и снова истомленному офи-

церу былъ предложенъ обѣдъ... Тутъ только вспомнилъ Безносиковъ вчерашнее видѣніе и пророчество съ приказаніемъ о постѣ до вечерни... Все сбылось точь-въ-точь по словамъ таинственнаго пришельца,—и юный укротитель съ полнымъ удовольствіемъ сѣлъ за похлебку съ доброй чаркой вина...

V.

Послѣ обѣда эсаулъ отозвалъ офицера въ сторону и таинственно сообщилъ, что казаки слышали мимоходомъ, что ему не дадутъ благополучно выбраться со своими безкровными завоеваніями, что его трофеи хотятъ отбить на дорогѣ, свaливъ вину на неизвѣстныхъ злоумышленниковъ!

— Ага! Такъ вотъ она и разгадка ихъ скорой покорности! догадался Безносиковъ, — они во второй разъ хотятъ меня въ дуракахъ оставить!.. Хорошо! я приму свои мѣры!..

Раскинувши умомъ, молодой офицеръ сообразилъ, что дѣлать.

Собравшись уѣзжать, онъ собралъ команду и назначилъ маршрутъ, по которому казаки должны везти арестованнаго попа и вещи изъ часовни. Хотя онъ и озаботился, чтобы при этомъ не было никого изъ мѣстнаго населенія, но сдѣлалъ это больше для вида, и потому чуткія настороженныя уши раскольниковъ узнали тайну распоряженія.

Хитрость пошла противъ хитрости: раскол-

ники распорядились послать засаду верстъ за тридцать отъ селенія въ глухомъ и лѣсистомъ мѣстѣ, на пути слѣдованія команды, велѣвъ посланнымъ дѣйствовать, какъ разбойникамъ (любимый пріемъ людей древляго благочестія), а догадливый офицеръ направилъ конвой съ попомъ и вещами совсѣмъ по другой дорогѣ, отъѣхавъ отъ села нѣсколько верстъ по назначенному маршруту...

Засада напрасно прождала ожидаемаго поѣзда и когда воротилась во-свояси, Безносиковъ съ попомъ былъ уже на мѣстѣ и докладывалъ губернатору о благополучномъ исходѣ рискованной экспедиціи.

Не было конца благодарностямъ губернатора молодому офицеру, выручившему его изъ очень большого затрудненія.

Немедленно въ Петербургъ полетѣло самое радужное донесеніе о благополучномъ окончаніи безпорядковъ, обошедшихся безъ военной силы, причемъ губернаторъ представлялъ предпріимчиваго молодого офицера къ наградѣ, а для провинившихся раскольниковъ испрашивалъ высочайшаго прощенія.

Но съ вопросомъ о наградѣ вышло затрудненіе; штабъ-ротмистру Безносикову только въ прошломъ году пожалованъ былъ орденъ св. Владиміра (за гидрографическіе труды) и наградить его еще разъ въ скоромъ времени министру показалось слишкомъ щедро. Надо все въ очередь: дождался — и получи, а то найдутся предпріим-

чивые офицеры, которые расхватаютъ всѣ награды у тѣхъ, кто терпѣливо выжидаетъ ихъ годами, безполезно вытягивая служебную лямку.

Такова была, вѣроятно, логика г. министра внутреннихъ дѣлъ, когда онъ отказалъ Безносикову въ наградѣ, но дѣло должно было еще идти на высочайшее разсмотрѣніе.

Императоръ Николай Павловичъ заинтересовался столь неожиданнымъ исходомъ большого дѣла и лично подробно разсмотрѣлъ всѣ частности его.

Кладя высочайшую резолюцію, онъ возмутившихся старообрядцевъ, въ виду ихъ добровольной покорности, простилъ и, не выпуская изъ рукъ пера, искалъ бумаги, ходатайствующей о награжденіи храбраго штабъ-ротмистра, чтобы и ее съ полнымъ удовольствіемъ подписать,— но таковой не было при дѣлѣ.

— А чѣмъ же награжденъ штабъ-ротмистръ Безносиковъ? спросилъ онъ у министра.

Министръ доложилъ его величеству причины, по которымъ онъ считалъ нужнымъ отклонить ходатайство губернатора о наградѣ его чиновника особыхъ порученій, но государь, не дослушавъ объясненій, собственноручно написалъ въ дѣлѣ: «Ротмистра Безносикова, въ примѣръ прочимъ, произвести въ слѣдующій чинъ»...

Служебная логика на этотъ разъ не сошлась съ логикой высшей...

VI.

Бумаги съ высочайшей резолюціей пролетѣли четыре, пять тысячъ верстъ въ Сибирь и разцвѣтили души радостью. Штабъ-ротмистръ Безносиковъ получилъ приказъ о производствѣ его за подписью наказного атамана Безносикова же и скрѣпою дежурнаго штабъ-офицера Безносикова же (отца и брата его) и съ легкомысліемъ молодости опустошилъ свой не толстый карманъ на взносъ за производство...

Но когда въ провіантское вѣдомство поступилъ отчетъ о расходованіи данныхъ Безносикову въ экспедицію суммъ, оно усмотрѣло превышеніе власти и расхищеніе казеннаго интереса въ тѣхъ водочной и мясной порціяхъ, какія штабъ-ротмистръ произвольно велѣлъ выдавать своей казачьей командѣ...

И, какъ послѣдній аккордъ въ мастерски сыгранной симфоніи, засаленный провіантскій курьеръ принесъ къ новопроизведенному «бумагу»:

«(Названіе учрежденія, годъ, число, мѣсяцъ, столъ, повытье, исходящій номеръ!) Усмотрѣвъ изъ поданнаго отчета о расходованіи провіантскихъ суммъ» — и такъ далѣе: — «взыскать съ онаго офицера самовольно растраченный казенный интересъ»...

О расходахъ на тысячи войска забыли, но это не входило въ компетенцію провіантскаго вѣдомства.

Обратился тріумфаторъ къ папашиному карману и уплатилъ нѣсколько десятковъ рублей неукоснительному вѣдомству, ибо не стоило же заводить дальнихъ хлопотъ!

Отвяжитесь!..

V.

Типографъ-метроманъ прошлаго вѣка.

I.

Это было въ царствованіе императрицы Екатерины Великой. Типографское дѣло до ея знаменитаго указа было правительственною регаліею и, если частнымъ лицамъ дозволялось имѣть типографіи, то на особыхъ условіяхъ съ правительствомъ и подъ особымъ надзоромъ.

Сознавая, что возможно-широкая свобода книгопечатанія есть одинъ изъ могущественныхъ факторовъ народнаго просвѣщенія, императрица-законодательница въ 1784 году, 15 января, указомъ вывела типографское дѣло изъ тѣсныхъ и спеціальныхъ рамокъ и сдѣлала его достояніемъ всѣхъ.

Знаменитый указъ ея, напечатанный въ «Полномъ собраніи законовъ», томъ XXI, № 15,634, очень любопытенъ и здѣсь кстати привести его: «Всемилостивѣйше повелѣваемъ типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фаб-

рикъ и рукодѣлій и вслѣдствіе того позволяемъ, какъ въ обѣихъ столицахъ нашихъ, такъ и во всѣхъ городахъ имперіи нашей, каждому по своей собственной волѣ заводить оныя типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія, а только давать знать о заведеніи таковомъ управѣ благочинія того города, гдѣ онъ типографію имѣть хочетъ. Въ сихъ типографіяхъ печатать на россійскомъ и на иностранныхъ языкахъ, не исключая и восточныхъ, съ наблюденіемъ, однакожъ, чтобъ ничего въ нихъ противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ, или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося издаваемо не было; чего ради отъ управы благочинія отдаваемыя въ печать книги свидѣтельствовать, и ежели что въ нихъ противное сему нашему предписанію явится, запрещать, а въ случаѣ самовольнаго напечатыванія таковыхъ соблазнительныхъ книгъ, не только книги конфисковать, но и о виновныхъ въ подобномъ самовольномъ изданіи недозволенныхъ книгъ сообщать, куда надлежитъ, дабы оные за преступленіе законно наказаны были».

Этимъ указомъ дѣло веденія типографій и изданія книгъ облегчено было до крайности. Типографіи быстро размножились; изданіе книгъ оживилось; только при такой свободѣ книгопечатанія могла развиться до грандіозныхъ размѣровъ дѣятельность «Типографической компаніи» Новикова и другихъ масоновъ, дѣятельность высоко-гуманная и принесшая много пользы просвѣщенію и нравственному совершенствованію народа...

II.

Но исторія, на ряду съ грандіозными и величественными картинами, событіями и типами, показываетъ намъ картины и типы комическіе, отрицательные.

Какъ Н. И. Новиковъ есть личность крупная и благородная среди типографовъ и издателей прошлаго вѣка, такъ нѣкій помѣщикъ Пензенской губерніи Николай Еремѣевичъ Струйскій есть типъ комическій, утрировка, не выдуманная писательскимъ творчествомъ, а созданная самой жизнію.

Струйскій былъ довольно состоятельный Пензенскій помѣщикъ. Его село Рузаевка, въ Инсарскомъ уѣздѣ, по дорогѣ изъ Нижняго-Новгорода въ Пензу, въ 7 верстахъ отъ большого села Голицына, было очень велико, о чемъ можно судить по тому, что въ немъ находилось три церкви, а самое село, по барской затѣѣ, было обведено вокругъ валомъ, вѣроятно для отраженія непріятеля, подобнаго Пугачеву, если бы онъ явился къ владѣніямъ затѣйливаго помѣщика.

Владѣнія Струйскаго распространялись вокругъ Рузаевки верстъ на тридцать, а въ самомъ селѣ въ 1772 году былъ построенъ огромный и роскошный барскій каменный домъ съ великолѣпною залою въ два свѣта, облицованною по стѣнамъ мраморомъ. О великолѣпіи и грандіозности постройки рузаевскихъ хоромъ даетъ понятіе одна частность, именно: за одно желѣзо, потре-

бовавшееся для постройки дома, помѣщикъ заплатилъ поставщику цѣлою подмосковною деревнею въ триста душъ крестьянъ!..

При домѣ былъ прекрасный, правильно разбитый садъ, который поэтъ Ив. Мих. Долгорукій, лично знавшій Струйскаго, во время бытности на вице-губернаторствѣ въ Пензѣ, назвалъ «регулярнымъ».

Обширныя дачи, «всѣ изобилія натуры», многочисленное и пріятное семейство, по словамъ того же И. М. Долгорукаго, давали Струйскому возможность «наслаждаться жизнію благополучнаго человѣка, ежели она есть гдѣ нибудь, кромѣ нашего воображенія...»

Личность самого Струйскаго довольно загадочна и непонятна была даже для его современника, князя Долгорукаго, который, разсуждая о ходившихъ про Струйкаго слухахъ, восклицаетъ: «Впрочемъ, кто знаетъ, что такое человѣкъ? Кто искусилъ это непонятное твореніе столько, чтобъ найти и опредѣлить мѣру его заблужденіямъ? Подивимся и замолчимъ!..»

Струйскій былъ, безспорно, однимъ изъ «чудодѣевъ» екатерининскаго времени, довольно богатаго такими типами.

До его маніи къ стихотворству и страсти къ типографіи, онъ, по слухамъ, дошедшимъ до пензенскаго вице-губернатора князя И. М. Долгорукиго, былъ маніакомъ судебныхъ розысковъ, если можно такъ выразиться.

Слухи эти имѣютъ долю вѣроятія, потому что

Струйскій, какъ видно изъ разсказа современника, былъ очень подозрителенъ по природѣ, а приближавшаяся къ его владѣніямъ гроза Пугачевскаго возмущенія, въ которой, можетъ быть, и онъ пострадалъ или рисковалъ пострадать отъ своихъ «подданныхъ», потерявшихъ всякое уваженіе къ власти, могла увеличить эту подозрительность и сдѣлать ее жестокою. Вѣроятно и то, что розыски эти, которымъ онъ со страстью предавался за стѣнами своей усадьбы, были лишь возмездіемъ за пугачевскіе безпорядки своихъ крестьянъ и дворовыхъ, гдѣ онъ хотѣлъ доискаться и добраться до подстрекателей, участниковъ или опредѣлить степень виновности каждаго.

Какъ бы тамъ ни было, но розыски Струйскаго въ своей дворнѣ имѣли мрачный и жестокій характеръ; производилъ съ увлеченіемъ онъ ихъ самъ въ своихъ собственныхъ застѣнкахъ; копируя тайную канцелярію съ Шешковскимъ, онъ прибѣгалъ даже къ пыткамъ, чтобы добиться признанія; производя самодѣльное судбище, онъ говорилъ рѣчи за и противъ обвиняемыхъ.

Какъ видно, это ему сошло безнаказанно: онъ былъ счастливѣе своей современницы, извѣстной Салтычихи, за жестокости заточенной въ монастырь неисходно по смерть.

«Ежели это было подлинно такъ, восклицаетъ князь И. М. Долгорукій,— то чего смотрѣло правительство?»

Вопросъ для администратора екатерининскихъ временъ наивный. Правительство могло и не знать

ничего о розыскахъ Струйскаго; мѣстной полиціи тоже трудно было слѣдить за дѣйствіями помѣщиковъ въ усадьбахъ; доносамъ крестьянъ, если таковые были, могли не дать вѣры или просто спрятать это дѣло подъ сукно, не желая ссориться съ богатымъ помѣщикомъ, находившимся въ связяхъ съ графами Орловыми.

III.

«Ежели то было такъ,—то какой удивительный переходъ отъ страсти самой звѣрской, отъ хищныхъ такихъ произволеній къ самымъ кроткимъ и любезнымъ трудамъ, къ сочиненію стиховъ, къ нѣжной и вселобзающей литературѣ!... Все это непостижимо!»...

Непостижимо, если мы описываемъ и разбираемъ дѣйствія нормальнаго человѣка, а помѣщикъ Струйскій былъ несомнѣнный маніакъ.

Что же касается совмѣщенія въ одномъ лицѣ самыхъ противоположныхъ страстей, то исторія намъ оставила разительные примѣры подобнаго явленія. Неронъ, при всей своей жестокости, считалъ себя поэтомъ и артистомъ и писалъ стихи; Иванъ Грозный во время самыхъ жестокихъ казней читалъ акафисты Сладчайшему Іисусу; наконецъ барышни эпохи романтизма, заливаясь слезами надъ «Бѣдной Лизой» Карамзина, имѣли достаточно жестокости бить по щекамъ своихъ дворовыхъ дѣвокъ и посылать ихъ на конюшню для

дранья розгами за невыглаженную юбку или уколъ булавкой во время одѣванья.

Манія Струйскаго, насытившись зрѣлищемъ тайноканцелярскихъ розысковъ и потаенныхъ пытокъ, обратилась на стихотворство, но и прежняя и новая его маніи были—одно уродство. Вотъ какъ отзывается о стихахъ Струйскаго князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, бывшій самъ очень извѣстнымъ и популярнымъ стихотворцемъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

«Письма его и сочиненія разсмѣшили бы мертваго. Потѣшнѣе послѣ Телемахиды ничего нѣтъ на свѣтѣ». «Они (стихи его) во всемъ несносны». «Письма Струйскаго, неисчерпаемый источникъ нелѣпостей, смѣшили меня, когда меланхолія слишкомъ удручала сердце. Тутъ весьма хорошо прочесть что нибудь изъ Третьяковскаго, Струйскаго, Черкасова и тому подобныхъ парнасскихъ буфоновъ. Они очистятъ путь мыслямъ и пробудятъ человѣка отъ сна и задумчивости его»... Слушать «стихотворныя съумашествія» Струйскаго Долгорукій почиталъ «отяготительною скукой».

Впослѣдствіи мы ознакомимъ читателя въ этой статьѣ съ образцами поэтическихъ твореній рузаевскаго помѣщика-метромана. Его страсть къ стихотворству, пожалуй, превосходила даже страсть препрославленнаго метромана графа Дмитрія Ивановича Хвостова, писавшаго стихи ежедневно и на каждый пустячный случай и предметъ.

«Ежели бы его (Струйскаго) вѣкъ продолжился,—онъ бы отяготилъ вселенную своими сочине-

ніями» — говорилъ кн. Долгорукій послѣ смерти рузаевскаго метромана.

Изъ этого свидѣтельства современника мы видимъ, что и производительностью своей отчаянной музы Струйскій едва-ли непревосходилъ графа Хвостова, ибо, охваченный бѣсомъ стихокропанія, пензенскій помѣщикъ по двое сутокъ сидѣлъ за столомъ безъ сна и безъ пищи, запершись отъ семейства и домочадцевъ, на своемъ «Парнасѣ», какъ онъ называлъ верхній покой своего дома.

На этотъ «Парнасъ» никто изъ обитавшихъ въ домѣ Струйскаго, не исключая даже жены и дѣтей, не смѣлъ входить никогда; однако, въ знакъ особаго вниманія, онъ принималъ въ немъ иногда своихъ почетныхъ гостей.

IV.

Такого исключительнаго пріема на «Парнасѣ», знака высшаго уваженія, удостоился и князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, когда въ 1793 году, будучи пензенскимъ вице-губернаторомъ, онъ лѣтомъ случайно заѣхалъ въ Рузаевку къ Струйскому.

О его стихотворствѣ и типографіи Долгорукій уже слышалъ, но все-таки, пріѣхавъ въ Рузаевку и увидя ея чудака-хозяина, былъ очень удивленъ и самимъ хозяиномъ, и его пріемомъ. Начать съ того, что Струйскій представился гостю въ самомъ необыкновенномъ костюмѣ, или вѣрнѣе въ смѣси костюмовъ. Подъ фракомъ, конечно по

тогдашней модѣ цвѣтнымъ, у него, вмѣсто жилета, былъ надѣтъ парчевой камзолъ, подпоясанный шелковымъ розовымъ кушакомъ; панталоны до колѣнъ узкіе, отъ колѣнъ бѣлые чулки и башмаки, украшенные бантиками.

Голова его была причесана по прусской военной модѣ въ букляхъ на вискахъ съ длинною привязною косою съ бантомъ.

Пріѣхавшій гость имѣлъ для Струйскаго двойное значеніе и интересъ — и какъ вице-губернаторъ пензенскій, и какъ извѣстный въ то время и бойкій стихотворецъ.

Струйскій, самъ считавшій себя великимъ поэтомъ и, какъ всѣ метроманы, любившій угощать всѣхъ охотниковъ слушать чтеніемъ своихъ произведеній, былъ, конечно, радъ увидѣть собрата по стихотворству, да еще такого извѣстнаго,—и торжественно повелъ его на свой «Парнасъ», представивъ предварительно знатнаго стихотворца второй женѣ своей Александрѣ Петровнѣ (которую Долгорукій называетъ «пріятною») и показавъ ему многочисленное свое семейство («изъ коихъ иныя (дѣти),—говоритъ Долгорукій,—были въ занимательномъ возрастѣ»).

Войдя въ поэтическое святилище хозяина, Долгорукій опять былъ пораженъ его видомъ и убранствомъ: комната представляла настоящую давно забытую кладовую для разныхъ вещей. Столъ былъ заваленъ всякой всячиной: «рядомъ съ сургучемъ — описываетъ Долгорукій — былъ брошенъ перстень алмазный, возлѣ большой рюмки стоялъ

поношенный бюстъ». Шкафы и полки были уставлены статуями Аполлона и девяти музъ; на стѣнахъ, въ контрастъ съ поэтическимъ назначеніемъ покоя и съ его напыщеннымъ названіемъ, оказалось развѣшеннымъ много самаго разнообразнаго оружія. И на всѣхъ вещахъ, на столѣ, мебели и бюстахъ лежалъ толстый слой никѣмъ нетронутой пыли!..

— Почему у васъ, Николай Еремѣевичъ, здѣсь такая пыль? кажется, у васъ дворовой челяди довольно? замѣтилъ Долгорукій.

— Преизбыточно этого добра, ваше сіятельство, но я сіе дѣлаю не безъ умысла: пыль сія есть мой стражъ, ибо по ней я узнаю и вижу тотчасъ—не былъ ли кто у меня и что онъ трогалъ?.. Строжайше всѣмъ въ домѣ запрещено переступать порогъ моего Парнаса!..

— Но почему же вы положили такой строгій запретъ?

— Парнасъ—мое святилище!.. Здѣсь меня посѣщаетъ самъ богъ поэзіи и его музы, изображенія коихъ вы видите здѣсь! здѣсь я замышляю и творю поэтическія произведенія. Кто изъ окружающихъ меня можетъ постигнуть святость сего творчества?.. Никто!.. А ежели никто не понимаетъ, то,—не мечите бисера передъ свиніями, да не попрутъ его!..

Иванъ Михайловичъ Долгорукій былъ огорошенъ такими оригинальными тирадами и новыми для него мыслями. «Пыль—стражъ святилища», «не мечите бисера»...

Но дальнѣйшій разговоръ хозяина отличался не меньшею оригинальностью. Попавъ въ святилище полупомѣшаннаго поэта, князь Долгорукій долженъ былъ вытерпѣть добрыхъ нѣсколько часовъ разглагольствій и чтенія высокопоэтическихъ твореній хозяина.

Когда Струйскій началъ читать одну изъ своихъ «анакреонтическихъ одъ», сильно размахивая руками, корча соотвѣтствующія мины и закатывая глаза,—слушатель старался держаться подальше отъ восторженнаго чтеца, припоминая разсказъ одного изъ своихъ знакомыхъ, поплатившагося за удовольствіе слушать влюбленнаго въ свои стихи метромана. Струйскій во время чтенія одного изъ своихъ «лучшихъ» произведеній передъ этимъ знакомымъ пришелъ въ такой восторгъ отъ поэтическихъ красотъ своего генія, что каждое особенно поэтическое мѣсто, сильное выраженіе, поразительную картину отмѣчалъ пребольными щипками за разныя части тѣла слушателя, желая сильнѣе обратить его вниманіе на эти красоты...

V.

Князь Иванъ Михайловичъ слишкомъ высоко былъ поставленъ сравнительно съ помѣщикомъ Струйскимъ, чтобы послѣдній позволилъ себѣ какую нибудь фамильярность, хотя бы и въ поэтическомъ азартѣ, но Долгорукій все-таки сторонился отъ чтеца.

Можно себѣ вообразить, что терпѣла отъ такого увлекающагося чтеца своихъ вдохновеній его семья и домочадцы!..

Метроманы—народъ безжалостный;исторія оставила намъ массу анекдотовъ, какъ они, всѣми правдами и неправдами, залучали къ себѣ слушателей и тѣшились надъ ними, сами обливаясь пóтомъ отъ піитическаго увлеченія.

Недаромъ Струйскій презрительно относился къ своей семьѣ, когда рѣчь шла о его стихотвореніяхъ; вѣроятно, онъ надоѣлъ всѣмъ до зла-горя, такъ что всѣ стали бѣгать отъ него, или браниться съ нимъ,—и онъ, въ самомнѣніи своемъ, отнесъ все это къ ихъ невѣжеству, непостигающему его избраннаго высокаго генія.

Чтеніе поэтическихъ произведеній продолжалось; сначала князь Долгорукій, охотникъ до курьезовъ всякаго рода и самъ затѣйливый человѣкъ, слушалъ съ любопытствомъ и едва сдерживаемымъ смѣхомъ, но потомъ, когда за пятою одой послѣдовала шестая, а за шестою рисковало явиться и еще двѣнадцать,—Долгорукій зналъ привычку метромановъ,—онъ не выдержалъ и, не давъ хозяину-поэту перейти къ седьмому геніальному творенію, поспѣшно постарался перевести разговоръ на другую тему.

— Извѣстно, почтеннѣйшій Николай Еремѣевичъ, что у васъ великолѣпная типографія... Очень былъ бы любопытенъ познакомиться съ произведеніями вашего искусства...

Увы!.. Иванъ Михайловичъ попалъ съ этимъ

вопросомъ изъ огня да въ полымя... Типографія тоже была маніею Струйскаго, и какъ всему, что онъ любилъ, онъ придавалъ уродливыя формы,— такъ и типографія была имъ заведена не безъ особенной задней мысли.

Онъ не былъ простымъ любителемъ типографскаго дѣла, желавшимъ довести до извѣстнаго совершенства техническую сторону его, не былъ также и просто богатымъ самодуромъ, устроившимъ ее, чтобы невозбранно печатать свои безчисленныя поэтическія творенія — нѣтъ! — онъ былъ «изобрѣтателемъ», открывшимъ новые «законы оптики», примѣнительно къ книгопечатанію!..

И вотъ, какъ только князь Долгорукій напомнилъ ему другой его конекъ, Струйскій досталъ съ полокъ отпечатанныя въ его типографіи книги и началъ объяснять преимущества своей печати передъ всѣми типографіями въ мірѣ.

— Вотъ-съ, ваше сіятельство, извольте посмотрѣть на мои издѣлія! Вы видите, что шрифтъ новый и оригинальный, бумага французская; но не въ этомъ преимущество моихъ изданій, ибо и всякая типографія можетъ взять этотъ шрифтъ и такую бумагу. Особенность моего книгопечатанія, ваше сіятельство, состоитъ въ томъ, что оно согласно съ наукою оптикою!.. Я первый и единственный додумался до этого. Безъ этого открытія — скажу прямо: открытія — многія сочиненія нашихъ авторовъ теряютъ свою цѣну, отъ того только, что листы не по правиламъ оптики обрѣ-

заны! Голосъ отъ этого ожидаетъ продолженія рѣчи тамъ, гдѣ переходъ ея прерывается; отъ нескладности тона теряется сила мысли сочинителей!..

Часа два толковалъ примѣнитель оптическихъ законовъ къ печатанію книгъ о своемъ открытіи, но «весьма втунѣ», какъ говоритъ Долгорукій, ибо слушатель ничего не понялъ изъ этой белиберды и вынесъ только заключеніе, что «счастливы были бы его читатели, если бы его стихи отъ погрѣшностей противъ одной оптики были дурны! но увы!—они во всемъ несносны!..»

Измученный во второй разъ, Долгорукій прервалъ и эти объясненія, когда хозяинъ пошелъ за новыми доказательствами и спросилъ, указывая на коллекцію разнообразнаго оружія, находившуюся въ этой комнатѣ:

— Скажите, почтеннѣйшій Николай Еремѣевичъ, зачѣмъ у васъ здѣсь столько оружія и притомъ ничѣмъ не замѣчательнаго, ни древностью, ни отдѣлкою?..

— А это, ваше сіятельство, для собственной моей обороны!.. Вы знаете нашъ народъ?—вѣдь это разбойникъ, а не народъ! Они готовы своего барина задушить, зарѣзать, а имѣніе его разграбить!.. О! я знаю этотъ народъ и опасаюсь его! И я принялъ мѣры: когда я, случается, сижу здѣсь по цѣлымъ ночамъ, то я держу ухо востро, и оружіе мое все наготовѣ!.. Хотя ко мнѣ сюда и трудно пробраться, но я не вѣрю этимъ скотамъ и разбойникамъ ни на грошъ!..

Глаза Струйскаго злобно сверкнули, лицо пере-

косилось злою гримасою,—бывшій потаенный инквизиторъ своей дворни проглянулъ сквозь метромана и оптическаго типографщика столь ясно, что Долгорукій, не знавшій ничего доселѣ о Струйскомъ, обратилъ на эту черту вниманіе и получилъ отъ знавшихъ рузаевскаго помѣщика свѣдѣнія о его розыскахъ, о которыхъ мы говорили выше...

Ошеломленный князь Иванъ Михайловичъ заторопился наконецъ домой; дольше терпѣть становилось не подъ силу. Когда онъ выбрался изъ проклятаго «Парнаса», въ нижнихъ покояхъ его встрѣтила и удержала любезная жена Струйскаго и усадила за обильный и изысканный столъ. Во время угощенія ни объ оптикѣ, ни о стихотвореніяхъ хозяина не было и рѣчи; Долгорукій-поэтъ былъ польщенъ хозяйкою хвалебными отзывами о его произведеніяхъ; хозяинъ преподнесъ ему произведенія своего творчества и типографіи,—и такимъ образомъ дурное впечатлѣніе перваго визита было сглажено. Князь Долгорукій распростился со всѣми и обѣщалъ бывать у чудака-помѣщика.

VI.

Знакомство князя Долгорукаго со Струйскимъ продолжалось около четырехъ лѣтъ, до самой смерти рузаевскаго помѣщика. Они видѣлись и переписывались; письма Струйскаго отличались тою нестройностью мысли, какая царила въ го-

ловѣ его и которую Долгорукій называлъ «неисчерпаемымъ источникомъ нелѣпостей».

Въ концѣ 1795 года князь Иванъ Михайловичъ сочинилъ стихотвореніе «Каминъ въ Пензѣ», ставшее впослѣдствіи очень извѣстнымъ любителямъ поэзіи и даже переведенное въ Москвѣ на французскій языкъ. Въ первый разъ напечатанъ былъ этотъ «Каминъ» въ рузаевской типографіи Струйскаго въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ для раздачи знакомымъ, и это изданіе не значится ни въ какихъ библіографическихъ каталогахъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать о наружномъ видѣ издѣлій рузаевской типографіи. Наборъ стариннымъ шрифтомъ очень чистъ и ровенъ: тиснуто на бумагѣ прекрасно и хорошей краской; рисунки съ мѣдныхъ досокъ (гербы), находящіеся въ нѣкоторыхъ книгахъ, оттиснуты тоже очень чисто.

Что же касается до его особыхъ воззрѣній на «оптику», примѣнительно къ книгопечатному дѣлу,—то въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, образцахъ, которые пришлось видѣть намъ, на этотъ счетъ все обстоитъ благополучно.

Одно, что въ книгахъ Струйскаго оригинально и безпорядочно—это пунктуація! Понять невозможно, чѣмъ руководствовался плодовитый стихотворецъ, разставляя свои знаки препинанія?..

Допустить мысль, что такая оригинальность и даже дикость, въ разстановкѣ знаковъ препинанія проистекала отъ полнаго незнанія грамматики и орѳографіи Струйскимъ—нельзя, ибо, хотя

онъ и не зналъ правильнаго употребленія буквъ Ѣ и Е, но и въ самой дикости разстановки знаковъ есть какая-то система.

Не объ этой ли особой системѣ знаковъ препинанія толковалъ Струйскій нѣсколько часовъ, «но весьма втунѣ» князю Ивану Михайловичу Долгорукому, а тотъ, разсѣянно его слушая, принялъ за какую-то оптику?..

Н. Е. Струйскій, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ воспитанія домашняго, то есть учился, какъ всѣ зажиточные дворяне того времени, очень мало отходя отъ типа Митрофанушки, нарисованнаго Д. И. Фонъ-Визинымъ въ «Недорослѣ». Типъ этотъ, не смотря на то, что кажется намъ утрированнымъ до каррикатуры, въ дѣйствительности очень близокъ къ истинѣ и современнымъ ему нравамъ, и въ этомъ надо видѣть причину его громкаго успѣха въ свое время и большой литературной цѣнности—въ наше. Митрофанушка не умеръ до сихъ поръ, хотя сотни комедій того времени безвозвратно погребены въ архивахъ, извѣстныя только литературнымъ «хламовѣдамъ», сирѣчь библіографамъ.

Въ убѣжденіи о домашнемъ весьма скудномъ образованіи рузаевскаго метромана, укрѣпляютъ насъ и свѣдѣнія о служебной его карьерѣ.

Въ 1763 году онъ поступилъ (вѣроятно, рядовымъ) въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ и, прослуживъ въ немъ семь лѣтъ, получилъ абшидъ (отставку) 23 февраля 1771 года по прошенію, съ чиномъ гвардіи «прапорщика». Служба

его, конечно, была болѣе номинальная, чѣмъ дѣйствительная, и онъ ждалъ только перваго офицерскаго чина, чтобы выдти въ отставку и заняться своими дѣлами.

За годъ до своей смерти, въ ноябрѣ 1795 года, онъ подавалъ прошеніе въ собраніе дворянскихъ депутатовъ Московской губерніи о внесеніи его съ семействомъ въ родословную книгу, гдѣ и заключались эти данныя о его службѣ въ полку. На основаніи этихъ данныхъ мы съ вѣроятностью можемъ отнести годъ его рожденія къ началу 1740-хъ годовъ, а зная годъ его смерти, 1796, опредѣлить и общую продолжительность его жизни, около пятидесяти лѣтъ.

VII.

Струйскій, какъ литераторъ, совсѣмъ не интересенъ: это заурядный метроманъ, безъ признака поэтическаго таланта, влюбленный въ свои стихи, производившій ихъ въ огромномъ количествѣ и заведшій даже собственную типографію, чтобы имѣть невозбранное удовольствіе видѣть ихъ напечатанными.

Но, какъ типичный представитель екатерининской эпохи, отразившій на себѣ нѣкоторыя черты характера и убѣжденій современниковъ славнаго царствованія, онъ представляетъ интересъ для изслѣдователя.

Къ сожалѣнію, наши книгохранилища имѣютъ

очень немного изъ изданій рузаевскаго помѣщика и его типографіи и представляютъ довольно скудный матеріалъ для характеристики Струйскаго по его произведеніямъ.

Прежде всего ясно, что рузаевскій стихотворецъ былъ, какъ и многіе люди его эпохи, страстнымъ поклонникомъ Екатерины, какъ императрицы, признавалъ ее истинно-великою и безустанно воспѣвалъ ее въ своихъ виршахъ. Въ подражаніе Державину и его «Фелицѣ» Струйскій хотѣлъ присоединить и свой голосъ къ хору славословцевъ великой монархини.

Въ этомъ отношеніи онъ предпринималъ огромныя усилія, плодомъ и свидѣтелемъ которыхъ служитъ нынѣ рѣдкостная книга, хранящаяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, напечатанная и отдѣланная со всею роскошью, доступною по тому времени, и предназначенная, вѣроятно, для поднесенія самой императрицѣ.

Экземпляръ этотъ переплетенъ въ красный сафьянъ съ золотымъ тисненіемъ на переплетѣ, напечатанъ на отлично выдѣланномъ пергаментѣ или на бумагѣ, весьма сходной съ нимъ толщиною и качествами, въ форматѣ in-folio. Заглавный листъ и всѣ страницы украшены широкимъ, гравированнымъ весьма тонко на мѣди бордюромъ съ императорскою короною наверху, пальмовыми и дубовыми вѣтвями по сторонамъ и лирою въ цвѣточномъ вѣнкѣ; внизу подъ бордюромъ надпись: «dessiné par Nabholz et gravé par Schcenberg. 1789».

Въ этой книгѣ 27 нумерованныхъ римскими цифрами страницъ и 465 нумерованныхъ стиховъ.

Заглавіе этой книги слѣдующее: «Епистола Ея Императорскому Величеству всепресвѣтлѣйшей Героинѣ Императрицѣ Екатеринѣ II. Отъ вѣрноподданнѣйшаго Николая Струйскаго. Саранскъ. 1789 г.».

Начало:

«Къ ТЕБѢ, Монархиня! днесь, въ жертву я лію,
Весь чистый огнь души; и къ трону вопію.
Простри! ко мнѣ ТВОЙ лучъ, съ превысочайша трона!
Вниманіе Царей, для Музъ, имъ есть корона...»

Приводимъ выдержки изъ разныхъ мѣстъ «епистолы».

«Бери! ТВОЙ въ руки лавръ: ТЫ въ новь увѣнчевайся;
А ты мой лирный гласъ въ вселенну раздавайся!
Какъ есть ли въ слухъ моей ВЛАДЫЧИЦЫ втечешъ;
Почтенье ты къ себѣ не ложно привлечешъ:
Потомство будетъ знать, что я ТОЕ прославилъ
КОТОРУ цѣлой миръ въ примѣръ Царямъ поставилъ.
Воспѣлъ часть действіевъ ТВОИХЪ и самъ Вольтеръ:
ТВОЙ лучъ къ нему въ Ферней какъ солнце подлетѣлъ!
Все можешъ оживить!.. САМА рождаешъ пламены!..
Удобна оживить ТЫ и безчувственъ камень...
...ВЛАДЫЧИЦѢ моей! достойной олтарей!..
И превзошедшей всѣхъ ИРОЕВЪ изъ Царей...
Явимъ! сугубую о Муза? въ жертву трату.
Явимъ днесь ону рѣчъ, и сладку и крылату!..
Да будетъ сей мой стихъ... свободенъ и текущъ;
И слухъ ВЛАДЫЧИЦЫ, къ вниманью мнѣ влекущъ.
Укрась мою главу днесь въ розы и въ лілеи!..
Не будемъ въ слѣдъ парить мы пышной Епопеи!
Пристойный тонъ явлю; лишъ съ лирой я въ рукахъ:
И воспою ЕЕ... на Инзарскихъ брегахъ?..» [1]).

[1]) Рѣка Инзара протекаетъ въ Пензенской губерніи, по владѣніямъ Струйскаго.

Окончаніе этой эпистолы:

«Пріими! МОНАРХИНЯ: отъ устъ къ ТЕБѢ нелестныхъ;
Здѣсь жертву слабую странъ зрѣть, ТЕБѢ невмѣстныхъ! [1])
И удостой меня покрова ТВОЕГО!·
И здравіе ТВОЕ дороже намъ всего!..

Николай Струйской.
с. Рузаевка».

Правописаніе и разстановка знаковъ препинанія воспроизведены точь-въ-точь, какъ въ оригиналѣ и даютъ понятіе о томъ сумбурѣ относительно ихъ или особенной системѣ, какія находились въ головѣ рузаевскаго метромана.

Роскошное изданіе это отпечатано, однако, не въ рузаевской типографіи, а въ Петербургѣ, у I. К. Шнорра. Въ экземплярѣ, принадлежащемъ Императорской Публичной Библіотекѣ, на послѣдней страницѣ красивою и четкою рукою самого автора оговорено, что всѣ ошибки въ буквахъ Ѣ и Е переправлены въ текстѣ собственноручно, но не перомъ, а того же шрифта литерами; исправленныя мѣста замѣтны потому, что литеры на нихъ тиснуты слабѣе по подскобленному пергаменту и нѣкоторыя изъ нихъ стоятъ криво.

По всему видно, что другой подобный же экземпляръ предназначался для поднесенія воспѣваемой «героинѣ» императрицѣ Екатеринѣ II, около которой Струйскій, можетъ быть, втайнѣ мечталъ занять мѣсто придворнаго барда, прельстившись славою и популярностью Г. Р. Державина.

---

[1]) Здѣсь Струйскій намекаетъ на глухую провинцію, гдѣ онъ проживалъ, недостойную, якобы, обозрѣнія императрицы.

VIII.

Что стремленіе приблизиться, благодаря своему піитическому дарованію, ко двору, къ обожаемой императрицѣ или хотя быть благосклонно замѣченнымъ ею, было весьма сильно у Н. Е. Струйскаго,—это видимъ мы и изъ другихъ его произведеній, напечатанныхъ въ его рузаевской типографіи.

Такъ, напримѣръ, въ стихотвореніи, озаглавленномъ: «Письмо къ другу или изліяніе сердца» и адресованномъ къ Нарышкину, Струйскій, взявъ грустный тонъ, описываетъ свою скуку въ одиночествѣ и проситъ предстательствовать за него передъ императрицею, чтобы обратила на него вниманіе.

Интересно въ этомъ «письмѣ къ другу» описаніе мѣстожительства метромана:

«Есть здѣсь рѣка, мою пустыню обтекаетъ?..
Предъ сѣверомъ она къ востоку тихо льется!
Повыше къ Евру тожъ моя Погарма вьется!
И впадаетъ гремя долиной раздѣлясь
Смѣсившись съ Пишлею, во Инзару гордясь!
На сей рѣкѣ мое здѣсь счастье созидаю...»

Въ другомъ произведеніи, озаглавленномъ: «Письмо о россійскомъ театрѣ нынѣшняго состоянія» и адресованномъ къ знаменитому актеру Дмитревскому въ 1794 г., Струйскій, въ угоду взглядамъ императрицы, сдѣлавшей бурную сцену княгинѣ Дашковой за напечатаніе комедіи Княж-

нина «Вадимъ», въ которой государыня, по навѣтамъ приближенныхъ, усмотрѣла идеи революціи, разразившейся въ то время во Франціи,— ругаетъ автора этой комедіи и его произведеніе:

«И мертвый Владисанъ изъ гроба лѣзетъ вонъ!
И что еще предъ тѣмъ изъ гроба слышенъ стонъ!
То копія худыхъ и самыхъ сценъ негодныхъ...»

Далѣе онъ ругаетъ французовъ, видимо, въ надеждѣ, что его піитическая поддержка взглядовъ императрицы и ея приближенныхъ удостоится, наконецъ, долго жданнаго царственнаго вниманія; но и это, кажется, было безъ результата для усерднаго стихокропателя.

Въ послѣдній годъ своей жизни рузаевскій помѣщикъ все еще не оставлялъ мысли преклонить ухо императрицы къ своей поэзіи и издалъ въ Рузаевкѣ новое свое произведеніе подъ пышнымъ заглавіемъ: «Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Самодержицѣ Всероссійской. Ода анакреонтическая и труды всеусерднѣйше посвящаются отъ вѣрноподданнаго Николая Струйскаго».

Въ этой одѣ рузаевскій воспѣватель Екатерины сознается, наконецъ, что всѣ его попытки къ диѳирамбамъ предмету корыстнаго или безкорыстнаго обожанія—были неудачны.

Сто кратъ я принимаюсь
Воспѣть мою Царицу.
Но нѣтъ во мнѣ той силы,
И нѣтъ такого духа
Который-бы внушилъ мя
Подобно какъ Гомера...»

Но даже и сознаваясь въ своей піитической слабости, Струйскій мечталъ сравниться не съ кѣмъ инымъ, какъ съ Гомеромъ!.. Пѣвецъ «Фелицы», удивленье и обожаніе своего вѣка, Г. Р. Державинъ, какъ образецъ, казался, вѣроятно, Струйскому слишкомъ ничтожнымъ, а можетъ быть это игнорированіе проистекало и изъ авторской зависти къ шумнымъ успѣхамъ екатерининскаго барда, въ сіяніи котораго совсѣмъ пропадала свѣтящаяся гнилушка пензенскаго метромана...

Примѣчаніе. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ о Струйскомъ скажемъ, что въ его потомствѣ (онъ былъ дважды женатъ и имѣлъ 18 человѣкъ дѣтей) отчасти унаслѣдовалась страсть къ стихотворству. Несчастный по своей судьбѣ поэтъ А. И. Полежаевъ былъ побочнымъ сыномъ одного изъ сыновей Струйскаго, и одновременно съ нимъ подвизался на этомъ поприщѣ другой внукъ рузаевскаго метромана: Д. Ю. Струйскій (писавшій подъ псевдонимомъ «Трилуннаго?»), про котораго И. И. Панаевъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» пишетъ, что это былъ «господинъ съ грязнымъ циническимъ направленіемъ».

Неудачный карьеристъ.

(Мнимый заговоръ на жизнь императора Александра I).

I.

Поручикъ Семеновскаго полка Алексѣй Петровичъ Шубинъ, потомокъ елисаветинскаго «сержанта-фаворита» Шубина, проснулся въ самомъ скверномъ настроеніи духа и съ головною болью послѣ вчерашняго кутежа. Накинувъ халатъ, поручикъ крикнулъ камердинера и спросилъ крѣпкаго кофе.

На подносѣ, вмѣстѣ съ кофе, камердинеръ принесъ ему два письма.

— Кой еще тамъ чортъ! проворчалъ хриплымъ голосомъ поручикъ и порывисто сорвалъ печать съ одного пакета. Это было приглашеніе одного изъ товарищей-офицеровъ о подпискѣ между семеновцами на ужинъ «съ дамами». При этомъ сообщалось, что по случаю предстоящаго полко-

вого праздника затѣвается особенное пиршество. «Вообще, ты въ послѣднее время — говорилось въ письмѣ—какъ-то особенно рѣдко появляешься на товарищескихъ попойкахъ. Скупъ сталъ ты, что ли, или заважничалъ?.. И то, и другое нехорошо относительно товарищей, и можетъ быть истолковано ими въ худую сторону. Предупреждаю тебя по-дружески. Подписныя деньги можешь внести хоть сегодня же, но никакъ не позже трехъ дней»:

— Чортъ подери! Этого еще не доставало! зарычалъ поручикъ и бросилъ письмо далеко отъ себя.—Гдѣ я возьму эти деньги?.. И такъ кругомъ въ долгу—кредиторы грозятъ жаловаться, и тогда мнѣ не сдобровать!

Другое письмо было отъ отца.

«Любезной сынъ Алексей!

«Я съ прискорбіемъ замѣчаю, что ты, не внимая совѣтамъ родителей твоихъ, ведешь въ Петербургѣ жизнь развратную и разорительную. Таковое непокорство твое весьма огорчительно намъ, а наипаче потому, что ты оказываешь мнѣ дерзость и неуваженіе, и словесно и письменно. Ты пишешь, что гвардейская служба требуетъ большихъ расходовъ, а я скажу тебѣ, что я самъ служилъ побольше твоего и знаю, что съ умомъ можно жить на тѣ деньги, что мы съ матерью посылаемъ тебѣ. Всѣ же твои долги я заплатить не могу и объявляю тебѣ, что съ сего времени ты не получишь отъ меня ни денежки сверхъ

того, что я посылалъ, и долговыя записки твои платить не буду. Помни это и будь благоразумнѣе. Времена нонче тугія, хлѣбу былъ не дородъ, да и скотскій падежъ былъ у насъ, и я продалъ двадцать душъ безъ земли на выводъ генеральшѣ Зинаидѣ Ѳедоровнѣ»...

Поручикъ злобно фыркнулъ и, также недочитавъ письмо, швырнулъ его и схватился руками за голову...

— Ахъ я несчастный, несчастный! шепталъ онъ, склонясь надъ столомъ.—И что онъ, старый дуракъ, не убирается! вдругъ вскочилъ поручикъ съ мѣста,—давно бы пора ему на покой, а онъ кряхтитъ, какъ кикимора, надъ деньгами, а тутъ вывертывайся, какъ хочешь!.. Не дастъ! ни гроша не дастъ, коли ужъ сказалъ—я его знаю! разсуждалъ самъ съ собою поручикъ, ходя изъ угла въ уголъ... Вотъ когда бѣда-то!.. настоящая бѣда пришла!.. Надо что нибудь придумать, надо вывернуться, наконецъ, изъ этой нужды, а то хоть выходи въ отставку...

Поручикъ Шубинъ глубоко задумался.

Черезъ часъ онъ, гремя саблею, уже спускался съ лѣстницы, сѣлъ въ дожидавшуюся у подъѣзда линейку и поѣхалъ «обдѣлывать дѣла», чтобы не ударить въ грязь лицомъ передъ товарищами, которые начали уже поговаривать что-то о скупости и заносчивости.

Поручикъ зналъ, что это значитъ, понималъ, что этимъ самымъ ему дается косвенный намекъ на отставку или переводъ въ армію, и самолю-

біе его страдало неимовѣрно. Молодой и гордый Шубинъ не могъ допустить мысли о позорномъ переводѣ въ армію...

— По бѣд-но-сти!.. шевелилась въ его головѣ неотвязная мучительная мысль,—скажутъ: «коли ты нищій, такъ чего и совался въ гвардію... не маралъ бы мундира... Честь гвардейскаго мундира дороже всего!»

— Нѣтъ, я не допущу себя до этого позора! Я покажу себя, чего бы мнѣ это ни стоило!...

Поручикъ велѣлъ кучеру остановиться у моднаго портного, гдѣ заказывала себѣ платье вся военная знать, и вошелъ туда. Добрыхъ полчаса пробился онъ съ хозяиномъ полужидомъ-полуфранцузомъ, убѣждая повѣрить въ кредитъ и увѣряя, что чрезъ двѣ недѣли онъ получитъ «со своихъ земель» чуть ли не сотни тысячъ и, наконецъ, уладивъ кое-какъ дѣло, весь красный и злой вышелъ изъ магазина. Предстояло еще труднѣйшее дѣло: достать денегъ.

Около гвардейскихъ офицеровъ всегда трется цѣлая орава разныхъ ростовщиковъ, готовыхъ за огромные проценты ссудить нѣсколько сотенъ рублей, но для Шубина и этотъ источникъ былъ почти совсѣмъ закрытъ. Онъ задолжалъ уже всѣмъ и никому не платилъ, какъ слѣдуетъ, да, кромѣ того, чуткіе ростовщики пронюхали, что поручикъ бѣденъ, а отецъ его не платитъ долговъ сына, владѣя незначительнымъ имѣніемъ.

Они не могли разсчитывать поживиться хорошо даже и послѣ смерти отца, и потому Шу-

бину было труднѣе, чѣмъ кому либо изъ его товарищей побогаче, достать отъ этихъ негласныхъ благодѣтелей денегъ на предстоящіе расходы.

Онъ зналъ это, понималъ, какое униженіе долженъ будетъ вынести, уговаривая этихъ іудеевъ ссудить ему рублей двѣсти-триста, и все-таки ѣхалъ къ нимъ, гонимый фатальной необходимостью «поддержать честь гвардейскаго мундира»... О, проклятая необходимость! сколько ты погубила молодыхъ и недюжинныхъ силъ! сколько полезныхъ дѣятелей родной страны превратила въ преступниковъ, сколько отцовскихъ дворянскихъ капиталовъ пересыпала въ руки темныхъ, изъ грязи вылѣзшихъ людей гешефта. Какія роскошныя имѣнія рухнули и разнесены по бревну, подточенныя тобою!.. Ты сыграла въ числѣ другихъ факторовъ свою большую историческую роль въ дѣлѣ пресловутаго «смѣшенія сословій»!..

У одного изъ подъѣздовъ на Большой Морской Шубинъ остановился и отправился къ одному «благодѣтелю», занимавшемуся ростовщичествомъ не гласно и не отъ своего имени. Тутъ поручику пришлось пустить въ ходъ все свое краснорѣчіе и всю дипломатію, и черезъ два часа лжи и униженія онъ добылъ драгоцѣнные двѣсти рублей, давъ заемное письмо на четыреста.

Съ облегченнымъ сердцемъ сѣлъ поручикъ на дрожки, чтобы сейчасъ же истребить добытыя деньги. Подписная сумма была внесена, а черезъ нѣсколько времени поручика Шубина можно

было уже видѣть въ модномъ ресторанѣ весело шутившимъ среди офицерской молодежи.

— Чортъ возьми, господа, а не устроить ли намъ завтра вечеромъ катанье и жженку? сказалъ кто-то изъ офицеровъ.

— Отлично, господа! прихватимъ дамъ! подхватили другіе голоса, и вечеръ тотчасъ же былъ организованъ.

Всѣ наличные офицеры должны были къ вечеру съѣхаться въ назначенное мѣсто.

Кошки скребли на душѣ поручика, но... noblesse oblige!.. Мысль о будущемъ онъ старался гнать какъ можно дальше.

На другой день окна ресторана, гдѣ происходилъ кутежъ офицеровъ, гремѣли отъ восклицаній и тостовъ, а на скрещенныхъ шпагахъ пылали головы сахару, облитыя ромомъ. Роскошная бѣлокурая француженка, любовница одного изъ участниковъ, вся раскраснѣвшаяся отъ выпитаго вина, разливала пылающую жженку изъ большой серебряной чаши по стаканамъ...

Неприглядное «будущее» далеко-далеко исчезло изъ глазъ Шубина подъ обаяніемъ ароматнаго и возбуждающаго настоящаго...

Въ пріятномъ полузабытьи ѣхалъ онъ домой уже когда совсѣмъ разсвѣло и бросился на постель, но ему попалось подъ руку письмо отца, полученное утромъ, и онъ съ яростью разорвалъ его въ мелкіе куски...

II.

Поручикъ Шубинъ сталъ часто задумываться и часто даже въ пріятельской компаніи отвѣчалъ невпопадъ, вызывая взрывы смѣха и шутки.

— Влюбился ты, что ли? спрашивали товарищи-офицеры.

— Нѣтъ, господа! онъ выдумываетъ новую машину!

— Вернѣе всего, что влюбился, господа! Я за нимъ кое-что замѣчаю: съ недавняго времени онъ что-то томно посматриваетъ на одни окна.

Шубинъ при этомъ пріободрялся и старался казаться веселымъ, но чрезъ нѣсколько времени тайная дума снова овладѣвала имъ помимо его воли...

— Скажи, пожалуйста, въ самомъ дѣлѣ, обратился разъ къ нему, по окончаніи ученья, его товарищъ по полку, полковой адъютантъ Константинъ Марковичъ Полторацкій,—что ты въ послѣднее время сталъ какъ-то особенно разсѣянъ и задумчивъ?... Конечно, это не любовь, какъ шутятъ,—что же это такое?

— Ахъ, Костя, отвѣчалъ Шубинъ,—у меня есть важная причина задуматься... И ты на моемъ мѣстѣ задумался бы...

— Чортъ возьми! вотъ никогда бы не задумался, а обрубилъ бы сразу: влюбленъ — женился бы, не отдаютъ — силой увезъ бы... Да и что съ тобой сдѣлалось? ты никогда не любилъ особенно задумываться...

— Совсѣмъ особаго рода обстоятельства!.. Самыя необыкновенныя... я увѣренъ, что тебѣ и въ голову не придетъ догадаться!..

— Да что такое?.. Ты меня интригуешь!.. Разскажи, пожалуйста!

Шубинъ замялся, а Полторацкій началъ приставать къ нему, прося посвятить его въ тайны своихъ думъ о необыкновенныхъ обстоятельствахъ...

— Тутъ, братъ Костя, такая исторія, что волосъ дыбомъ встанетъ, какъ услышишь! говорилъ Шубинъ съ разстановкою.

Полторацкій разсмѣялся.

— Ну, братъ, я чувствую уже, какъ моя фуражка начинаетъ шевелиться на головѣ! Ха, ха, ха!.. За большого же труса ты считаешь меня!..

— Ты смѣешься!.. а я тебѣ скажу, что дѣйствительно ты поблѣднѣешь, если я тебѣ сообщу о томъ, что мучитъ меня, сказалъ твердо Шубинъ, смотря прямо въ глаза Полторацкому...

Тотъ отшатнулся отъ него, раскрывъ глаза отъ удивленія.

— Ужъ, не рехнулся ли? промелькнуло у него въ умѣ.—Ну, перестань шутить, прибавилъ онъ,— и говори, коли хочешь, дѣло.

Въ это время они подошли къ квартирѣ Шубина.

— Зайдемъ ко мнѣ, и я тебѣ разскажу все дѣло, но дай мнѣ слово сохранить это въ тайнѣ!.. Пусть это будетъ наша тайна, сказалъ Шубинъ съ самымъ серьезнымъ видомъ и протянулъ руку Полторацкому, подымаясь на лѣстницу.

— Даю слово! отвѣтилъ Полторацкій, не зная еще—въ шутку или серьезно принимать таинственный тонъ товарища.

Когда офицеры остались одни въ комнатѣ, передъ топящимся каминомъ, за бутылкою вина, Шубинъ придвинулся къ Полторацкому и вполголоса произнесъ:

— Слушай, Костя, что меня мучаетъ... Я знаю заговоръ на жизнь императора!..Понимаешь— на жизнь императора!

Полторацкій вскочилъ, какъ ужаленный, весь поблѣднѣвъ.

— Шубинъ! произнесъ онъ строго,—ты или съ ума сошелъ, или простираешь свои глупыя шутки слишкомъ далеко!.. Берегись!

— Клянусь тебѣ, что это правда! торжественно увѣрялъ Шубинъ товарища.

Блѣдность Полторацкаго мгновенно смѣнилась яркимъ румянцемъ.

— А если это правда, вскричалъ онъ, сжимая кулаки и подступая къ Шубину,—то какъ же медлишь и не даешь знать кому слѣдуетъ, или самъ не препятствуешь злоумышленію?.. Вѣдь, пока ты размышляешь да раздумываешь, злоумышленники могутъ привести свой замыселъ въ исполненіе!.. И вѣдь тогда ты... измѣнникъ! ты!..

— Успокойся, Полторацкій, успокойся! Жизни императора пока не грозитъ еще опасность,— взялъ за руку товарища Шубинъ,—сядь и выслушай спокойно, что я тебѣ скажу; мы вмѣстѣ съ тобою обдумаемъ средства помѣшать этому...

— Какое тутъ къ чорту спокойствіе! волновался молодой адъютантъ, — нужно сейчасъ же ѣхать къ военному губернатору!.. А онъ говоритъ—спокойствіе!..

— Выслушай, Полторацкій, сначала, прошу тебя! Своей горячностью ты только испортишь дѣло— и дѣйствительно подвергнешь драгоцѣнную жизнь императора опасности!.. Сядь и слушай!

Полторацкій сѣлъ, тяжело дыша и впѣривъ глаза въ Шубина.

— Ну; ну, говори! только короче и яснѣе!..

— Заговоръ еще далекъ отъ исполненія... Я узналъ о немъ совершенно случайно... Какъ?— это другой вопросъ — разсказывать долго... но достаточно того, что я узналъ объ этомъ заговорѣ... и знаю лицо, руководящее имъ...

— Кто это? спросилъ Полторацкій.

— Это... это... нѣкто Григорій Ивановъ, находившійся прежде въ свитѣ великаго князя Константина Павловича...

— Офицеръ?

— Офицеръ... И я, для того, чтобы лучше прослѣдить всѣ нити заговора, прикинулся сочувствующимъ ихъ замыслу и теперь имѣю возможность раскрыть его, покуда никакая опасность еще не грозитъ государю...

— Отчего же ты не сдѣлалъ этого раньше?.. отчего же сейчасъ, какъ только узналъ объ этомъ, ты не полетѣлъ съ донесеніемъ?..

— Да пойми ты, прежде я и самъ ничего не

зналъ и могъ сдѣлать ложную тревогу, а злодѣй тѣмъ временемъ избѣгнулъ бы кары...

— Ну, ну, дальше!..

— Теперь злодѣй въ нашихъ рукахъ!.. Ты мнѣ далъ слово держать это въ тайнѣ, ну—такъ помоги немного, и мы поймаемъ его завтра же... Слушай: завтра этотъ Григорій Ивановъ назначилъ мнѣ свиданіе въ Лѣтнемъ саду, въ сумерки... Мы съ тобой завтра поѣдемъ туда вмѣстѣ—и злодѣй не избѣгнетъ нашихъ рукъ!.. Понимаешь, мы его поймаемъ живьемъ!.. воскликнулъ Шубинъ, вскочивъ съ мѣста и дѣлая жестъ рукою въ воздухѣ, какъ будто бы злодѣй уже былъ въ его рукахъ.

— Правда это, Шубинъ? строго спросилъ Полторацкій, въ упоръ глядя на него.

— Клянусь тебѣ честью офицера!.. Такъ рѣшено: завтра мы ѣдемъ вмѣстѣ въ Лѣтній садъ... ты вооружись парой пистолетовъ...

— Но зачѣмъ же только двое?.. можно оцѣпить весь садъ, чтобы злодѣи не убѣжали.

— Не надо этого!.. тамъ будетъ всего одинъ, и если мы будемъ принимать какія нибудь чрезвычайныя мѣры, онъ увидитъ это и скроется... Такимъ образомъ, мы потеряемъ послѣднюю возможность схватить злоумышленника, а онъ, этотъ Григорій Ивановъ, душа заговора; схвативъ его, мы разстраиваемъ всю ихъ махинацію... Тутъ надо дѣйствовать осторожно и спокойно! Пойми хорошенько: спо-кой-но! иначе испортишь все дѣло...

— Да, пожалуй, ты и правъ, согласился Пол-

торацкій; — завтра я буду готовъ къ твоимъ услугамъ и—горе злодѣямъ! погрозилъ онъ кулакомъ въ воздухѣ,—горе подлецу, носящему офицерскій мундиръ!.. Завтра утромъ мы съ тобой увидимся въ полку, переговоримъ еще объ этомъ...

— Да, да, только повторяю тебѣ, не горячись покуда и держи языкъ за зубами—отъ этого зависитъ успѣхъ дѣла и даже жизнь императора!..

— Хорошо, даю слово... но какъ ты это узналъ?

— О, это длинная исторія, которую ты узнаешь послѣ, а теперь я слишкомъ взволнованъ, чтобы разсказывать. Я на тебя надѣялся болѣе, чѣмъ на кого другого, и потому избралъ тебя для участія въ этомъ дѣлѣ.

— Благодарю, благодарю, Алексѣй! пожалъ ему руку Полторацкій,—извини, если я погорячился; теперь я вижу, что ты правъ... Ну, такъ до завтра...

— До завтра, прощай и помни!..

Словно въ чаду, съ бьющимися, какъ въ лихорадкѣ висками, вышелъ Полторацкій изъ квартиры Шубина и тихо направился по пустынной улицѣ. Лицо его горѣло, а по всему тѣлу проступалъ холодный потъ. Мысль о затѣвающемся ужасномъ дѣлѣ и о его роли въ немъ овладѣла всѣмъ его существомъ, и онъ шелъ, почти ничего не видя передъ собою.

— Кто бы могъ подозрѣвать!.. Заговоръ!.. Григорій Ивановъ, офицеръ!.. проносилось въ его головѣ,—и завтра мы раскроемъ эту адскую махинацію, завтра въ рукахъ нашихъ будетъ злодѣй, покушавшійся на жизнь обожаемаго монарха!..

Это... это, однако, можетъ довольно хорошо для насъ кончиться! — и мысль о наградѣ за такое важное открытіе вдругъ озарила умъ адъютанта...

— Хорошо, что Шубинъ выбралъ именно меня для содѣйствія въ этомъ дѣлѣ, продолжалъ мечтать Полторацкій, тихонько подвигаясь къ дому...— право, хорошо!.. Но, однако, какой ужасъ!.. Здѣсь же, между нами, кроется адскій замыселъ—и никто объ этомъ не знаетъ!.. Ужасъ, ужасъ!..

Волнуемый такими разнородными мыслями, Полторацкій дошелъ до дому, но, не смотря на поздній часъ, лечь спать не могъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, осмотрѣлъ и зарядилъ пару прекрасныхъ пистолетовъ и, уложивъ ихъ бережно въ ящикъ, началъ, наконецъ, раздѣваться.

Сонъ не скоро сомкнулъ его глаза.

Не менѣе тревожную ночь провелъ и поручикъ Щубинъ.

Завтрашній день долженъ былъ сдѣлать крутой переломъ въ его жизни: конецъ лишеніямъ бѣдности, конецъ насмѣшкамъ товарищей!.. Съ завтрашняго дня должна начаться для него новая жизнь — блестящая карьера, большія средства и всеобщее уваженіе къ нему за важное открытіе преступнаго замысла...

III.

Стоялъ свѣтлый, теплый день. Фешенебельный Петербургъ весь высыпалъ на Невскій проспектъ и пѣшкомъ, и на лошадяхъ прогуляться, рас-

кланяться съ обычными въ этотъ часъ знакомыми, завсегдатаями Невскаго. Блестѣли наряды, кровные рысаки мчались взадъ и впредъ. Двери блестящихъ магазиновъ отворялись и затворялись за нарядными дамами; ливрейные лакеи стояли вытянувшись въ струнку у нѣкоторыхъ магазиновъ. Пестрая толпа прогуливалась, волнуемая своими мелкими радостями и горестями, наслаждаясь хорошимъ днемъ. Веселый день фешенебельнаго Петербурга долженъ былъ окончиться еще болѣе веселымъ вечеромъ — съ балами, ужинами и спектаклями. Это и было всеобщею темою разговоровъ вѣчно праздной фешенебельной толпы.

Шубинъ съ Полторацкимъ увидѣлись утромъ на Семеновскомъ плацу и обмѣнялись многозначительнымъ взглядомъ, а послѣ ученья поѣхали вмѣстѣ, сначала на квартиру Полторацкаго — захватить пистолеты, а потомъ въ гостинницу — обѣдать.

— А знаешь, Шубинъ, началъ Полторацкій, когда они усѣлись въ отдѣльной комнатѣ ресторана,— вѣдь мы съ тобою у дверей въ храмъ счастія и славы! вѣдь за этотъ подвигъ насъ съ тобой озолотятъ...

— Перестань говорить объ этомъ! перебилъ его Шубинъ,—точно мы въ ожиданіи наградъ только беремся раскрыть и уничтожить гнусный замыселъ, грозящій опасностью всему государству... Тутъ оскорблено и чувство русскаго, и честь офицера, и даже человѣческое чувство! Мы должны во что бы то ни стало, хотя бы мы шли на вѣрную

смерть, поймать злодѣя и спасти монарха. Тутъ не должна закрадываться ни одна корыстная или честолюбивая мысль!..

— О, чортъ возьми! вспылилъ Полторацкій,— да развѣ я сказалъ что нибудь противъ этого, что ты мнѣ читаешь нотаціи!.. Не думаешь ли ты, что я менѣе, чѣмъ кто другой, дорожу честью и русскаго, и офицера, и вѣрноподданнаго?.. Я съумѣю доказать противное!.. Да я жизни моей не пожалѣю, если этого потребуетъ безопасность государя!..

— Не сердись, Костя, не сердись! Никто не сомнѣвается ни въ твоей храбрости, ни въ твоей готовности хоть сейчасъ умереть за императора! успокоивалъ Шубинъ пріятеля,—я говорилъ это вовсе не относительно тебя, а вообще... Конечно, въ случаѣ успѣха—а въ немъ я не сомнѣваюсь— насъ наградятъ... А теперь выпьемъ за успѣхъ предпріятія! Мы докажемъ, что истинно русскій человѣкъ не потерпитъ въ средѣ своей злодѣя, умышляющаго на жизнь монарха, и что офицерство готово пойти за государя въ огонь и въ воду!..

— Вѣрно, другъ Шубинъ, вѣрно! и мы сегодня же докажемъ это самымъ блистательнымъ образомъ! съ увлеченіемъ воскликнулъ Полторацкій, крѣпко чокнувшись съ Шубинымъ и залпомъ выпивая стаканъ.

До самыхъ сумерекъ Полторацкій съ Шубинымъ не разставались, а когда немного стемнѣло, оба отправились къ Лѣтнему саду. У обоихъ сильно бились сердца передъ важностью насту-

пающаго момента; слова застывали на губахъ, а по тѣлу проходила лихорадочная дрожь. Сзади за ними слѣдовали дрожки, которымъ они велѣли остановиться у Михайловскаго замка.

— Мы войдемъ не вмѣстѣ, не сразу, сказалъ Шубинъ Полторацкому,—ты слѣдуй за мною на нѣкоторомъ разстояніи, но не теряй меня изъ виду; въ саду мы сойдемся, какъ бы случайно встрѣтясь.

— Хорошо, я войду даже другими воротами.

Надвигались уже густыя сумерки; подъ лиственными сводами аллей было довольно темно; садъ былъ пустыненъ. Отъ Невы и съ пруда несло холодною сыростью; Шубинъ поплотнѣе завернулся въ шинель—его била настоящая лихорадка: зубы стучали, едва попадая одинъ на другой. Голова горѣла, какъ въ огнѣ... Наступалъ рѣшительный моментъ, отъ котораго зависѣла вся его будущность, или розовая и богатая, или... Вѣтка хрустнула подъ его ногами, Шубинъ вздрогнулъ и оглядѣлся. На концѣ аллеи чернѣла какая-то человѣческая фигура; Шубинъ пошелъ къ ней, пристально вглядываясь.

— Полторацкій! это ты?.. окликнулъ его Шубинъ.

— Я... отвѣтилъ адъютантъ,—видѣлъ ты его?.. здѣсь онъ?..

— Нѣтъ еще, надо подождать; вѣроятно, скоро придетъ.

— А ну, какъ онъ вовсе не придетъ? спросилъ Полторацкій,—что тогда дѣлать? Знаешь, я

думаю, тогда нужно донести военному губернатору... чего еще тутъ ждать?..

— Хорошо, тогда можно будетъ и донести... но онъ непремѣнно долженъ придти сюда, говорилъ Шубинъ, тихо идя рядомъ съ Полторацкимъ и сжимая судорожно пистолетъ въ боковомъ карманѣ шинели. Они приближались снова къ Михайловскому замку, вокругъ котораго чернѣли ветхія деревянныя лачужки рабочихъ, еще не сломанныя со времени постройки замка.

Вдругъ Шубинъ порывисто схватилъ Полторацкаго за руку.

— Слышишь? слышишь?.. кто-то идетъ... хрустнуло... вонъ тѣнь, смотри!..

Полторацкій вздрогнулъ отъ неожиданности нервы его сильно были напряжены ожиданіемъ; онъ устремилъ глаза по направленію, указанному Шубинымъ, и въ чащѣ кустовъ—ему показалось—мелькнула какая-то тѣнь и послышался хрустъ сломанной вѣтки... Онъ схватилъ пистолеты...

— Слышу, слышу!.. вижу!.. вонъ тамъ!..

— Да!.. Это онъ!.. Подожди здѣсь! Я пойду къ нему одинъ... потомъ позову тебя... будь готовъ!..

Шубинъ порывисто пошелъ впередъ и скрылся въ темнотѣ аллеи; Полторацкій взвелъ курки обоихъ пистолетовъ и остался неподвиженъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ, вперивъ глаза по направленію, куда ушелъ Шубинъ... Руки его тряслись... Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Ничего не было слышно, кромѣ слабаго хру-

ста вѣтвей, да набѣжавшій свѣжій ночной вѣтеръ зашумѣлъ вершинами деревьевъ въ саду...

Полторацкій тихо началъ подвигаться по аллеѣ, держа пистолеты на-готовѣ...

Вдругъ раздался выстрѣлъ и гулко прокатился по безмолвному саду, отдавшись и на Царицыномъ лугу... послышался хрястъ вѣтвей, всплескъ воды и затѣмъ стонъ... Полторацкій бросился бѣжать по направленію выстрѣла, не разбирая дороги, черезъ кусты и скамейки. Въ темнотѣ онъ спотыкался, вѣтки хлестали ему въ лицо, сучки царапали руки...

— Сюда... сюда!.. Костя! помоги!.. послышался снова стонъ.

Полторацкій, наконецъ, продрался къ мѣсту происшествія; на опушкѣ лѣтняго сада, у самой канавки, Шубинъ лежалъ на землѣ и слабо стоналъ.

— Что съ тобой, Шубинъ!.. что случилось?.. Ты раненъ?.. воскликнулъ Полторацкій, бросившись на колѣни передъ товарищемъ и наклоняясь къ нему.

— Убилъ!.. убилъ меня, злодѣй, простоналъ Шубинъ.

— Гдѣ, гдѣ онъ?.. куда онъ побѣжалъ?.. и Полторацкій снова вскочилъ на ноги, оглядываясь во всѣ стороны.

— Караулъ!! вдругъ закричалъ Полторацкій во весь голосъ,—сюда!.. караулъ!!..

Эхо громко разнесло по саду мощный крикъ офицера, но въ отвѣтъ на него не слышалось ни

звука... Шубинъ продолжалъ стонать, а растерявшійся адъютантъ не зналъ, что дѣлать... Скоро задребезжали дрожки поджидавшаго ихъ кучера; онъ подъѣхалъ со стороны Царицына луга и ихъ раздѣляла канавка.

— Смотри не бѣжитъ ли кто нибудь, крикнулъ кучеру Полторацкій,—и лови, гони лошадь во весь духъ!..

— Никого не видно, ваше благородіе! отвѣтилъ кучеръ, пристально осмотрѣвшись во всѣ стороны,—темно, худо видно...

— Объѣзжай сюда, кругомъ! скомандовалъ Полторацкій, а самъ началъ разстегивать мундиръ Шубина, который продолжалъ стонать.

— Охъ!.. умираю... злодѣй замѣтилъ, что за нимъ слѣдятъ—и убилъ меня за измѣну!.. Ой!..

Тѣмъ временемъ на выстрѣлъ и крикъ Полторацкаго начали сбѣгаться къ Лѣтнему саду съ разныхъ сторонъ люди, между прочимъ, два-три буточника прибѣжали съ алебардами, и солдаты изъ бараковъ кругомъ Михайловскаго замка. Весь этотъ народъ толпился и шумѣлъ, не зная куда броситься и что дѣлать.

— Сюда! крикнулъ еще разъ Полторацкій изъ сада, и всѣ бросились въ садъ.

— Ищите по всѣмъ кустамъ и закоулкамъ — здѣсь скрылся злодѣй, убившій офицера, скомандовалъ адъютантъ.

Всѣ разсыпались въ разныя стороны; нѣкоторые остались, чтобы поднять Шубина и снести на дрожки, въѣхавшія въ садъ. По шинели по-

ручика текла кровь; кровь была и на рукахъ Полторацкаго.

— Вези въ Михайловскій замокъ! велѣлъ Полторацкій, выѣхавъ изъ сада и завидѣвъ огонь въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа.

Раненаго Шубина внесли въ комнаты, занимаемыя бывшимъ кастелляномъ дворца, и приступили къ осмотру раны; она оказалась не смертельною: прострѣлена была лѣвая рука выше локтя. Шубинъ отъ потери крови впалъ въ забытье, а Полторацкій тотчасъ же распорядился послать за докторомъ.

Перепуганный кастеллянъ спрашивалъ адъютанта, что это значитъ? но Полторацкій только махнулъ рукой на это.

— Послѣ! узнаете послѣ, что случилось, — а теперь, пожалуйста, смотрите за нимъ; мнѣ нужно тотчасъ же ѣхать къ государю съ докладомъ!.. Пожалуйста!..

— Хорошо, хорошо! будьте покойны!.. Да что это такое?..

— Покушеніе на жизнь государя императора! сказалъ адъютантъ, выходя на улицу.

Кастеллянъ онѣмѣлъ...

— На Каменный островъ, во дворецъ! крикнулъ Полторацкій, и рысакъ сорвался съ мѣста во весь опоръ.

— Нашли? спросилъ адъютантъ, на минуту остановясь у Лѣтняго сада, гдѣ толпилась и галдѣла куча народу,—нашли кого нибудь?

— Ищутъ тамъ, ваше благородіе! да никого, кажись, еще нѣту...

— Ищите хорошенько — это важный преступникъ! сказалъ адъютантъ и снова, какъ стрѣла, помчался по пустыннымъ улицамъ на Каменный островъ, гдѣ имѣлъ въ это время пребываніе императоръ Александръ Павловичъ.

VI.

Полиція въ Петербургѣ, во времена Александра I, была организована самымъ жалкимъ образомъ. «Кварталы» тогдашняго времени, какъ и нынѣшніе участки, были непомѣрно завалены посторонними дѣлами, до надзора за порядкомъ не относящимися; переписка съ разными присутственными мѣстами занимала всѣ руки и всѣ головы; обиліе дѣлъ, возложенныхъ на полицію разными учрежденіями, вызывало то, что для своего «настоящаго» дѣла — надзора за порядкомъ въ городѣ, ей недоставало времени совсѣмъ, да и остальныя дѣла она старалась только какъ бы поскорѣе сбыть съ рукъ.

Въ разныхъ мѣстахъ города полиціею были выстроены плохенькія и тѣсныя будки, лишенныя всякихъ приспособленій для жизни — даже печи тамъ не полагалось, и зимой онѣ промерзали насквозь. Выстоять холодную ночь въ этакой будкѣ съ длинною алебардою въ рукахъ было дѣломъ тяжелымъ.

«Бутарей» для этихъ будокъ каждый околодокъ долженъ былъ выбирать изъ своей среды, содержать ихъ и платить жалованье. Если же который околодокъ отказывался найти бутаря, т. е. внести эту полицейскую повинность «натурою», то долженъ былъ платить въ кварталъ деньгами — девять рублей. На эти деньги уже самъ кварталъ нанималъ бутаря. Но ничтожность такой платы за мѣсячное денно-нощное бодрствованіе въ холодной будкѣ, да ещё съ рискомъ подвергать себя опасности при ловлѣ мазуриковъ и разнятіи уличныхъ дракъ, понятно, не могла привлечь много охотниковъ. Кварталы сами не могли найти охотниковъ идти въ бутари, и поэтому многія будки круглый годъ стояли пустыми.

Въ бутари, при такихъ условіяхъ, шелъ самый низкій пролетаріатъ — люди, которымъ ничего не нашлось лучшаго, загнанные крайностью. Понятно, что о нравственномъ качествѣ такихъ стражей общественной безопасности не могло быть и рѣчи, — рады были всякому желающему, и нерѣдко сами бутари были первыми пособниками воровъ и мазуриковъ.

Уличная безопасность въ плохо освѣщенномъ и плохо вымощенномъ Петербургѣ, съ улицами, состоявшими нерѣдко сплошь изъ заборовъ, была ничѣмъ не обезпечена. Грабежи и насилія самыя наглыя были весьма обыкновенны и случались чуть не ежедневно.

Незадолго до описываемаго нами событія, случилось два происшествія, которыя доказали пло-

хое устройство полиціи и обратили на это вниманіе государя. Чья-то карета, мчавшаяся во весь опоръ съ Васильевскаго острова, наѣхала на какого-то англичанина и изуродовала его. Кучеръ успѣлъ уѣхать, неудержанный,—и полиція никакъ не могла отыскать ни самой кареты, ни того, кому она принадлежала.

Другой случай былъ еще хуже и наглѣе. У самаго Михайловскаго замка былъ ограбленъ и страшно избитъ нѣкто Ушаковъ, братъ служившаго при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ Ушакова. И это совершилось около самаго замка, гдѣ онъ жилъ съ братомъ своимъ, и куда возвращался ночью. Грабители также успѣли скрыться, и полиція не могла розыскать ихъ, не смотря на всѣ старанія въ силу строгихъ приказовъ.

Такими порядками императоръ Александръ Павловичъ былъ крайне недоволенъ...

Уже ночью, когда всѣ спали, прискакалъ на Каменный островъ Полторацкій и бросился съ докладомъ прямо къ оберъ-гофмаршалу, графу Николаю Александровичу Толстому. Встревоженный графъ вышелъ къ адъютанту и съ ужасомъ услышалъ страшную вѣсть о заговорѣ на жизнь императора.

— Мы слѣдили за злоумышленникомъ въ Лѣтнемъ саду... онъ выстрѣлилъ въ Шубина и скрылся... теперь его ищутъ...

Голосъ Полторацкаго прерывался, руки со слѣдами крови на нихъ дрожали.

— Боже мой, какое несчастіе! воскликнулъ графъ Толстой,—я сейчасъ же доложу его величеству... Погодите немного здѣсь, сядьте... вы не ранены?..

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не раненъ... А у Шубина докторъ; рана не опасная...

Страшная вѣсть мигомъ разнеслась по резиденціи императора и надѣлала ужаснаго переполоха. Черезъ нѣсколько времени Полторацкаго потребовали къ императору, и онъ подробно разсказалъ ему все происшедшее.

Съ Каменнаго острова полетѣли курьеры въ разныя стороны. Весь Петербургъ всполошился; Лѣтній садъ оцѣпили войсками, произведенъ былъ тщательный обыскъ всякаго кустика и уголка, но никого найти не удалось.

Когда Полторацкій воротился въ Михайловскій замокъ къ Шубину, около него уже хлопоталъ докторъ; рана была перевязана, а подъ утро Шубина перевезли на его собственную квартиру.

Государь прислалъ своего доктора и флигель-адъютанта справиться о здоровьѣ раненаго. Шубинъ отвѣчалъ, что его здоровье—пустяки, лишь бы былъ безопасенъ императоръ.

На другое утро, въ квартирѣ Шубина и около нея на улицѣ было огромное скопленіе знати—всѣ освѣдомлялись о его здоровьѣ, разспрашивали о происшедшемъ и развозили эти разсказы по городу.

Семеновскій поручикъ Шубинъ сталъ героемъ дня; во всемъ городѣ только и говорили о немъ и о Полторацкомъ, хвалили его самоотверженіе

и жалѣли о несчастіи и о побѣгѣ преступника. Всѣ сулили Шубину блестящую карьеру.

Заря новой жизни, о которой такъ долго мечталъ гвардейскій поручикъ, уже занималась на его горизонтѣ, и ни одно облачко покуда не туманило его.

На другой день послѣ исторіи съ Шубинымъ въ правительственныхъ сферахъ были сдѣланы нѣкоторыя перетасовки. Главнокомандующимъ въ Петербургѣ былъ назначенъ фельдмаршалъ графъ Каменскій, а начальникомъ петербургской полиціи — энергичный и дѣятельный Е. Ѳ. Комаровскій, въ слѣдующемъ 1803 году получившій графскій титулъ Римской имперіи.

Ему было поручено произвести строжайшій розыскъ по дѣлу Шубина и отыскать во что бы то ни стало злодѣя. Кромѣ того, по этому же дѣлу была назначена комиссія изъ генералъ-адъютантовъ: Уварова, князя Волконскаго и сенатора Макарова.

Въ первый же день слѣдствія по дѣлу Шубина у Комаровскаго, служившаго прежде адъютантомъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, закралось сомнѣніе въ дѣйствительномъ существованіи Григорія Иванова, такъ какъ такого имени не было въ числѣ служившихъ при великомъ князѣ Константинѣ. Примѣты его, данныя Шубинымъ, не подходили ни къ одному изъ служившихъ при великомъ князѣ; однако, по всѣмъ трактамъ было оповѣщено о задержаніи такого, если окажется.

— Il me semble que ce prétendu Григорій Ивановъ n'est qu'un fantôme! (Мнѣ кажется, что этотъ предполагаемый Григорій Ивановъ есть ничто иное, какъ призракъ!), сказалъ новый начальникъ полиціи, Комаровскій, при посѣщеніи военнаго губернатора М. Л. Кутузова.

— Vous avez raison, mon général, ce n'est qu'un fantôme! (Вы правы, генералъ, это призракъ!), согласился военный губернаторъ,—и эти слова послужили исходнымъ пунктомъ для раскрытія таинственной исторіи Шубина.

Новый начальникъ полиціи круто взялся за дѣло, познакомился со всѣми служащими полиціймейстерами и частными приставами и изъ этихъ послѣднихъ выбралъ одного, нѣкоего Гейде, своимъ ближайшимъ сотрудникомъ.

— Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, что исторія съ господиномъ Шубинымъ довольно подозрительна, сказалъ Гейде при представленіи новому начальнику.

— Гм! мнѣ и самому такъ кажется, отвѣчалъ начальникъ,—но на чемъ вы основываете ваше подозрѣніе?

— Да на томъ, ваше превосходительство, что рана сдѣлана на лѣвой рукѣ,—рана неопасная, и ее легко можно было нанести самому.

— Да, это такъ, это подозрительно!.. Ну, а знаете вы о двухъ послѣднихъ исторіяхъ съ англичаниномъ и Ушаковымъ, которыя остались нераскрытыми?

— Какъ-же-съ, ваше превосходительство, знаю.

— Не можете ли вы раскрыть ихъ?.. Если вамъ это удастся—я васъ награжу!

— Постараюсь, ваше превосходительство; только осмѣлюсь просить васъ дозволить мнѣ производить розыски въ партикулярномъ платьѣ... Полицейская форма мнѣ будетъ мѣшать.

— Хорошо, это я вамъ дозволяю... Ну, такъ постарайтесь.

Гейде откланялся и на другой день явился съ докладомъ къ Комаровскому объ успѣхѣ своихъ розысковъ.

— Нашелъ, ваше превосходительство,—карета принадлежала извозчику, который арестованъ уже, а господинъ Ушаковъ былъ ограбленъ бѣглыми солдатами... Я ихъ тоже поймалъ, ваше превосходительство!..

— Прекрасно, прекрасно, г-нъ Гейде! похвалилъ его начальникъ, — я вижу, вы необыкновенно способный человѣкъ... Это дѣлаетъ вамъ честь. Согласно моему обѣщанію, я сдѣлаю о васъ представленіе — вы будете произведены въ высшій чинъ... А теперь вы помогите мнѣ раскрыть исторію съ Шубинымъ — и тогда ваша карьера упрочена.

— Не имѣю словъ выразить мою благодарность вашему превосходительству, разсыпался счастливый Гейде; — а исторія съ поручикомъ Шубинымъ—довольно призрачная исторія-съ.

— Призрачная-то призрачная, но нѣтъ вѣскихъ уликъ!.. Сыщите мнѣ эти улики... Распутайте этотъ узелъ.

— Всѣ силы употреблю! отвѣчалъ Гейде съ глубокимъ поклономъ...

Надъ головой бѣднаго Шубина собиралась гроза...

А онъ лежалъ дома въ увѣренности, что зардѣвшаяся заря скоро разгорится для него въ сіяющій день и обогрѣетъ его, такъ много страдавшаго.

Онъ пріятно улыбался, оставаясь одинъ, и все ждалъ отъ царя милостей за свое самоотверженіе. Совѣсть не поднимала своего голоса въ его душѣ.

Но милости и награды что-то не торопились сыпаться на него, а черезъ нѣсколько дней вокругъ него рой добрыхъ знакомыхъ и пріятелей значительно порѣдѣлъ. Въ городѣ стали упорно разноситься насчетъ его разные неблаговидные и подозрительные слухи. Полторацкому запрещено было видѣться съ нимъ... Но счастливый въ своей мечтѣ поручикъ еще ничего не замѣчалъ и не подозрѣвалъ...

V.

А между тѣмъ, запутанная исторія, при содѣйствіи пристава Гейде, обладавшаго, дѣйствительно, замѣчательными сыскными способностями, все болѣе и болѣе день ото-дня распутывалась.

Черезъ нѣсколько дней Гейде принесъ къ начальнику полиціи пистолетъ, найденный однимъ истопникомъ Михайловскаго замка въ канавѣ,

когда онъ ловилъ рыбу. Пистолетъ оказался отъ офицерскаго сѣдла.

— Надо, ваше превосходительство, показать его лакею поручика Шубина — не признаетъ ли онъ его? сообщилъ Гейде.

— Да, да! это непремѣнно надо!.. Пошлите за нимъ, мы его здѣсь и допросимъ, согласился генералъ Комаровскій.

Камердинеръ Шубина былъ представленъ генералу, и Гейде началъ опросъ:

— Ты давно служишь у поручика Алексѣя Петровича Шубина?

— Да мы, ваше высокоблагородіе, ихніе крѣпостные будемъ; я у ихъ благородія служу съ самаго поступленія въ полкъ.

— А скажи пожалуйста, не было ли у твоего барина сѣдла какого нибудь?

— Какъ-же-съ! и по сейчасъ есть сѣдло у насъ... Это еще когда баринъ былъ полковымъ адъютантомъ, такъ съ тѣхъ поръ сѣдло.

— Въ сѣдлѣ этомъ и пистолеты есть?

— Есть-съ, какъ слѣдуетъ, по формѣ-съ.

Гейде показалъ ему пистолетъ, вытащенный изъ канавы у Лѣтняго сада.

— Не признаешь ли ты этого пистолета?.. Былъ ли у барина такой?

Камердинеръ внимательно осмотрѣлъ пистолетъ.

— Кажись — и нашъ, а можетъ быть — и не нашъ... всѣ они на одинъ фасонъ.

— Сѣдло у васъ гдѣ находится? дома?

— Дома гдѣ-то завалено—барину теперь не требуется...

— Ну, такъ ступай сейчасъ же домой; я пошлю съ тобой полицейскаго, и отыщи сѣдло съ пистолетами... Да барину ни слова, а не то — худо будетъ!

Сѣдло было отыскано; въ немъ недоставало одного пистолета въ кобурѣ, и оставшійся былъ какъ разъ подъ пару найденному...

— Ну, теперь ясное дѣло, что онъ самъ себя ранилъ и что весь заговоръ не болѣе, какъ выдумка съ корыстной цѣлью! заключилъ генералъ вмѣстѣ съ Гейде.

— Только теперь вотъ еще примѣты этого Григорія Иванова? продолжалъ допытываться Гейде,— откуда онъ ихъ, ваше превосходительство, взялъ?..

— Ахъ, съ этими примѣтами скандалъ вышелъ, сказалъ, смѣясь, Комаровскій.—Онѣ замѣчательно совпали съ наружностью П. В. Кутузова, и онъ страшно обижается... Да, да, это правда—откуда онъ ихъ взялъ?.. розыщите.

— Надобно допросить опять его лакея — не знаетъ ли онъ кого съ этими примѣтами.

Когда лакею прочитали примѣты Григорія Иванова, лакей отвѣчалъ:

— Да, былъ у насъ, ваше высокоблагородіе, ровно бы какъ такой... тоже изъ крѣпостныхъ барина, лакеемъ служилъ.

— Гдѣ-жъ онъ теперь?

— А Богъ его знаетъ, гдѣ!.. Бѣжалъ онъ отъ барина, неизвѣстно куда.

— Бѣжалъ? переспросилъ генералъ,—ну, что-жъ, объявку въ полицію подавали?

— Какъ-же-съ, безпремѣнно подавали!.. въ 3-ю Адмиралтейскую часть баринъ самъ и посылалъ меня съ объявкой, я носилъ,—да не нашли до сихъ поръ.

Навели справки въ 3-й Адмиралтейской части, потребовали эту объявку о бѣжавшемъ слугѣ, и прописанныя тамъ примѣты оказались тѣ же самыя, какъ у выдуманнаго Григорія Иванова!..

— Однако, это ужь черезчуръ!.. Это ужъ слишкомъ смѣло и наивно! воскликнулъ генералъ, когда открылась эта послѣдняя улика,— онъ не потрудился даже выдумать новыхъ примѣтъ, а взялъ да и списалъ примѣты своего бывшаго слуги!.. Это уже черезчуръ глупо!..

Шубина арестовали. Начальникъ полиціи составилъ докладъ со всѣми уликами для внесенія въ учрежденную для разслѣдованія этого дѣла комиссію, и дѣло приняло крутой и грозный для поручика оборотъ...

На розовомъ горизонтѣ вдругъ скопилась страшная буря и въ прахъ разсѣяла мечты офицера.

Призванный въ комиссію, Шубинъ сначала продолжалъ утверждать свою выдумку, но когда ему представили всѣ улики, онъ упалъ на колѣни и со слезами признался, что выдумалъ все это для того, чтобы заслужить милость и награду государя императора, вынужденный стѣсненными обстоятельствами и чрезмѣрными требованіями гвардейской службы.

Онъ сознался также и въ томъ, что увлекъ своею выдумкою и К. М. Полторацкаго, который повѣрилъ его клятвамъ.

Страшный заговоръ оказался пуфомъ, волненіе и страхъ всего высшаго начальства и даже императорскаго семейства—напрасными, благодаря недостойной продѣлкѣ поручика, слишкомъ нетерпѣливаго въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ...

Дѣло это имѣло худой конецъ для Шубина: его лишили чиновъ и сослали въ Сибирь безъ срока... Потомокъ елисаветинскаго сержанта-фаворита пошелъ по той же дорогѣ и въ тѣ же страны, какъ и его предокъ...

Легковѣрный и увлекающійся Полторацкій отдѣлался довольно дешево; ему дали строгій выговоръ за легковѣріе, но на его служебную карьеру дѣло это, повидимому, не имѣло сильнаго вліянія [1].

Гейде за свои заслуги былъ вскорѣ пожалованъ чиномъ подполковника и назначенъ начальникомъ преобразованной драгунской команды...

Шубинъ дорого поплатился за свою выдумку, всполошившую всю Россію. Онъ провелъ тринадцать лѣтъ въ ссылкѣ, но милостивый императоръ возвратилъ его изъ Сибири въ 1815 году, во время извѣстнаго смотра при Вертю... Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

---

[1]) Въ 1837 году К. М. Полторацкій былъ ярославскимъ губернаторомъ.

Одноногій Конвоиръ.

(Рождественская быль стараго времени).

I.

— Лучше ты, Афроська, мнѣ этихъ словъ и не говори! Лучше ты и не серди меня!.. Ишь, что выдумала: стараго солдата купить хочетъ!.. Да я сорокъ лѣтъ служу вѣрой и правдой, а она улещать взялась. Да я, ежели ты мнѣ еще такое скажешь, просто не знаю, что сдѣлаю!.. Просто вотъ изъ мушкета убью, какъ собаку! Ахъ ты!..

Такія сердитыя рѣчи съ преувеличенной строгостью говорилъ старый сѣдой солдатъ въ выгорѣвшемъ и заплатанномъ мундирѣ елисаветинскихъ еще временъ, поверхъ котораго была надѣта шинель съ пестрымъ собачьимъ воротникомъ, стоявшимъ, какъ колъ. На головѣ воина былъ избитый и не совсѣмъ цѣлый остатокъ каски съ мѣднымъ наличникомъ. На двухъ широкихъ портупейныхъ ремняхъ, когда-то бѣлыхъ, а

теперь вытертыхъ и рыжихъ, шедшихъ по груди крестъ-на-крестъ, висѣли: небольшой кривой тесакъ съ лѣвой стороны и патронная сумка съ правой. Одна нога старика была обута въ валенокъ, а другую ногу отъ колѣна до ступни замѣняла деревяшка.

Грозныя рѣчи свои солдатъ обращалъ къ шедшей впереди его молодой деревенской дѣвушкѣ съ довольно пріятнымъ полнымъ лицомъ, покрытымъ веснушками.

Одѣта дѣвушка была въ старый нагольный тулупъ съ прорѣхами, изъ которыхъ торчала сѣрая овчина, и крашенинный сарафанъ; валенки и ситцевый платокъ дополняли ея нарядъ; на спинѣ у нея былъ небольшой холщевый шелгунокъ съ кое-какимъ бѣльишкомъ и запасами, въ родѣ краюхи хлѣба, овсяной крупы, толокна и соли въ тряпочкѣ.

Дѣвушка шла, понуривъ голову и очень печальная, солдатъ неотступно слѣдовалъ за нею, увязая деревяшкой въ плохо объѣзженномъ снѣгѣ проселка, и не спускалъ съ нея глазъ.

Скоро эту пару обогналъ мужичокъ на розвальняхъ, поглядѣлъ на нихъ съ удивленіемъ и даже попріудержалъ лошадь, чтобы разспросить поподробнѣе: кто такіе, и куда путь держатъ? Для этого мужичокъ снялъ шапку, поклонился солдату и завелъ рѣчь:

— Отколь, служивый, бредешь? Присталъ поди?

Солдатъ только сердито взглянулъ на мужика и ничего не отвѣтилъ.

Мужикъ передвинулъ шапку на другой високъ и снова спросилъ:

— А это какая-жъ у тебя бабенка-то? Землячка, што ли?

— Проѣзжай, проѣзжай, отвѣтилъ, наконецъ, сердито солдатъ: — не видишь развѣ: рестанку веду!..

— Ре-естанку-у! удивленно протянулъ мужикъ и снова вглядѣлся въ дѣвушку: — а отколь ты ее ведешь-то? а за како-тако дѣло попалась? а куды-жъ ты ее таперь поведешь? посыпались вопросы словоохотливаго мужика, но солдатъ, давно служившій по полиціи, видавшій еще елисаветинскую тайную канцелярію и ея порядки, вышелъ изъ себя:

— Да проѣзжай, тебѣ говорятъ! зыкнулъ онъ на мужика: — Нешто можно, чтобъ объ рестантахъ было разглашеніе?.. Да при покойной царицѣ Елисаветъ Петровнѣ тебя бы на дыбу вздернули за такія слова!.. Проѣзжай, пока цѣлъ у меня!..

Мужикъ опѣшилъ отъ такой грозы, но все еще ѣхалъ рядомъ.

— Вона, каки дѣла, произнесъ онъ въ раздумьи: — такъ, можетъ, подвезти тебя, служивый, съ рестанкой-то? Ишь ты умаялся на своей деревяшкѣ-то!.. Тоже вѣдь не молодые годы...

Эти послѣднія слова окончательно взбѣсили солдата напоминаніемъ его старости и слабосилія, и онъ заоралъ на мужика:

— Чортъ ты, лѣшій ферлюктеръ! Тебѣ говорятъ: проѣзжай, пока я тебя изъ мушкета не убилъ!..

Нешто ты можешь приставать къ конвою съ рестантами?..

И солдатъ сдернулъ мушкетъ съ плеча.

Мужикъ, не дожидаясь исполненія угрозы, стегнулъ по лошади и поскакалъ впередъ, боязливо оглядываясь на «конвой съ рестантами» и бормоча сквозь зубы:

— Ого! какой сердитый! Слыхали мы про эфту самую дыбу,—не сладко отъ ее... Ну, его къ ляду!..

II.

Ефросинья Лемехова, молодая «рестанка» стараго инвалида, убѣжала отъ своихъ господъ и пробиралась въ новозаселяемыя земли въ Новороссійскомъ краѣ.

Туда переселенъ былъ ея однодеревенецъ, молодой парень, съ которымъ она любилась и разсчитывала за него выйдти замужъ, но барская воля разбила всѣ ихъ планы. Помѣщикъ продалъ триста душъ «на выводъ», и вотъ ея Митя угнанъ въ незнаемыя земли, гдѣ-то около туретчины да татарщины. Сильно горевала дѣвушка по миломъ, а тутъ еще взяли ее «во дворъ». Дворовая жизнь совсѣмъ не понравилась Афросиньѣ: дѣла настоящаго нѣтъ, а ругани, битья, голодухи и «этой пакости»—сколько хочешь!

И вдругъ темной ночкой встрѣтился ей въ укромномъ мѣстечкѣ «свой человѣкъ», тоже переселенный парень, да соскучившійся по родинѣ и бѣжавшій изъ Новороссіи.

Онъ передалъ ей вѣсти о миломъ дружкѣ: ушелъ онъ куда-то «за камыши», живетъ вольно и достаточно, помнитъ и ждетъ свою Афросю и посылаетъ ей «на дорожку» десять рублевъ. Совсѣмъ помутился умъ у Афроси, три дня ходила она сама не своя, борясь между страхомъ и надеждою, а на четвертый убѣжала-таки и пошла въ невѣдомыя страны искать своего милаго.

Верстъ сотни три прошла бѣглянка, — еще бы столько же—и она была бы въ Новороссіи,—какъ ее поймали «за безписьменность» въ какомъ-то уѣздномъ городѣ, посадили въ острогъ, а тамъ отправили по этапу съ конвоемъ.

Отъ острога до острога провожали ее разные конвойные; много вытерпѣла она непріятностей отъ полиціи и солдатъ, и вотъ, наконецъ, на самый дальній путь въ нѣсколько этаповъ до мѣста, гдѣ ее сдадутъ помѣщику, попался въ конвойные описанный нами воинственный и строгій кавалеръ, отставной герой семилѣтней войны, служившій въ уѣздной полицейской командѣ.

Дѣло подходило подъ праздникъ Рождества; крѣпко не хотѣлось старику идти конвойнымъ и провести праздникъ въ дорогѣ, однако, начальство не нашло никого хуже и послало съ такой маловажной арестанткой безногаго инвалида.

Въ старые годы, при патріархальныхъ полицейскихъ порядкахъ, это было очень обыкновенно. Выдали ему суточныя деньги, на него и на арестанку, снабдили документами и мушкетомъ съ

патронами, и старикъ, ворча и проклинаясь, побрелъ со своей «рестанкой» въ путь-дорогу...

Стало уже сильно темнѣть; показались кузницы, мельницы и посадскія строенія маленькаго уѣзднаго городишка.

— Ну, стой, Афроська, скомандовалъ солдатъ свой арестанткѣ,—пора тебѣ на веревку, сейчасъ городъ—тутъ намъ ночевка въ острогѣ.

Арестантка остановилась; солдатъ спустилъ мушкетъ къ ногамъ, вынулъ изъ-за голенища единственной валенки коровій рогъ съ донышкомъ, служившій ему табакеркой, крѣпко набилъ обѣ ноздри, нанюхался и громогласно прочихался.

— Дяденька Сидорычъ, прошелъ бы городомъ-то такъ, безъ веревки, робко попросила арестантка,—а то страмно мнѣ больно...

— Страмно!.. Ахъ ты, бѣглая душа! а бѣгать отъ господъ не страмно? Вотъ теперь и казнись. Ты моли за меня Бога, что я хоть тутъ-то даю тебѣ слободу, а то, знаешь, какой у меня даденъ приказъ? Чтобы, чуть что—арестанта застрѣлить!.. Вотъ ты и знай!.. Въ городу я никакъ тебѣ слободы дать не могу, потому—въ городу начальство! За эту-то слободу меня подъ разстрѣлъ подведутъ... Ахъ, ты... еще слободы захотѣла! Вотъ не буду никогда съ веревки спущать... Клади руки-то въ петлю, я прикручу.

Дѣвушка вложила руки въ сдѣланную на веревкѣ петлю, солдатъ завязалъ, еще разъ понюхалъ табаку, взялъ мушкетъ на плечо и скомандовалъ:

— Ну, маршъ впередъ!

Войдя въ городъ, солдатъ еще больше напустилъ на себя строгости, какъ-то весь подтянулся, выпрямился. Дѣвушка увидѣла, что стыдиться было и некого: городъ былъ окутанъ мракомъ; кое-гдѣ въ окошечкахъ низенькихъ деревянныхъ домиковъ горѣлъ слабенькій огонекъ; прохожихъ встрѣчалось очень мало, только на базарной площади, по случаю приближающагося праздника, гомонили съѣзжавшіеся окрестные мужики и торговцы.

На другомъ краю города стояло деревянное небольшое зданіе острога, обнесенное остроконечнымъ тыномъ. Солдатъ поколотилъ прикладомъ въ запертыя ворота и на окликъ не скоро явившагося сторожа: «кого тамъ лѣшій носитъ?» отвѣтилъ:

— Самъ ты лѣшій! Отпирай! конвойный съ рестанкой пришелъ! живо!

— Гдѣ-жъ тебя черти носили? Чево раньше-то не пришелъ?

Загремѣли засовы, отворилась маленькая калитка, высунулась лысая голова солдата, оглядѣвшая пришедшихъ, и наши путники были впущены въ зданіе острога.

— Вона, какой конвойный, ворчалъ недовольный сторожъ, поднятый со сна,—тебѣ бы на печи сидѣть безъ ноги-то.

— Самъ-то хорошъ, возразилъ Сидорычъ.—Ты веди лучше насъ къ смотрителю, бумагу показать.

— Гдѣ я тебѣ его возьму! Станетъ онъ тебя

ждать! Онъ въ городѣ на имянинахъ, раньше ночи не будетъ домой.

— Ну, такъ упомѣщай куда нибудь рестанку... Навязали тоже, зазябъ я съ ней дюже...

— Куда я тебя помѣщу? у насъ бабья-то половина развалилась совсѣмъ, не топлена; да и безъ стеколъ стоитъ.

Конвойный совсѣмъ въ азартъ пришелъ.

— Эхъ ты! староста!.. Крысъ бы тебѣ сторожить!

Двое старыхъ служивыхъ совсѣмъ разбранились, но вытащенный изъ-за голенища рожокъ съ табакомъ скоро помирилъ ихъ. Сторожъ свелъ Сидорыча съ Афросиньей въ свою сторожку, довольно просторную комнату, съ русской печкой, нарами и полатями.

Кряхтя и ворча, Сидорычъ снялъ амуницію и шинель и поставилъ мушкетъ въ уголъ.

— Проклятая должность! Праздникъ на дворѣ,— а ты тутъ шляйся да мерзни! И нанесъ же чортъ эту дѣвку, безъ нея бы сидѣлъ дома, праздникъ бы встрѣтилъ, по-Божески!.. Охъ-хо-хо! Доставай, штоль, хлѣбъ-то, хоть пожевать, да водой запить.

— У меня, дяденька Сидорычъ, крупки овсяной есть маленько,—сварить бы эво на шесточкѣ кашицу, робко сказала Афросинья.

— Ой-ли! обрадовался солдатъ, — вотъ какая ты дѣвка затѣйная. Хорошо бы, прахъ побери, теперь горяченькаго съ морозу-то. Ты какъ думаешь, служба?.. Али ты ужъ наѣлся здѣсь щей-то, такъ и сытъ.

— Будешь тутъ сытъ на лукѣ-то съ квасомъ,

заворчалъ сторожъ, — рѣдко-рѣдко снѣтка-то въ тюрю подсыплютъ, а щей-то развѣ къ празднику сварятъ...

Похлебали всѣ трое горячей кашицы, сваренной Афросиньею, и у солдатъ точно отъ сердца отлегло — веселѣе стало. Сидорычу очень понравилась такая хозяйливость его арестантки, повѣяло на него чѣмъ-то давнишнимъ, забытымъ, но теплымъ и радостнымъ. Вспомнилъ онъ о своей давно потерянной семьѣ и задумался, усиленно набивая носъ табакомъ.

Ложась спать, Сидорычъ для осторожности обвязалъ веревочку вокругъ арестантки, а другой конецъ привязалъ къ рукѣ, чтобы не вздумала убѣжать ночью.

Сторожъ давно храпѣлъ на полатяхъ, а солдату не спалось,—и старыя простуженныя кости ныли, и какія-то давно не посѣщавшія его голову мысли лѣзли. Жена-покойница (молодой бабой померла) стояла, какъ живая, сынъ (въ чуму померъ), дочка Анютка, славная дѣвка была, невѣдомо куда пропала...

Не спалось и Афросиньѣ: чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ больше овладѣвало ею отчаяніе и страхъ жестокой расправы и снова постылой жизни.

III.

Чуть-свѣтъ поднялся Сидорычъ съ наръ, примундирился и пошелъ «съ бумагами» къ смотрителю, наказавъ сторожу смотрѣть за арестанткой.

Пока солдатъ ходилъ, Афросинья сдѣлала изъ толокна болтушки съ водой да солью—и еще болѣе угодила Сидорычу. Наѣлся онъ плотно и снова повелъ свою арестантку на веревочкѣ. На острожномъ дворѣ между арестантами поднялся реготъ, какъ увидали эту пару.

— Эй, старикъ! аль невѣсту себѣ на праздникъ ведешь?

— А важная дѣвка! совсѣмъ ему въ пару!..

— Красавица! подшиби старику ногу-то, да и бѣги!..

Старикъ сердито погрозилъ арестантамъ мушкетомъ и вышелъ изъ воротъ. Городомъ шелъ онъ строго и осанисто, крѣпко держа въ рукахъ веревку. Былъ канунъ Рождества; на улицахъ, всегда малолюдныхъ, замѣчалось оживленіе; видя арестантку, почти всякій встрѣчный подавалъ милостыню «несчастненькой»; иные крестились при этомъ, какъ бы совершая религіозный обрядъ.

Солдатъ охотно принималъ всѣ подаянія и складывалъ въ сумку. Когда пришлось проходить базарной площадью, подаянія увеличились; давали и деньгами, и припасами. Скоро сумка не вмѣщала уже милостыню въ видѣ хлѣба, калачей и прочаго, пришлось складывать въ шелгунокъ Афросиньи.

Какой-то торговецъ краснымъ товаромъ далъ даже дешевенькій платочекъ.

— Прими, Христа ради, для праздника.

Мужичокъ, пріѣхавшій съ битыми курами, подалъ пѣтушка мороженаго.

— Разговѣйся, Христа ради, горемышная...

Скоро и шелгунокъ Афросиньи раздулся до невозможности; солдатъ пихалъ даже и за пазуху себѣ, и сожалѣлъ, что нѣтъ помѣщенія побольше.

— Эхъ, Афроська, малъ ты шелгунокъ-то захватила, шутилъ совсѣмъ веселый солдатъ, — припасу хоть на телѣжкѣ вези!.. Спасибо, добрые люди, дай вамъ Богъ!..

— Класть-то больше некуды, грошикъ бы лучше, разговаривалъ солдатъ съ доброхотными дателями, выбираясь изъ толпы, нагруженный донельзя.

Скоро солдатъ очутился за городомъ; опять потянулся проселокъ.

— Эка, Афроська, благодать привалила! Я нарочно базаромъ-то потрафилъ для подаянія... Что-жъ мы теперь дѣлать будемъ?

— Какъ изволишь, дядя Сидорычъ, твоя воля и разумъ.

Такой отвѣтъ понравился солдату, онъ еще больше просіялъ, пріостановился, жестоко нанюхался табаку и развязалъ руки Афросиньѣ.

— Эхъ, Афроська! хорошая ты, я вижу, дѣвка, смирная!.. Не по острогамъ бы тебѣ шляться... И дура же ты была, коли попалась!.. И куда тебя лукавый носилъ такъ далеко?..

Признакъ участія, намекъ на ласку, вырвавшійся въ словахъ стараго солдата, дотолѣ такого грубаго и строгаго, ударилъ по сердцу дѣвушки, измученному оскорбленіями ея долгаго этапнаго

пути, ожиданіемъ жестокой расправы и вѣчной каторги, сожалѣніемъ о несбывшемся счастьѣ.

Она вдругъ горько, съ завываніемъ заплакала, закрывъ лицо руками и повалившись ничкомъ въ снѣгъ дороги.

Солдатъ немного опѣшилъ отъ такой неожиданности.

— Что ты? что ты? вставай: чего валяешься?

— Не могу, дяденька миленькій, не могу! билась головой о землю Афросинья,—вся душенька моя во мнѣ перевернулась! Лучше мнѣ въ сыру землю идти, чѣмъ домой ворочаться... Убей ты меня, дяденька, лучше пулей наскрозь, а не веди на муку вѣчную...

— Что ты! что ты выдумала?.. Да нешто я могу?.. Ты опять за свое!.. Цыцъ! нишкни!.. Вставай, Афроська!..

— Не встану, дядюшка родненькій, золото мое, не встану! Ни я воровка была, ни я душу загубила,—избывала я только свою долю горькую, сиротскую! Нѣтъ-то у меня ни тятеньки, ни мамыньки, хотѣла посмотрѣть, что есть свѣтъ Божій, что есть солнце красное, что есть счастье на землѣ!.. Ой, дяденька родной мой, есть же у тебя душа богоданная, пожалѣй меня!..

Сидорычу было смертельно жаль Афроську, плакать хотѣлось, но въ то же время это былъ какой-то вопіющій непорядокъ. Лицо Сидорыча конвульсивно дергалось отъ усилій придать ему строгое, суровое выраженіе; онъ подыскивалъ строгія слова и, къ удивленію своему, не могъ оты-

скать ихъ,—онъ, всегда такой строгій и взыскательный!..

— Ну, что ты? цыцъ!.. Брось ты ревѣть, вставай!.. Не мути ты мнѣ душу... Нешто мнѣ сладко?..

Дѣвушка билась у ногъ солдата, точно въ припадкѣ.

— Вѣчно за тебя буду Бога молить! будешь ты мнѣ лучше отца родного, помру—тебя не забуду! отпусти ты меня, дяденька Сидорычъ... Коли была у тебя жонка, али дочка, можетъ онѣ въ горестяхъ находятся, отведи отъ нихъ, Господи, лихова человѣка!.. Отпусти ты меня, ради великаго праздника, ради Христова Рождества!..

Намекъ дѣвушки на семью солдата, о которой только что всю ночь продумалъ онъ, тронулъ Сидорыча за душу.

— Да отстань ты! Змѣя ты, аль колдунья, что обошла меня?.. Вставай! народъ идетъ! закричалъ солдатъ, завидѣвъ вдали группу прохожихъ, и дернулъ Афросинью. Дѣвушка смолкла, встала и все всхлипывала; лицо ея горѣло.

— Замолчи, утрися и маршъ! скомандовалъ солдатъ.

Дѣвушка покорно повиновалась и пошла, вся вздрагивая отъ волненія; Сидорычъ въ глубокой задумчивости слѣдовалъ за нею; лицо его точно все закрылось бровями, бакенбардами и сѣдыми щетинистыми усами. Что-то крѣпко засѣло въ его голову, и онъ перерабатывалъ это въ умѣ...

IV.

До сумерекъ еще дошли Сидорычъ и Афросинья до села, гдѣ надо было остановиться на отдыхъ и обѣдъ.

Солдатъ справился, гдѣ живетъ сотскій, постучалъ мушкетомъ въ подоконницу и потребовалъ себѣ съ арестанткой помѣщенія. Помѣщеніемъ оказалась сотская пустая изба, «холодная», куда сажали проштрафившихся мужиковъ. Сидорычъ, начавшій приводить въ исполненіе какой-то свой планъ, распорядился, чтобы сотскій принесъ дровъ, выложилъ всѣ припасы на столъ, велѣлъ Афросиньѣ затоплять печь, сказалъ сотскому, что въ немъ больше нужды нѣтъ, и чтобъ народъ не лѣзъ къ избѣ изъ любопытства. Сидорычъ распоряжался строго, какъ власть имѣющій, сотскій даже заробѣлъ, видя такого храбраго кавалера, и мигомъ скрылся, заоравъ на бабъ и ребятишекъ, уже собравшихся около избы, чтобы посмотрѣть на «несчастненькую» и ея безногаго конвоира.

— Стряпай, Афросинья, во-всю! И пѣтуха вари, и пироги пеки, и все, что есть, на столъ мечи!..

Дѣвушка удивленно уставилась на солдата.

— Стряпай, сказываю, во-всю! чего надо—все принесу! чуть не крикнулъ солдатъ, круто повернулся и вышелъ, не забывъ запереть засовомъ дверь арестантской снаружи.

«Что такое со старичкомъ сдѣлалось?» поду-

мала Афросинья, оставшись одна, «что онъ задумалъ такое?»...

Мысль о бѣгствѣ мелькнула въ головѣ дѣвушки; она осмотрѣла окна: они были забраны снаружи рѣшеткой изъ старыхъ обручей,—для хорошаго арестанта самый пустякъ,—но для нея рѣшетка была страшна, и эта мысль тотчасъ исчезла. Афросинья принялась за стряпню. Скоро пришелъ и Сидорычъ, неся цѣлое лукошко припасовъ: масла, луку, картофелю, хлѣба, набранныхъ у мужиковъ. Затѣмъ сотскій принесъ охапку латокъ, горшковъ и блюдцевъ.

— На тебѣ, Афроська, всякаго добра,—стряпай, какъ можно лучше,—встрѣтимъ праздникъ Христовъ. Что-жъ такое? и мы не проклятые тоже... Всѣмъ праздникъ, а намъ—нѣтъ!.. Эхъ, Афроська, Афроська! Ты и не знаешь, сколь мнѣ тебя жалко, горемычную!.. Да что-жъ тутъ подѣлаешь?.. Ты и ни-ни! И не думай; я—во какой!.. А только, ежели не посмотрѣли на мою старость,—такъ я не посмотрю на ихъ строгость... Съ меня нечего взять!.. Я свою службу вѣрно отслужилъ—какъ свѣча горѣлъ... Надо и уважить... Ну, а коли нѣтъ, такъ Богъ съ ними! У меня тоже душа есть... Стряпай, Афроська, стряпай! И намъ будетъ праздникъ вольный...

Сидорычъ сѣлъ на лавку, закрылъ лицо руками, положивъ локти на колѣни, и долго такъ просидѣлъ, задумавшись. Молодость свою что ли вспомнилъ онъ, можетъ быть жену свою, семью, или свои походы, свое горе?.. Афроськѣ показалось,

что онъ плачетъ. Его обступили воспоминанія о томъ, какъ онъ жилъ съ женой и дѣтками, какъ попалъ въ солдаты и вотъ всю жизнь мыкается и не знаетъ, что у него дѣлается дома. А вдругъ его жену, его Анютку, вотъ также, какъ Афроську, волочили по острогамъ? И не нашлось добраго человѣка, чтобы заступиться за нихъ.

— Дяденька!.. А дяденька Сидорычъ!.. сказала Афроська.

Старикъ быстро, какъ бы проснувшись, поднялъ голову.

— Сходилъ бы, говорю, дяденька, въ церковь ко всеношной... Я, вотъ те крестъ, не убѣгу... Скоро и въ колоколъ ударятъ...

— Въ церковь?.. Да, да, я давно въ церкви не былъ, сказалъ какимъ-то упавшимъ голосомъ солдатъ.—И то пойти.

V.

Сельская церковь была биткомъ набита; солдатъ кое-какъ пріютился въ уголку, и какое-то восторженное состояніе овладѣло имъ. Онъ молился жарко, какъ давно не молился, ему казалось, что съ его озлобленной, избитой житейскими невзгодами души отваливается какая-то кора, къ горлу подступаютъ слезы, а на сердцѣ становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе...

— Ну, Афросинья, Богъ милости прислалъ! сказалъ сіяющій Сидорычъ, воротясь изъ церкви,— не горюй! авось перемелется, такъ мука будетъ!

Въ міру и все такъ: бѣда набѣжитъ—и счастье проглянетъ!.. Эхъ! бросимъ тужить!.. Давай поснѣдать, да завалимся спать, а завтра встрѣтимъ праздникъ честь-честью, по-христіански, а не поарестантски...

Странными и загадочными казались Афросиньѣ рѣчи и поступки Сидорыча, но отъ нихъ ей, удрученной горемъ, становилось какъ-то легче, точно и для нея наступалъ великій праздникъ.

Невыразимо хорошо чувствовалъ себя Сидорычъ, сидя за столомъ, при лучинѣ,—точно какъ его семейная жизнь воротилась: Афросинья, точно Анютка его нашлась и прислуживаетъ ему въ собственной избѣ. Всего вдоволь, завтра великій праздникъ... Такъ хорошо, что о дѣйствительности и вспоминать не хочется...

Плотно поужинавши, Сидорычъ помолился передъ маленькимъ закопченымъ образкомъ въ углу, заперъ дверь замкомъ и, положивъ Афросинью на полати, самъ легъ на рундучокъ около печки, такъ что арестантка не могла сойти, не перешагнувъ черезъ него, а онъ спитъ по-старчески, чутко.

Еще было темно; только что ударилъ колоколъ къ заутрени,—Афросинья стала снова копаться около печки; Сидорычъ пошелъ опять въ церковь: онъ рѣшилъ, наперекоръ всему, встрѣтить праздникъ дѣйствительно по-христіански, какъ встрѣчаютъ его добрые люди, не зашитые въ такую окаянную шкуру, какъ онъ. Въ его отсутствіе по «холодной», ставшей теплою отъ при-

сутствія женщины, разнесся апетитный запахъ вареннаго пѣтуха и ржаныхъ пироговъ,—это орудовала Афросинья «во всю», по приказу Сидорыча.

День выдался погожій, морозный и солнечный; восходъ былъ багряный и безоблачный; избушка озарилась веселыми лучами солнца, когда Сидорычъ съ Афросиньей сидѣли за праздничной трапезой.

— Господи милостивый! когда это я встрѣчалъ такъ Рождество? говорилъ умиленный солдатъ,—ровно въ раю Божьемъ сижу!.. Кабы вотъ такъ-то хоть старость провести... Вѣдь, кажись, послужилъ, поработалъ на своемъ вѣку, и голоду, и холоду навидѣлся... ногу вотъ нѣмцы-ферлюктеры оторвали... Эхъ! Старая кость покою проситъ, сила служить отказывается,—а ты майся!.. Ну, одначе, прости меня Богъ за ропотъ, что это я такъ растужился? Можетъ, черезъ худое-то и хорошее придетъ,—все—Богъ!.. Не надо только души своей терять, коли нашелъ... А я свою душу, Афросинья, сегодня ровно на дорогѣ поднялъ! И бушуетъ теперь у меня сердце—и сладить не могу! будто какъ я допрежде и не чуялъ его... Ну, да ладно, никто, какъ Богъ!—отдохнемъ, Афросинья, да и маршъ въ дорогу,—намъ путь еще не близкій...

VI.

Послѣ полудня на улицу села вышелъ солдатъ съ арестанткой; ихъ тотчасъ же обступила толпа; сердобольныя бабы тотчасъ начали подавать, кто

что можетъ, но солдатъ бралъ только деньги, грошики и копѣечки. Любопытная толпа проводила нашу пару до околицы, а мальчишки и дѣвчонки пошли и дальше, глазѣя точно на невиданныхъ звѣрей, но солдатъ скоро окрикнулъ ихъ, и они отстали.

Сидорычъ былъ очень неспокоенъ; въ немъ происходила жестокая внутренняя борьба между долгомъ, привычкой повиноваться и «расходившимся сердцемъ». День этотъ и канунъ его были для стараго солдата необыкновенны: это было первое Рождество, проведенное такъ, какъ онъ хотѣлъ, повѣявшее на него тою семейственностью, о которой онъ всегда сожалѣлъ. Онъ имѣлъ свой праздникъ, ему хотѣлось сдѣлать праздникъ и другому.

«Пусть хоть одна душа молится за меня», думалъ онъ, можетъ я и грѣшу, да не могу вотъ сладить съ сердцемъ, нудитъ оно меня—отпусти, да отпусти!.. Вѣдь убьютъ дѣвку, не человѣкомъ сдѣлаютъ! Знаю я эти барскія расправы!.. Можетъ, и за мою Анютку, коли жива, заступится какой ни есть добрый человѣкъ и вызволитъ изъ бѣды лихой... А мнѣ что? Съ меня взять нечего,—мнѣ и жить-то немного осталось!.. Отпущу... Христосъ милостивъ былъ,—жену-блудницу простилъ, а Афроська что? Ни воровка, ни пьяница... къ жениху шла... Ну, и пущай ее идетъ...

— Стой, Афроська! крикнулъ Сидорычъ арестанткѣ,—что я тебѣ скажу... для великаго для праздника—ступай ты на всѣ четыре стороны,

ищи своего жениха, да болѣ не попадайся... Коли моя доля не красна, такъ хошь помолишься за меня грѣшнаго... Ступай, Афросинья, Господь съ тобой!..

Дѣвушка сначала остолбенѣла отъ неожиданности, не вѣрила своимъ ушамъ, но чрезъ мгновеніе съ воплемъ радости бросилась къ ногамъ старика.

— Отецъ родной! Да правда ли? Спасибо тебѣ, дяденька! Чѣмъ я заплачу тебѣ... вѣчная я твоя богомолица до гроба!..

Афросинья цѣловала въ восторгѣ землю, ногу старика, а онъ стоялъ надъ нею, и слезы блестѣли въ его глазахъ.

— Ну, иди же, ступай... помни старика Карпа Шилова!.. Вотъ дорога въ сторону, иди туда скорѣй... Да постой! тебѣ путь дальній... вотъ деньги, что тебѣ надавали, возьми!

Солдатъ вынулъ горсть мѣди изъ сумки.

— Не надо, дяденька, не надо! Тебѣ самому пригодится, а я прокормлюсь...

— Бери, тебѣ говорятъ! крикнулъ Сидорычъ строго,—не опять ли покупать хочешь? Бери!.. Иди съ Богомъ... Эхъ! не совладалъ я со своимъ сердцемъ! Бѣги!..

Афросинья вскочила на ноги и быстро пошла по боковой дорогѣ, постоянно оглядываясь, плача, крестясь и шепча молитвы...

— Прощай, дяденька! Дай тебѣ Господи милостивый за твою доброту! Отецъ ты мой!..

Солдатъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ

лица стоялъ на мѣстѣ и смотрѣлъ вслѣдъ уходящей быстрыми шагами арестанткѣ.

— Полетѣла!.. точно птица полетѣла на волю!.. рада, горемышная, муку избыть... Господь съ тобой!..

Дѣвушка скрылась въ перелѣскѣ; солдатъ еще постоялъ немного, потомъ круто повернулся, стукнулъ прикладомъ мушкета о мерзлую землю, оглядѣлся и выстрѣлилъ на воздухъ...

— Пойду до острога, скажу упустилъ, молъ, рестанку!.. Ноги нѣтъ—бѣжать не могу, глаза слабы—выстрѣлилъ да мимо!.. А ты бѣги... бѣги, да не попадайся опять, сердешная!.. Что съ меня взять?..

Сидорычъ побрелъ къ слѣдующему этапу съ повинной...

Царскій Судъ.

Повѣсть изъ временъ Петра Великаго.

I. Площадной подъячій.

На Петербургской сторонѣ, около нынѣшняго Сытнаго рынка, была расположена самая простонародная, «черная» часть новосозданнаго, волею Петра Великаго, Петербурга.

Новая столица переживала десятый годъ своего существованія, и улицы, застроенныя деревянными и мазанковыми домишками, увеличились въ числѣ. Столица выростала и ширилась около основного пункта, «зерна» своего: крѣпости, церкви Троицы и «голландскаго домика» Петра Великаго. Первая, самая близкая къ центру, улица, конечно, была заселена домами близкихъ къ царю людей и называлась, какъ и до сихъ поръ называется, «Дворянскою». Тутъ дома были побольше и почище.

Къ описываемому времени столица перекинулась уже и на другой берегъ, «Адмиралтейскую сторону», и на Васильевскій островъ.

Сохранившіяся до сихъ поръ названія окрестныхъ Сытному рынку улицъ напоминаютъ намъ, какимъ народомъ была заселена Петербургская сторона въ Петровское время. «Пушкарскія» были заселены слободами пушкарей, «Гребецкая»—гребцами, которыхъ много требовалось для галернаго флота, въ «Рыбацкой» жили рыбаки, «Посадская» была посадомъ новосозданной столицы.

Какъ центромъ «чистой» половины города была Троицкая площадь съ «австеріей» или гостинницей нѣмца Фельтена, помѣщавшейся у мостика, нынѣ ведущаго въ крѣпость съ площади, такъ Сытный рынокъ былъ центромъ для «чернаго» народа, который толпился тутъ съ восхода до заката солнца, покупалъ, продавалъ, ѣлъ, пилъ, гулялъ, мазурничалъ и дѣлалъ всѣ свои дѣла, освободясь отъ обязательной службы. Тутъ же поселены были и тѣ многострадательные «строители» Петербурга, крестьяне, вызванные волею Петра со всей Россіи, костями которыхъ, по выраженію поэта, государь «забутилъ топь» непролазнаго петербургскаго болота.

Раннимъ праздничнымъ утромъ бродилъ по Сытному рынку пожилой человѣкъ, невысокаго роста, но жилистый и крѣпкій, съ умнымъ, даже немного хитрымъ выраженіемъ лица, одѣтый очень чисто, хотя и по простонародному.

Рынокъ уже кипѣлъ народомъ; по случаю празд-

ника онъ наполнился раньше; стоялъ гвалтъ отъ криковъ, зазываній, обрывковъ пѣсенъ. Пожилой человѣкъ не обращалъ на все происходившее вокругъ него никакого вниманія: не отвѣчалъ на зазыванія и предложенія, обходилъ кругомъ, гдѣ народъ толпился тѣсно, и все чего-то высматривалъ.

Наконецъ, онъ нашелъ, чего искалъ, и быстро направился къ небольшому столику, стоявшему подъ навѣсомъ.

За нимъ сидѣли двое: подъячій въ обдерганномъ нѣмецкомъ кафтанѣ, испитой и красноносый, и какой-то уже совсѣмъ непозволительный субъектъ съ рыжими всклокоченными волосами. Оба они что-то писали, а кругомъ стояла толпа простого народа и молча ожидала. Какъ только между ожидавшими начинался разговоръ, подъячій подымалъ голову отъ письма и окрикивалъ:

— Цыцъ! вы, мужичье! Сказано—молчать! Развѣ не видите, что тутъ важныя дѣла пишутся!.. Заорали!..

— Важныя дѣла!.. Кляузы!.. замѣтилъ кто-то въ толпѣ.

— Поговорите тамъ еще!.. Скоты! Тутъ ошибку сдѣлаешь, другого человѣка подъ кнутъ подведешь! Кляузы! Кой васъ чортъ несетъ за кляузы деньги платить? Кто тамъ кляузами назвалъ? Покажись-ко! Я пишу съ указного дозволенія, а не кляузы. Я васъ закатаю въ тюрьму! грозилъ подъячій—и снова углублялся въ письмо какой-то челобитной, заказанной ему тутъ же.

Это былъ «площадной подъячій», остатокъ стариннаго русскаго быта, сохранившійся еще во времена Петра.

Пожилой человѣкъ подошелъ къ столику и сталъ около подъячаго, ожидая, когда онъ кончитъ письмо. Подъячій скосилъ на минуту глаза на новопришедшаго и, увидя прилично одѣтаго человѣка, напустилъ на себя еще болѣе важности и продолжалъ писать.

«Кажись, хорошій карась наклевывается», подумалъ подъячій и, кончивъ свое писанье и сдавъ заказчику, обратился къ новопришедшему:

— Вы по какой надобности?.. Какое дѣльце?..

— Челобитную бы мнѣ... Только здѣсь быдто какъ неловко о моемъ дѣлѣ говорить...

Подъячій поднялъ брови.

— Важное, значитъ, дѣло?

— Да, не на грошъ... Не будетъ ли ваша милость пойти со мной хошь въ австерію... Тамъ бы поговорили.

Подъячій внутренно возрадовался, но не показалъ и виду.

— Не могу, не могу!.. Какъ же я уйду, коли я къ этимъ дѣламъ приставленъ?.. Сегодня день праздничный,—мнѣ работы много... Какъ же я своего хлѣба лишаться буду?..

— И впрямь... Ишь ты, каки дѣла! произнесъ задумчиво пожилой человѣкъ,—мнѣ-то въ другой день неспособно.

— Вотъ видите, сказалъ подъячій,—и всякому

другому въ будень день неспособно: всякій при своемъ дѣлѣ состоитъ.

— Што правда—то правда!.. Экой грѣхъ... Пойти, поискать кого другого.

Подъячій всполошился.

— Нѣтъ, ужъ, зачѣмъ же!.. Коли на меня набѣжали, такъ мой и будьте... Прохоровъ! обратился подъячій къ своему помощнику,—справишься тутъ съ дѣлами?

— Справлюсь, ступай, буркнулъ всклокоченный субъектъ, не отрываясь отъ писанья.

— То-то—справлюсь! Не уйдешь до меня въ кабакъ?

— Ступай самъ-то скорѣй.

— Коли челобитная—самъ не пиши, а за мной пришли, потому я подписывать долженъ.

— Безъ тебя знаю,—ступай.

— Ну-съ, пойдемте, почтеннѣйшій.

Подъячій съ пожилымъ человѣкомъ пошли.

— Для васъ только сдѣлалъ это!.. Теперь оставить столъ для меня невыгодно: половину халтуры этотъ себѣ въ карманъ положитъ, да напортить дѣло можетъ... Положимъ, онъ тоже знающій человѣкъ: въ приказѣ служилъ, да проворовался; били плетьми и не велѣли никуда принимать... Ну, а для меня-то годится... Все—помощь! Да-съ, такъ какое же ваше дѣльце, почтеннѣйшій?

— Мудреное дѣло-то у меня... Мнѣ бы надо знающаго, да и знающаго человѣка... Смѣлаго человѣка надобно.

— Ужъ на меня положитесь!—я огонь и воду

прошелъ! Сказать вамъ по секрету,—такъ и ко мнѣ не одиножды привязывались съ плетями-то, да я увертываться умѣлъ! За такія дѣла брался, что у другихъ подъячихъ только руки опускались.... Я смѣлый человѣкъ... Конечно, надо вознаградить хорошо.

— У меня дѣло чистое, дѣло законное.

— А чистое, такъ тѣмъ лучше. Если надобно подогнуть указы, подвести пункты,—такъ меня взять: съ измальства по приказамъ живу, всего видалъ.

— Ну, вотъ мнѣ такого и нужно. Чистое-то мое дѣло чистое, однако, такъ встало, что взяться теперь его поправлять надо большую смѣлость. Самого страхъ забираетъ, а и бросить жаль—больно обидно, что нашего брата-мужика маэоришка графской фамиліи начисто ободрать можетъ, да и насмѣется еще при этомъ.

— Такъ-съ. Поземельная, значитъ, тяжба?

— Поземельная, поземельная.

— Ну, это пустяки! Подведемъ маэора начисто!

— Нѣтъ теперь стало не пустяки. Да вотъ зайдемте сюда,—тамъ я вамъ поподробнѣе все разскажу.

— Зайдемте, зайдемте, почтеннѣйшій! Что за дѣло такое мудреное: и правое, и чистое,—и страшное при этомъ? Я о такихъ дѣлахъ что-то и не слыхалъ. Поземельная тяжба и вдругъ страшно!.. Чудно!..

Пожилой человѣкъ и подъячій зашли въ грязненькую австерію, гдѣ ихъ встрѣтилъ хозяинъ съ поклонами.

— Сахару Сахарычу, много лѣтъ здравствовать! сказалъ подъячій,—мы въ каморочку пройдемъ вотъ съ ними.

— Просимъ милости, чѣмъ угощать прикажете?

Подъячій протолкался сквозь толпу до каморочки, а пожилой человѣкъ сталъ заказывать хозяину угощеніе.

Когда и онъ скрылся въ каморку, хозяинъ обратился къ подручному и сказалъ:

— Подцѣпилъ крюкъ судейскій леща.

Подручный покрутилъ головой съ усмѣшкой.

— На томъ стоитъ!.. Замотаетъ таперь его!.. Много-ль заказалъ-то?

— Почитай, что на алтынъ на десять.

— Богатый, значитъ, лещъ.

II. Опасное дѣло.

— Ну-съ, сказалъ подъячій, когда пришедшіе выпили по чарочкѣ гданской водки,—такъ какое же ваше дѣло до меня? Чѣмъ могу услужить вамъ? А прежде позвольте узнать ваше имя, отчество и прозваніе. Я, какъ сами изволите усмотрѣть, площадной подъячій, Тарасъ Ѳедоровъ Вихляевъ.

— А я прозываюсь Гуръ Савинъ Гурьевъ, корабельный плотникъ, состою на службѣ въ адмиралтействѣ, при строеніи кораблей.

— Такъ-съ, Гурій Саввичъ, значитъ, вы превысокую персону его величества государя Петра часто изволите видѣть?

— Бываетъ, случается.

— Такъ-съ. Такъ въ чемъ же ваше дѣло?

И подъячій выпилъ еще чарочку и закусилъ.

— Была у меня, видите ли, тяжбишка съ маэоромъ, графомъ Засѣцкимъ, изъ-за землишки моей. Пришлась она графу больно кстати, уголкомъ эдакъ врѣзалась въ его землю, а онъ возьми, да и отрѣжь ее, выкопалъ ямины, поставилъ столбы, распахалъ, да и засѣялъ. Что я съ нимъ подѣлаю?

— Богатый помѣщикъ-то?

— Бо-огатый! почитай, полъ-уѣзда ему принадлежитъ.

— Плохо! Засѣцкій графъ родовитъ; въ Петербургѣ родичи есть знатные, свѣтлѣйшему Меньшикову родней, кажись, приходится.

— То-то и есть! Вотъ я судиться съ нимъ, по приказамъ началъ таскаться, да гдѣ-жь его поборешь? Я-то дамъ приказнымъ алтынъ, а онъ мой алтынъ-то своимъ рублемъ покроетъ, — ну, на мое-то и не тянетъ!

— Это ужъ какъ есть! Съ богачомъ по приказамъ плохо таскаться. Я ужъ знаю; самъ это видѣлъ!

— Таскался я, таскался такъ-то, дошли мы до сената.

— Ну, и что-жъ сенатъ рѣшилъ?

— Въ сенатѣ-то и вышла запиночка. Былъ тутъ у меня знакомецъ, приказный въ сенатѣ, человѣкъ небольшой, да для дѣла-то удобный. Ну, я ему кое-что давалъ, да узнавалъ черезъ него, какъ дѣло идетъ; онъ и помогалъ немного: ино позадержитъ какую бумажку, ино поскорѣй подсунетъ,

коли для дѣла надобно... До большихъ-то господъ мнѣ ходу нѣтъ, да и надѣялся я, что мое дѣло правое — здѣсь въ Питербурхѣ, подъ царскими очами, въ превысокомъ сенатѣ не посмѣютъ по-своему правду ломать... Гдѣ-жъ тогда и правды искать, коли не у царскихъ очей, не передъ его ликомъ грознымъ?..

— Такъ-то такъ, да, вѣдь, и сенатъ тѣми же указами руководствуется; вѣдь и тамъ приказные все вершатъ и законы пригибаютъ по-своему. Гдѣ-жъ сенатору такъ тонко знать, какъ нашему брату?.. Нашъ братъ и сенатора опутаетъ, — это вѣрно! Видите, почтеннѣйшій, я по совѣсти говорю.

— Да я и самъ вижу это, что безъ руки и въ сенатѣ правды не добиться: руку надо имѣть, а я человѣкъ простой и бѣдный...

— Ну, и оттягалъ графъ Засѣцкій землю?

— Оттягалъ, какъ есть начисто оттягалъ.

— Ну, такъ и дѣлать вамъ, почтеннѣйшій, нечего! Напрасно себя тревожили, да на мое угощенье убытчились. Теперь дѣла не поправишь!..

Гуръ Саввичъ вздохнулъ и поникъ головой.

— Вотъ я же и говорилъ, что дѣло-то хоть и правое, да страшное, потому мнѣ и надобенъ человѣкъ смѣлый и знающій... Я хочу до превысокой персоны царя доходить съ этимъ дѣломъ!

— Ну, меня не станется на такое дѣло! Смѣлъ-то я смѣлъ, а царю на очи попадаться у меня смѣлости не хватитъ... Нѣтъ, это не по приказамъ волочиться! — Тамъ я куплю и продамъ, проведу

и выведу, всякаго такъ запутаю, что и самъ чортъ не разберетъ, кто правъ, кто виноватъ?.. а потомъ во-время нужному человѣку суну,—глядишь, моя правда и выходитъ!.. Это мнѣ все нипочемъ, а вотъ до царя Петра Алексѣевича доходить и съ нимъ говорить, да еще на сенатъ челобитную подавать,—нѣтъ!.. У меня и руки, и ноги затрясутся, и умъ весь потеряется, и языкъ судорогой сведетъ, какъ только онъ сверкнетъ на меня глазами!.. Экой грозный, да величественный царь! Ужъ истинно, царское достоинство! Ни въ одной землѣ нѣтъ, да, кажись, и не бывало столь величественнаго владыки!.. Голосъ—труба архангельская! глаза—молонья! руки—клещи желѣзныя!..

— Да, грозенъ нашъ царь, одначе онъ и правосуденъ, возразилъ Гуръ Саввичъ,—онъ, я чаю, заступится за праваго, коли за меня законъ стоитъ!.. Высоки и знатны персоны — сенаторы, а царь-то и ими повертываетъ! У него и знатному спуску нѣтъ, коли не по закону сдѣлалъ! Вонъ и на свѣтлѣйшемъ князѣ Меньшиковѣ,—ужъ на што высокая персона: первый послѣ царя человѣкъ, — а и то государева дубинка гуляла!.. Самъ я видѣлъ, какъ Девіера генерала государь мало-что не задушилъ, учивши уму-разуму!..

— Все такъ—и правосуденъ государь, и правду любитъ, и знатнымъ у него повадки нѣтъ, и за бѣднаго человѣка онъ заступится!—ни въ чемъ я томъ не прекословлю, и на его царскую правду всей душой полагаюсь, — ну, а въ это дѣло не вступлю... Своя шкура дороже!..

— Что-жъ за притча такая? удивился плотникъ,— и правду царь любитъ,—и правды у царя не добиться! Что-то я въ толкъ этого не возьму!.. Растолкуйте мнѣ, пожалуйста.

— Вотъ то-то и есть, что растолкуйте! Знающему-то человѣку виднѣе! Сколько лѣтъ ваше дѣло съ княземъ тянулось?

— Да годовъ, почитай, пять.

— Годовъ пять... А во скольких ъ оно присутственныхъ мѣстахъ побывало?

— Да песъ ихъ знаетъ, во сколькихъ!.. Безъ числа таскалось.

— Безъ числа... А въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ, правду-то вашу указами, да законами оспаривали, подводили указы-то, поди, чисто, безъ задоринки, путали вплотную. Одни указъ подставятъ, а другіе еще другимъ подопрутъ, третьи скрѣпятъ, четвертые одобрятъ... Гдѣ-жъ теперь ваша правда дѣвалась?.. Какъ ее изъ-подъ этой путаницы вытащить на свѣтъ Божій, да показать? Кто можетъ это, кромѣ доки-приказнаго, сдѣлать?..

— Ну, вотъ вы—дока, вы и вытащите ее, эту правду-то.

— Поздно, почтеннѣйшій, схватились! Вы бы раньше ко мнѣ пришли. Теперь это дѣло и крюками не вытащишь!

— А государь вытащитъ! Велитъ пересмотрѣть дѣло.

— А кто пересматривать-то будетъ? Тѣ же подъячіе, да сенаторы. Такъ нешто они сами себя осудятъ?

— Не тѣ будутъ разбирать, а другіе.

— А другихъ этихъ купить развѣ нельзя? А развѣ другіе-то на свою голову будутъ первыхъ выводить на свѣжую воду? Имъ самимъ потомъ житья не будетъ! Приказнымъ надо другъ за друга стоять, рука руку моетъ! И выведутъ вамъ другіе-то, что разобрано и рѣшено дѣло вѣрно и справедливо, и запрячутъ твою правду еще глубже, на вѣки-вѣчные! А челобитчику за ложный на превысокій сенатъ оговоръ въ неправдѣ,—голову долой!..

Послѣднія слова подъячій, для большаго эфекта, произнесъ съ разстановкой, отчеканивая каждое слово, и въ концѣ сдѣлалъ жестъ рукой, какъ бы что-то отрубая.

— Вона, каки дѣла! сказалъ задумчиво Гуръ Саввичъ,—выходитъ, что мнѣ правды своей никогда не найти, а еще и головы могу рѣшиться!

— Разсуждайте, какъ хотите теперь, а я вамъ объяснилъ! Ну-съ, теперь прощенья просимъ! Благодарю за угощенье! коли надумаете послѣ этого челобитную на сенатъ царю писать, такъ поищите кого другого, посмѣлѣе меня!

Съ этими словами подъячій поднялся изъ-за столика и собрался уходить.

— Да чего же вы-то боитесь? спросилъ Гуръ Саввичъ,—вѣдь я головой-то отвѣчаю, а не вы, вы въ сторонѣ.

— Нѣтъ, не въ сторонѣ теперь: недавно вотъ вышелъ царскій указъ, чтобы площадные подъячіе подписывали своимъ именемъ челобитныя,

которыя они пишутъ людямъ. Какъ вашей-то правды не выйдетъ, такъ и мнѣ плети попадутъ, скажутъ: «ты, приказный, подбилъ человѣка подать такую небылицу!» Намъ, вѣдь, тоже вѣры-то нѣтъ...

— По дѣломъ и вѣры нѣтъ, коли вы такъ человѣка опутать можете, что и царю не сыскать правды.

— Онъ-то сыщетъ?—только ему надо самому видѣть дѣло! А возьмется ли онъ за это? Ему и безъ того дѣла много. Прощайте, почтеннѣйшій!

Подъячій протянулъ руку плотнику и взялъ свою трехуголку въ руки, ступивъ шагъ къ двери.

— Погодите малость, сказалъ Гуръ Саввичъ, удерживая руку подъячаго,—вѣдь, правду люди говорятъ, что на милость образца нѣтъ. Можетъ, царь-то и вникнетъ самъ въ дѣло. Я его попрошу самъ.

— Попытайтесь, а только тѣ же подъячіе сенатскіе, али секретарь ему докладывать и объяснять будутъ,—по-своему доложатъ.

— Ишь ты, грѣхъ!

Плотникъ задумался.

— Такъ прощайте, пойду посмотрѣть, что у меня дѣлается.

— Постойте еще минуточку. А если я вамъ хорошо заплачу? Не согласитесь ли вы тогда?

— Какая-жъ ваша плата? Нѣтъ, своя шкура дороже.

— Слушайте, я рѣшился! Я дамъ двадцать рублевъ!

У подъячаго даже поджилки затряслись: плата была огромная; на такія деньги можно было мазанку или человѣка купить. Рисковать было изъ-за чего, однако и страхъ забиралъ.

— Нѣтъ, не согласенъ. Прощайте!

— Ну, я дамъ тридцать рублевъ!

Подъячій остановился, кровь прилила ему въ лицо, въ глазахъ потемнѣло, и онъ съ рѣшимостью сказалъ:

— Даете пятьдесятъ рублевъ—напишу! Куда ни шло! Плети, такъ плети!

— Не много ли? Вѣдь это шкуру драть!

— Ваше дѣло! и я шкурой отвѣчаю.

— Ну, инъ по рукамъ! Погибать, такъ погибать, а отъ дѣла не отступаться. Съ норовомъ я! Упрямъ отъ роду!

Плотникъ съ подъячимъ хлопнули по рукамъ, заручившись на опасное для обоихъ дѣло.

III. Влюбленные.

Пока Гуръ Саввичъ ходилъ по Сытному рынку, да разговаривалъ съ подъячимъ, въ квартиркѣ его, помѣщавшейся въ небольшомъ мазанковомъ домикѣ, близь рѣчки Мьи, или Мойки, молодая, миловидная дѣвушка, одѣтая въ простенькое, однако, по нѣмецкой модѣ платьице, съ раскраснѣвшимся личикомъ, возилась около широкой русской печки.

Она взяла въ руки широкую лопату, чѣмъ сажаютъ хлѣбы въ печку, отодвинула заслонку и вытащила оттуда большой душистый пирогъ.

Пока она его постукивала пальцами, да разглядывала со всѣхъ сторонъ, дверь въ сѣняхъ хлопнула и кто-то вошелъ съ улицы.

— Это ты, мама? Что такъ рано?

— Нѣтъ-съ, послышался молодой мужской голось—это я-съ... Съ праздникомъ, Анна Гурьевна, здравствуйте!

— Ахти, бѣда моя! Не могу къ вамъ выйти, Андрей Иванычъ, съ пирогомъ тутъ вожусь! отвѣчала молодая дѣвушка, сильно переконфузившись.

— Ничего-съ, помилуйте! Это даже пріятно застать дѣвицу за такимъ хозяйственнымъ занятіемъ, сказалъ молодой человѣкъ, входя изъ сѣней въ кухню.

Это былъ прапорщикъ какого-то пѣхотнаго полка, розовый и бѣлокурый, съ голубыми глазами и немного курносымъ носомъ. Лицо не было красиво, но очень добродушно; голосъ онъ имѣлъ мягкій и немного застѣнчивыя и угловатыя манеры. Видно было, что онъ выросъ въ деревнѣ и не вращался въ городскомъ обществѣ

Дѣвушка поспѣшно посадила пирогъ опять въ печку, поставила лопату въ уголъ, вытерла руки и съ сіяющимъ лицомъ подошла къ прапорщику.

— Теперь здравствуйте, Андрей Иванычъ! Мама ушла къ обѣднѣ, а мнѣ вотъ велѣла за пирогомъ присмотрѣть. Вы меня и поймали за этимъ.

Андрей Иванычъ взялъ протянутую къ нему полненькую ручку дѣвушки и три раза нѣжно поцѣловалъ; дѣвушка стыдливо потупила глазки.

— Проходите въ горницу, а здѣсь не толкитесь. Мама скоро придетъ, пообѣдаете вмѣстѣ.

— А Гуръ Саввичъ? Они дома?

— Тятенька съ утра ушли по дѣлу по какому-то. Такой чего-то чудной сегодня былъ... Говорилъ, не знаю что... Да онъ велѣлъ вамъ, коли придете, дождаться его.

— Подожду, подожду... Что-жъ такое съ нимъ сталось?

— Да Богъ его знаетъ. Да вы идите въ горницу-то! Я вотъ сейчасъ отдѣлаюсь, — кое-что поразскажу вамъ... занятно!..

Прапорщикъ прошелъ въ горницу, гдѣ уже былъ накрытъ столъ; въ комнатѣ рядомъ, подальше, слышались два дѣтскихъ голоса. Тамъ сидѣла восьми-лѣтняя вторая дочь Гура съ братишкой, пяти лѣтъ; Андрей Ивановичъ зашелъ къ нимъ, поздоровался, щелкнулъ пальцами подъ носомъ мальчика, ущипнулъ за подбородокъ дѣвочку и опять воротился въ горницу.

Минуты черезъ двѣ вошла изъ кухни и старшая дочь Гура, восемнадцатилѣтняя Аннушка, и, поправившись у маленькаго зеркальца, сѣла около молодого человѣка.

— Такъ что же такое, Анна Гурьевна, вы хотѣли разсказать мнѣ? Занятное, говорите...

— Не гораздо занятное... я васъ хотѣла только изъ кухни прогнать.

— Что-жь такое съ батюшкой-то вашимъ?

— Съ тятенькой-то? Да Господь его вѣдаетъ!..

Мы сегодня съ мамой диву дались. А только я изъ разныхъ его словъ вижу, что у него что-то насчетъ васъ въ головѣ.

— Господи! Да неужто-жъ это такъ?! обрадовался Андрей Ивановичъ, — только что-жъ онъ сдѣлаетъ?

— Что нибудь сдѣлаетъ!.. Онъ даромъ не будетъ бѣгать, а сегодня съ утра ушелъ и къ обѣду ждать не велѣлъ.

— Дивлюсь и я!.. Ахъ, Анна Гурьевна, ежелибъ мнѣ поскорѣе въ чинѣ повыситься, да вы бы не разлюбили меня до тѣхъ поръ...

— А нешто я вамъ говорила, что люблю? лукаво спросила дѣвушка.

— Какъ же это такъ? смѣшался молодой человѣкъ, — а... а давно ли вы говорили, что, вотъ, ежели бы у меня стало побольше денегъ, такъ мы бы поженились съ вами... Нешто такъ говорятъ, когда не любятъ?

Дѣвушка засмѣялась...

— Какой вы, какъ я посмотрю, довѣрчивый, Андрей Иванычъ!.. Съ вами пошутишь, а вы сейчасъ и взаправду примете...

— Да ужъ очень я люблю-то васъ, Анна Гурьевна, такъ мнѣ и боязно. Вы сами знаете, какой я человѣкъ: росъ я у дяденьки въ деревнѣ изъ милости; что было послѣ отца имѣньишко—за долги его продали, а мнѣ ничего не осталось. Выучилъ дяденька грамотѣ, да и отдалъ въ солдаты... Въ солдатахъ бы мнѣ и сгнить, кабы не мое прилежаніе да случай; теперь я на линіи офицера; те-

перь Богъ дастъ, и дальше пойду, только бы мнѣ передъ царемъ отличиться чѣмъ нибудь...

— Царь у насъ строгій, дѣловыхъ любитъ.

— Да, вѣдь, и я, Анна Гурьевна, дѣловой!.. Я очень дѣловой! Вы думаете, я, какъ другіе?.. Нѣтъ! Другіе, какъ служба кончится, сейчасъ и въ австерію, или въ казармахъ въ карты играть, или водку пить, а я—нѣтъ! я все думаю, какъ бы все лучше сдѣлать, да побольше узнать по военному дѣлу.

— Вотъ за это я васъ люблю, Андрей Иванычъ.

— Любите?.. Я еще больше стараться буду! Позвольте мнѣ вашу ручку поцѣловать.

Дѣвушка протянула ему руку и съ нескрываемой лаской смотрѣла на курчавую бѣлокурую голову молодого человѣка, пока тотъ нѣсколько разъ цѣловалъ руку.

— Вотъ, Анна Гурьевна, какой я несчастный изъ-за своей любви человѣкъ! Вижу васъ, сижу съ вами и все тогда забываю! Сидѣть бы такъ вѣчно съ вами. И вдругъ вспомню, что, можетъ, этому и не бывать никогда. Пока въ люди выберусь, можетъ, вы и разлюбите меня: другой понравится вамъ... Вотъ уйду отъ васъ — и хожу какъ угорѣлый—передъ глазами все вы стоите... просто даже службу иногда забываю... Товарищи и то ужъ смѣются—говорятъ: какъ Турбинъ отъ невѣсты придетъ—умъ потеряетъ!..

— А вы и у своихъ разсказали, что ко мнѣ сватаетесь?

— И не разсказывалъ, да узнали... Кто ихъ знаетъ, какая имъ сорока на хвостѣ принесла!

— Можетъ, сами проговорились—вы вѣдь простыня-парень.

— Не мудро и проговориться, коли все одно только на умѣ и есть, однимъ только и дышу...

— Бѣдный Андрей Ивановичъ! Вы меня очень любите?

Лукавая дѣвушка знала это и безъ словъ: каждое слово, жестъ и движеніе доказывали, что молодой человѣкъ не можетъ наглядѣться на нее, и, однако, она задала этотъ вопросъ.

— Господи! Да есть ли на свѣтѣ слова такія, какими бы я могъ вамъ любовь свою объяснить! Да я, кажись, готовъ бы...

— Ну, да, я вѣрю, вѣрю! И я васъ очень люблю и мнѣ очень грустно, что мы не можемъ скоро пожениться. За мной ничего нѣтъ, у васъ тоже ничего. Что-жъ это? Съ голоду помремъ.

— Вотъ и я то же думаю. И такъ мнѣ это мучительно, что лучше бы, кажись, я на свѣтъ не нарождался, или бы съ вами никогда не встрѣчался.

— Ну, не горюйте, пока, очень, Андрей Ивановичъ! Вчера мы съ тятенькой да съ мамой растосковались объ этомъ же самомъ, а тятенька послѣ этого возьми, да въ голову что-то и забери. Сегодня говоритъ: «Погоди, Нюша, не горюй, можетъ, Богъ дастъ, ваше дѣло и уладится... Пойду, говоритъ, разума чужого поищу, авось что и выдумаемъ». Ранехонько ушелъ, а не сказалъ зачѣмъ. Ужъ мы съ мамой дивились, дивились. А только вѣрю я и чувствую, что изъ этихъ хло-

потъ что-то хорошее должно выйти. «Молись, сказалъ, Нюша, чтобы дѣло уладилось».

— Эка, кабы что хорошее вышло! И я буду молиться каждый день, утромъ и вечеромъ. Вотъ и опять: сказали вы мнѣ такія слова, я и буду все о нихъ думать.

— А вы о пустякахъ-то не думайте, а думайте все о дѣлѣ.

— Да ежели я не могу...

— Ишь расквасился: не могу, да не могу! А ты не раскисай! ты мужчина: въ руки себя возьми.

Молодые люди вздрогнули отъ неожиданности при этихъ словахъ, произнесенныхъ почти надъ ихъ ушами. Въ дверяхъ стояла жена Гура, пришедшая отъ обѣдни; заговорившіеся влюбленные и не слыхали, какъ она вошла въ домъ.

— Ахъ, мама, я и не слыхала, какъ ты вошла!

— Здравствуйте, Прасковья Даниловна, съ праздникомъ! поднялся Андрей Ивановичъ.

— Здравствуйте, Богъ милости прислалъ! отвѣчала старуха, раздѣваясь: — ты у меня, матка, поди, пирогъ-отъ сожгла со сладкими разговорами? обратилась мать къ дочери.

— Ахти, родимая, и впрямь посмотрѣть! бросилась Аннушка къ печкѣ.

— Сиди ужь! Теперь я съ ухватами воевать буду! по духу-то какъ будто еще и не сгорѣлъ.

Черезъ нѣсколько минутъ семья Гура усѣлась за столъ.

— Надѣлали вы, Андрей Ивановичъ, съ Нюшей, старичку моему хлопотъ, сказала за обѣдомъ мать.

— Да вотъ, Анна Гурьевна разсказывали. Я и то говорю: дай, Господи, ему удачи; я молиться буду за удачу.

— Молиться-то молись, это хорошо! А, вотъ, самъ-то не плошай, да не кисни. Ты еще человѣкъ молодой и на дорогѣ... успѣешь еще до всего дойти, не торопись... Охъ, молодость, молодость! Все бы вамъ сейчасъ, да сразу.

— Нѣтъ, Прасковья Даниловна, я даже очень терпѣливый человѣкъ. Только... только я думаю... только очень ужъ я люблю Анну Гурьевну...

— Ой, замялъ! Не то хотѣлъ сказать! Ну, да погоди, вотъ, старика, что онъ скажетъ?

Послѣ обѣда мать легла соснуть, а наши молодые люди вышли въ маленькій садикъ посидѣть, да потолковать еще о своей судьбѣ, въ сотый разъ спросить другъ друга о любви, словомъ, повторить и продѣлать то, что, словно по шаблону, дѣлали и говорили люди въ одинаковомъ съ ними положеніи за тысячу лѣтъ до нихъ, да и будутъ дѣлать и говорить до скончанія вѣка. И никакіе успѣхи цивилизаціи и наукъ ни крошечки не повліяютъ на очень однообразный репертуаръ разговора влюбленныхъ.

Прасковья Даниловна давно уже встала и бродила, прибирая кое-что по дому, какъ пришелъ съ Петербургской стороны Гуръ Саввичъ, очень задумчивый и угрюмый.

Освѣдомившись о дочкѣ и узнавъ, что и Андрей Ивановичъ пришелъ, онъ, не заходя въ садъ, прошелъ въ заднюю комнату.

— Поди-ка, баба, сюда, позвалъ онъ жену.

— Ну, что тамъ еще Богъ далъ? Чево тебѣ?

Гуръ долго говорилъ съ женой, кряхтѣлъ, та охала и всплескивала руками, призывала всѣхъ святыхъ, а потомъ звонко и мелодично щелкнулъ двумя пружинами окованный сундукъ съ завѣтнымъ добромъ, отворяясь.

IV. Въ Адмиралтействѣ.

Едва начало разсвѣтать, какъ на одномъ изъ эллинговъ адмиралтейства уже начали собираться рабочіе, плотники, кузнецы, столяры, канатчики и другіе. По самой серединѣ эллинга, или деревяннаго сарая, освѣщеннаго окнами сверху и съ боковъ во всю длину его, стоялъ огромный остовъ новостроющагося корабля. Онъ походилъ на ободранный скелетъ какого-то чудовищнаго звѣря съ торчащими кверху ребрами. Кое-гдѣ засопѣли разводимые переносные горны; взвизгнулъ рубанокъ по дереву; звонко врубился топоръ въ сухое длинное бревно.

Со стороны Невы, черезъ открытую стѣну эллинга, виднѣлась рѣка, покрытая судами; противоположный берегъ зеленѣлъ деревьями, кое-гдѣ среди зелени бѣлѣли маленькія мазанковыя постройки начинающагося города.

Черезъ нѣсколько минутъ около корабля работали уже сотни народа, жужжа, точно пчелы въ ульѣ, облѣпивши его, какъ мухи, со всѣхъ сторонъ.

Нашъ знакомецъ, Гуръ Саввичъ, распоряжался плотниками, обтесывавшими бревна, и работалъ топоромъ вмѣстѣ съ другими.

Сегодня онъ явился на работу, пріодѣвшись почище, какой-то торжественный, молчаливый и блѣдный.

Причину такого состоянія Гура читатель легко угадываетъ, такъ какъ плотникъ рѣшился, наконецъ, подать свою челобитную на сенатъ самому царю въ руки.

Онъ уже отдалъ подъячему кровныя, прикопленныя деньги, пятьдесятъ рублей, а теперь несетъ и свою голову на судъ грознаго государя.

Въ этотъ день ждали царя въ адмиралтействѣ, въ которомъ помѣщалось много мастерскихъ и складовъ, касающихся до морского дѣла, но это было такое обыкновенное и частое дѣло, что никакихъ приготовленій для пріема царя не было. Каждый день всѣ неуклонно должны были находиться на своихъ мѣстахъ изъ боязни внезапнаго посѣщенія «великаго работника», у котораго не было долгаго суда за неисправность, а — дубинку въ руки—и пойдетъ «съ руки раздѣлка».

Гуръ былъ особенно внимателенъ и къ работѣ другихъ, и къ своей, добивался необыкновенной чистоты и точности, дѣлалъ замѣчанія и указанія безъ крику и прибаутокъ, какъ всегда, а тихо, степенно.

— Что-это, Гуръ-то нашъ? Ровно на духу былъ? переговаривались рабочіе.

— Дивимся и мы! Принарядился и старается.

— Царя ждетъ.

— Не въ диковинку ему царь. Встрѣчалъ царя и въ посконной рубахѣ.

— Не въ кумовья ли звать хочетъ?

— Ребята-то у него ужъ большіе, новыхъ нѣтъ.

— Дочка у него за ахвицера просватана, да что-то дѣло затянулось.

— Вотъ скорѣй, что по эфтому случаю чего нибудь просить хочетъ.

— Царь Гура любитъ—сдѣлаетъ...

— Я слышалъ, братцы, что засудили Гура: жалиться царю хочетъ, сообщилъ одинъ рабочій.

— Быть того не можетъ!

— Наши плотники видѣли, какъ Гуръ съ подъячимъ возжаться сталъ. Съ Сытнаго рынка взялъ.

— Во, каки съ Гуромъ дѣла!

А топоры во время разговора тюкали, да тюкали, обтесывая длинныя бревна.

Но вотъ, гдѣ-то на ближней гауптвахтѣ, забили барабаны дробь, послышался протяжный крикъ команды.

— Никакъ царь припожаловалъ! пронесся говоръ по элингу, и все заходило живѣе, приободрилось.

Гуръ перекрестился въ ту сторону, гдѣ стояла церковь Троицы, и ощупалъ у себя за пазухой завернутую въ платокъ челобитную.

Это былъ, дѣйствительно, царскій пріѣздъ въ адмиралтейство.

Соскочивъ съ небольшой телѣжки, онъ первымъ дѣломъ прошелъ въ канцелярію и, осмо-

трѣвъ дѣла, пошелъ въ обширные пеньковые амбары, куда складывалась пеньковая пошлина, которою были обложены всѣ русскіе города для потребностей возникающаго флота. Его не сопровождалъ никто; одѣтый въ зеленый мундиръ и высокіе ботфорты, Петръ шелъ, опираясь на свою историческую трость. Вдругъ за угломъ одного изъ амбаровъ онъ услыхалъ разговоръ:

— Понапихалъ царь этихъ нехристей — нѣмцевъ, они и прижимаютъ православныхъ.

— Ахъ, ты грѣхъ! Вѣдь, надо галанцу глотку заткнуть.

— Не дашь — чистый грѣхъ выйдетъ: обирай всю пеньку, да назадъ и вези. А тамъ, за Калугой недоимка будетъ, — царь опалу свою положитъ, что пеньку поставили худую.

— Да какого ему еще рожна нужно? Нешто это не пенька!

— Пенька, хоть куда, да коли царскій браковщикъ забраковалъ, такъ, значитъ, худа. Ничего не подѣлаешь; не волочиться съ нимъ по судамъ. Мнѣ неспособно здѣсь долго жить,—все одно растрясешь мошну-то. Лучше сразу дать, да и шабашъ!

— Да много-ль ему, псу, надобно?

— Рублевъ десятокъ вылетитъ, это, какъ есть! Неча дѣлать, надо раскошелиться.

Говорившій крякнулъ и замолкъ; Петръ, пріостановившійся, когда услышалъ первыя слова, вдругъ вышелъ изъ-за угла и увидѣлъ двоихъ купцовъ, изъ которыхъ одинъ раскручивалъ кожаную мошну, чтобы достать деньги.

— Вы что за люди? Откуда вы? Зачѣмъ здѣсь?

Купцы опѣшили отъ такого неожиданнаго появленія посторонняго человѣка и, не зная Петра въ лицо, но, подумавъ, что это кто нибудь изъ военныхъ, начальниковъ адмиралтейства, низко ему поклонились.

— Мы, ваша честь, изъ Калуги. Я—Алферовъ, купецъ.

— А это кто? Петръ указалъ на другого.

— Это мой прикащикъ будетъ, Фроловъ Семенъ.

— Какія-жъ у васъ дѣла случились въ Петербургѣ?

— Да пеньку калужскую привезли, что съ Калуги по царскому указу полагается.

— Ну, и что-жъ, сдали? Добрая пенька?

— Пенька-то добрая; только тутъ маленькая запиночка вышла,—одначе, сдадимъ, Богъ дастъ.

Купецъ боялся сказать правду, не желая нажить хлопотъ.

— Какая-жъ запинка? Браковщикъ не беретъ, что ли? Теперь царь, кажись, вѣрнаго человѣка поставилъ и знающаго,— его не купишь посуломъ.

Купцы переглянулись между собою и едва замѣтно усмѣхнулись.

— Кто его знаетъ? можетъ, оно и такъ.

— Бракуетъ, что ли, пеньку-то?

— Браковать не бракуетъ, а только...

— Что только-то? Ты говори прямо!

— Да что тебѣ, ваша честь, до нашихъ дѣловъ? Мы въ твои дѣла не вяжемся. Сдадимъ!

— Я потому спрашиваю, что поставленъ присматривать за браковщикомъ и не давать сдатчиковъ въ обиду. Хорошъ-то онъ хорошъ,—а все присматривать надо. По-та и хорошъ, пока смотришь за нимъ.

— Ой-ли? Да ты, ваша честь, не обманываешь?

— Что мнѣ тебя обманывать! Говори прямо! Браковщикъ взятку взять хочетъ?

Черные, рѣшительные глаза Петра уставились на купца, такъ что тотъ не могъ вынести ихъ взгляда.

— Хочетъ, милостивецъ, хочетъ!.. Заступись ты за насъ, сиротъ!.. Пеньку привезли добрую: и мѣрна, и мягка, что твой шелкъ, а онъ, нехристь, всю захаялъ, да въ уголъ свалилъ,—везите, молъ, назадъ, а я, молъ, царю доложу, что Калуга худую пеньку доставила! Легкое ли дѣло, до царя дойдетъ! Не пойдетъ царь пеньку осматривать, да и не увидитъ, какъ нѣмецъ увезти велитъ! Таперь вотъ раскошеливайся на десять рублевъ, чтобы ему глотку заткнуть. Совсѣмъ онъ насъ разоряетъ, заступись, коли тебя царь на то поставилъ.

Купцы низко начали кланяться Петру, а тотъ, сжавъ дубинку въ рукѣ, круто повернулся къ амбару, гдѣ работалъ голландецъ — пріемщикъ пеньки.

— Добро! Пойдемте со мной въ амбаръ, я ваше дѣло разберу!

Купцы едва поспѣвали за быстро шагавшимъ царемъ, они сами струсили отъ внезапно вспыхнувшаго гнѣва этого начальника, и по властному

тону, какой проявился въ восклицаніи его, имъ пришло въ голову: «Ужъ не царь ли это? Что-то похожъ онъ на того, какимъ его описываютъ!»

Эта догадка нисколько не обрадовала купцовъ, а, напротивъ, повергла ихъ еще въ бо̀льшій страхъ.

«А что, какъ нѣмецъ-то вывернется какъ ни на есть? Съ царемъ-то не шути: за извѣтъ, пожалуй, и головы не сноситъ! Попались наши головы! Во, бѣда-то! Може, по нашему, пенька-то и хороша, а здѣсь другое требуютъ! Правду говорятъ, что въ Питерѣ и стѣны съ ушами!»

Черезъ полминуты Петръ и купцы уже подходили къ амбару, съ широкими открытыми воротами, изъ которыхъ неслась пыль и характерный запахъ трепаной пеньки.

Царь, какъ буря, влетѣлъ въ амбаръ и прямо обратился къ голландцу-пріемщику въ кожаной курткѣ.

— Минъ геръ! привезли пеньку изъ Калуги?

Голландецъ почтительно снялъ шляпу и вытянулся передъ царемъ, поблѣднѣвши отъ неожиданности.

— Привезли, ваше величество!

— Хороша пенька? Ты ее принялъ?

— Не принялъ, ваше величество, перемочена, пряди рвутся между руками, худо трепана.

— Хорошо сдѣлалъ! Ты у меня слуга вѣрный; а покажь-ка мнѣ ее.

Голландецъ, дрожа отъ страха, повелъ царя въ уголъ амбара, гдѣ у него былъ сложенъ бракъ, но

купцы, выглядывавшіе въ ворота амбара и узнавшіе, наконецъ, что это царь, закричали:

— Не туда, всемилостивѣйшій, ведетъ тебя! Не тамъ наша пенька сложена! Наша, калужская, эвотъ гдѣ!

Петръ махнулъ имъ рукой подойти, и купцы, подбѣжавъ, пали передъ нимъ на колѣни.

— Не посѣтуй, государь, на нашу простоту! Никогда твоего лика не видали! Мужики мы простые!

— Встаньте, гдѣ ваша пенька?

Купцы вскочили на ноги и побѣжали къ углу.

— Вотъ, государь, наша пенька. Посмотри, милостивецъ, самъ!

Петръ пошелъ смотрѣть пеньку, а голландецъ, блѣдный и съ трясущимися отъ страха губами, не въ силахъ былъ ни стронуться съ мѣста, ни сказать слово въ оправданіе!

Царь живо сталъ хватать пробы, мялъ ихъ и дергалъ, встряхивалъ и разсматривалъ, перебралъ пробы изъ всѣхъ мѣстъ партіи и, взявъ, наконецъ, большой пукъ, подошелъ къ помертвѣвшему голландцу, ткнулъ ему въ лицо пенькой и, схвативъ за шиворотъ, началъ отдѣлывать дубинкой, приговаривая:

— Ахъ ты, чортъ голландскій! У тебя, пожалуй, такого и шелку нѣтъ, какъ эта пенька! Ты хотѣлъ меня въ глаза обмануть! Ты людей напрасно прижимаешь, чтобы взятку сорвать! За то я тебя въ чести держу, да большое жалованье даю? А ты что дѣлаешь? Вотъ тебѣ взятки! Вотъ тебѣ!..

Голландецъ вертѣлся, какъ червякъ, въ могучихъ рукахъ царя и жалобно просилъ о пощадѣ, а полумертвые отъ страха купцы и рабочіе не смѣли двинуться съ мѣста, глядя на царскую расправу.

V. Челобитная.

Голландецъ, браковщикъ пеньки, наказанный собственноручно царемъ, былъ тотчасъ же выгнанъ изъ адмиралтейства и на первомъ же отходящемъ кораблѣ высланъ съ нелестною рекомендаціею на родину. Окончивъ расправу дубинкой и давъ приказы о принятіи калужской пеньки и изгнаніи голландца, Петръ, весь горящій еще не остывшимъ гнѣвомъ, быстро вышелъ изъ пеньковаго амбара и направился къ элингамъ, гдѣ строились корабли.

На пути присоединились къ царю кое-кто изъ адмиралтейскаго начальства, но Петръ не замѣчалъ никого и шелъ быстро, какъ бы желая ходьбою усмирить бушевавшій въ немъ гнѣвъ. Вѣсть о катастрофѣ съ пріемщикомъ-голландцемъ тотчасъ же разнеслась по всему адмиралтейству, и на всѣхъ напалъ безотчетный страхъ, въ присутствіи великаго гнѣвнаго хозяина-царя.

У Гура захолонуло сердце, когда онъ увидѣлъ Петра, входящаго быстрой походкой на элингъ.

«Ой, какъ грозенъ!» подумалъ Гуръ: «теперь у него всякая вина виновата... Подождать лучше подавать-то челобитную. А и не подать нельзя:

скоро уѣдетъ царь, я слышалъ... А тамъ жди, можетъ, годъ или два... Эка напасть! Не въ часъ я собрался со своей кляузой...»

Петръ въ сопровожденіи голландца, корабельнаго мастера, пошелъ осматривать остовъ новостроющагося корабля и дѣлалъ свои замѣчанія и указанія короткими, отрывочными фразами, изобличавшими еще не улегшееся душевное волненіе. Мастеръ-голландецъ присмирѣлъ, пристыженный проступкомъ своего земляка.

«Что, какъ и тутъ», думалъ Гуръ, «государь найдетъ что нибудь не такъ, да еще разсердится! Тогда мнѣ къ нему и не подойти!»

Однако, лицо государя, видимо, прояснялось; строющійся корабль былъ самаго новаго фасона, и постройка его нравилась Петру; мало-по-малу онъ успокоился, войдя въ интересныя для него подробности постройки. Осмотрѣвъ остовъ, онъ перешелъ къ группѣ плотниковъ, бывшихъ подъ наблюденіемъ Гура. Гуръ выпрямился передъ царемъ и снялъ шапку, оставивъ топоръ въ бревнѣ.

— Изрядно, чисто оттесываете, сказалъ царь, разсматривая работу; тотчасъ взялъ лекало и прикинулъ къ бревну, чтобы узнать точность размѣровъ.

— Какъ разъ! Изрядно, Гуръ, изрядно! Ты никогда не подгадишь! Сколько тебя знаю,—всегда доволенъ! Спасибо!

— Радъ твоему царскому величеству стараться! сказалъ дрожащимъ отъ радости голосомъ Гуръ и низко поклонился царю.

— И вы молодцы, сказалъ Петръ плотникамъ, окидывая взоромъ ихъ работу; — кабы всѣ такъ старались, тогда мои корабли лучше голландскихъ были бы. Такъ ли, минъ геръ?

Голландецъ-мастеръ скрылъ улыбку сомнѣнія на лицѣ и почтительно отвѣчалъ:

— Такъ, ваше величество.

Государь окончально повеселѣлъ, и глаза сверкнули радостью.

— Ну, старайтесь, ребята! Коли, Богъ дастъ, хорошо спустимъ этотъ корабль, — всѣмъ награда будетъ знатная. Спасибо, утѣшили, а то я отъ этого проклятаго голландца совсѣмъ въ сердце вошелъ.

Петръ собрался было уходить и повернулся уже къ выходу, какъ Гуръ, торопливо перекрестясь, вынулъ изъ-за пазухи свою челобитную и всталъ поперегъ дороги царю.

Царь замѣтилъ этотъ маневръ и, подойдя къ Гуру, спросилъ:

— Тебѣ что?

— Ваше величество, государь милостивый! Прими мое челобитье тебѣ, разсуди меня съ разорителемъ моимъ.

Государь взялъ челобитную изъ рукъ Гура, развернулъ ее и пробѣжалъ глазами. Лицо его опять потемнѣло.

— Это ты на сенатъ мнѣ жалуешься?

— На сенатское рѣшеніе по моему дѣлу, всемилостивѣйшій.

— А ты знаешь, Гуръ, что бываетъ тому, кто на сенатъ ложно доноситъ?

— Знаю, всемилостивѣйшій! быть тому въ казни и разореніи.

— Знаешь—и все-таки подаешь? Хорошо!

Петръ сложилъ челобитную и хотѣлъ было уже идти дальше, но вдругъ снова протянулъ бумагу Гуру со словами:

— Нѣтъ, Гуръ, жалко мнѣ тебя потерять; не мастакъ ты, какъ я вижу, судиться! Возьми назадъ челобитную, да поговори съ тѣмъ, кто умнѣй тебя въ этомъ дѣлѣ. Подумай еще. Черезъ три дня я буду въ адмиралтействѣ, такъ ты мнѣ и подай тогда челобитную, коли не отдумаешь.

Петръ круто повернулся и вышелъ, оставивъ челобитную въ рукахъ сконфуженнаго Гура.

Гуръ постоялъ нѣсколько секундъ, смотря на бумагу безсмысленно, удивленный неожиданнымъ оборотомъ дѣла, а потомъ опять бережно сложилъ челобитную, завернулъ въ платокъ и спряталъ за пазуху.

Работа сильно не спорилась у него вплоть до шабаша, а придя домой, Гуръ засталъ у себя подъячаго Тараса Ѳедоровича Вихляева, пришедшаго освѣдомиться о судьбѣ написанной имъ челобитной. Они вошли въ заднюю комнату.

— Насилу, Гуръ Савичъ, дождался тебя! Просто, душа изныла. Ну, что? какъ царь принялъ?

— Да что, Тарасъ Ѳедорычъ. Такъ повернулось, что ужъ не знаю, какъ и сказать тебѣ! отвѣтилъ уныло Гуръ.

— А что такое случилось? испугался подъячій.

— А то случилось, что царь моей челобитной не принялъ. Взялъ сначала, спросилъ меня: знаю ли я, что за это бываетъ?—а потомъ и отдалъ мнѣ ее назадъ. «Жалко мнѣ тебя, Гуръ, потерять, сказалъ: подумай объ этомъ три дня, посовѣтуйся, кто поумнѣе!»

— Ахъ, ты, батюшка родный! воскликнула жена Гура, слушая это интересное для нея дѣло и умиленная словами Петра:—вонъ онъ какъ тебя, Гурушка, жалѣетъ! Бросили бы вы это дѣло, право, бросили!

— Не суйся, баба, куда не спрашиваютъ! строго сказалъ ей Гуръ:—не твоего это ума дѣло! Собери лучше, что поснѣдать, а что сдѣлаемъ, такъ мы и сами обсудимъ.

Хозяйка ушла на кухню, а Гуръ сѣлъ съ подъячимъ на лавку и сталъ разсуждать.

— Любитъ тебя, видно, государь? спросилъ подъячій.

— Онъ меня любитъ, завсегда ласковъ, а сегодня я и особой чести удостоился: при всѣхъ сказалъ, что «Гуръ у меня никогда не подгадитъ! Сколько, говоритъ, я его ни знаю,—всегда доволенъ былъ!» И царской его благодарности я удостоился, и мастеровъ моихъ похвалилъ, и награду всѣмъ обѣщалъ. Спаси, Господь, его царскую милость!

Послѣднія слова Гуръ сказалъ прерывающимся голосомъ, а въ дверяхъ кухни захныкала жена Гура, слышавшая ихъ разговоръ.

— Ты чего? спросилъ Гуръ.

— Больно радостное ты разсказываешь! Не могу отъ слезъ удержаться!

— Ну, такъ въ шляпѣ наше дѣло, Гуръ Савичъ, воскликнулъ подъячій,—коли ты такую царскую милость на себѣ носишь, то и не обидитъ тебя онъ!.. Когда онъ сказалъ подавать-то?

— Черезъ три дня будетъ, говоритъ, въ адмиралтействѣ,—тогда подай.

— И подай, безпремѣнно подай!.. А когда царь приметъ, такъ одной милости попроси: чтобъ не однихъ сенатскихъ дѣло пересмотрѣть позвалъ, а кого нибудь изъ посторонниxъ.

— Да ужъ подамъ!.. Взялся, такъ ужъ буду лѣзть дальше. Гдѣ моя землица, да денежки,—тамъ и головѣ быть!

— Ничего, Гуръ Савичъ! Сдается мнѣ, что наше дѣло не худо!

Черезъ три дня государь, дѣйствительно, пріѣхалъ въ адмиралтейство, и Гуръ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его на элингѣ.

Но Петръ, вѣрно, торопился куда нибудь, и его телѣжку отозвали отъ элинга, гдѣ она ожидала царя обыкновенно, къ канцеляріи. Гуръ увидѣлъ, что царь не будетъ на элингъ, и поспѣшилъ за телѣжкой, чтобы не упустить случая. Черезъ пять минутъ ожиданія у крыльца канцеляріи государь вышелъ и, увидавъ Гура, немного поморщился.

— Ты опять со своей челобитной на сенатъ?

— Опять, ваше величество!.. Вмѣстѣ съ головою подаю.

— Жаль мнѣ твоей головы! Старый ты человѣкъ, а шутишь головой, какъ ребенокъ. Ну, я сегодня ее не возьму, а ужъ для трехъ разъ приди еще черезъ три дня, а въ это время еще потолкуй съ кѣмъ нибудь, еще поумнѣй выбери! Прощай!

Телѣжка тронулась; Гуръ съ обнаженной головой и бумагой въ рукахъ долго провожалъ ее глазами, пока она не скрылась, а потомъ накрылся шапкой, прошелъ нѣсколько шаговъ и, какъ бы очнувшись отъ забытья, вдругъ сердито плюнулъ въ сторону и воскликнулъ:

— Тьфу ты, пропасть! Да никакъ это царь смѣется надо мной? Онъ просто не хочетъ принять челобитной! Что, какъ и въ третій разъ онъ не приметъ? Стыдъ мнѣ и срамъ будетъ, старому дураку! Не за свое дѣло взялся!

Сильно раздосадованный пришелъ Гуръ на верфь и очень неохотно отвѣчалъ на вопросы окружающихъ о челобитной.

«Говорятъ, мужикъ сѣръ, да глупъ,—такъ оно и правда», ворчалъ онъ:—«ему бы бревна тесать, да пазы долбить, а онъ съ худой-то головой въ чадъ полѣзъ, судиться задумалъ!»

— А головоломное, надо быть, у тебя, Гуръ Савичъ, дѣло, коли государь, тебя жалѣючи, челобитной не принимаетъ?

— Да ужъ вѣрно, что голову тутъ сломить! Правду государь сказалъ: «какъ ребенокъ головой играешь».

— Бросилъ бы...

— Да, кажись, что и брошу, говорилъ въ досадѣ Гуръ, вымещая свое сердце на бревнѣ.

Однако, упрямство Гура перемогло въ немъ желаніе бросить дѣло; онъ только отъ досады за свое смѣшное положеніе съ челобитной, которую не принимаютъ, говорилъ такъ, а въ душѣ хотѣлъ упорно настоять на своемъ.

Вечеромъ онъ опять встрѣтился съ подъячимъ, котораго тоже немножко удивила и сконфузила новая неудача.

Потолковавъ, челобитчики рѣшили попытаться подать и въ третій разъ, а если не удастся, то и бросить дѣло.

Подъячій обѣщалъ, въ случаѣ непринятія челобитной, возвратить Гуру половину денегъ, полученныхъ за писанье, чѣмъ высоко поднялъ себя во мнѣніи Гура.

— Ахъ, Тарасъ Өедорычъ! Вотъ не ожидалъ такой добродѣтели! Будь же мнѣ пріятель закадычный, авось другъ другу понадобимся!

Плотникъ съ подъячимъ крѣпко обнялись, а баба вносила уже разныя яства и радовалась, что у нихъ въ домѣ «все по-хорошему».

Еще черезъ три дня, въ праздникъ, узналъ Гуръ, что будетъ царь въ церкви Троицы, и пошелъ на Петербургскую сторону. По выходѣ царя изъ церкви, когда онъ шелъ площадью, Гуръ таки протискался сквозь толпу, держа въ рукахъ челобитную.

— Почтенный! замѣтилъ ему какой-то человѣкъ въ камзолѣ и треуголкѣ, повидимому приказный:—

али ты не знаешь указа о неподачѣ самому царю челобитныхъ? На то есть коллегіи.

— Знаю, сударь мой, царь отъ меня приметъ... Такое дѣло!

«Не сдобровать ему!» замѣтилъ приказный, когда Гуръ удалился.

Плотникъ добрался до Петра, низко ему поклонился и, подавая челобитную, сказалъ:

— Будь здоровъ на многія лѣта, великій государь! А я опять къ тебѣ съ челобитенкой,—прими, всемилостивѣйшій.

Лицо Петра потемнѣло, онъ сдвинулъ брови.

— Экой ты, Гуръ, сутяга! Толковалъ ты съ умными людьми?

— Толковалъ, государь; въ правдѣ своей увѣренъ.

— Ну, такъ беру! А ты, Гуръ, на всякій случай духовную приготовь: теперь тебѣ никакой пощады не будетъ!

— Вся твоя царская воля надо мной, всемилостивѣйшій! Только, государь, одного у тебя прошу: ты обѣщалъ намъ награду за голланской корабль; замѣсто награды мнѣ, пожалуй, государь—возьми кого знающаго приказнаго не изъ сенатскихъ для разбору и докладу моего дѣла твоей милости.

Петръ улыбнулся.

— Вижу, что ты съ умными людьми совѣтовался. Только духовную-то все-таки готовь: я не поваживаю ябедниковъ!

Гуръ еще разъ низко поклонился, коснувшись рукой земли, и отошелъ, а царь прослѣдовалъ къ крѣпости.

VI. Подъячій въ ужасѣ.

— Ну, другъ, Тарасъ Өедорычъ, сказалъ Гуръ, придя къ себѣ съ Троицкой площади, подъячему, ждавшему его обѣдать, и уведя его въ садъ, чтобы поговорить наединѣ:—кинули мы съ тобой камешекъ, да не утянулъ бы онъ и насъ самихъ! Какъ-то его умные люди вытащатъ!

— Значитъ, принялъ царь челобитную?

— Принялъ и велѣлъ духовную писать.

Жена Гура завыла при этихъ словахъ.

— Ой, да сердешной мой касатикъ, Гурушка! И что это вы за дѣло затѣяли? Да спокинешь ты насъ сиротъ горькіихъ. Да и лучше бы вамъ за это дѣло не приматься!

— Погоди, баба, не вой! успѣешь еще наплакаться, а пока дай-ка намъ пообѣдать, да потолкуемъ мы вотъ съ Тарасомъ Өедорычемъ.

— А просилъ ты, какъ я тебя училъ, царя, чтобы приказныхъ-то не сенатскихъ назначилъ?

— Просилъ. И только я это слово вымолвилъ, какъ царь усмѣхнулся эдакъ и говоритъ: «Видно, что ты съ хорошими людьми совѣтовался»,—а духовную, баетъ, все-таки пиши, я, молвилъ, ябедниковъ не люблю!

— Такъ и сказалъ: съ хорошими, молъ, людьми совѣтовался? переспросилъ довольный подъячій,

— Такъ и сказалъ: «съ умными, видно, говорилъ!»...

— Да, ужъ въ этихъ дѣлахъ не подгадимъ! прихвастнулъ подъячій, гордо улыбаясь:—ишь ты, царь похвалилъ!

— Коли что умно, то какъ и не похвалить! заключилъ Гуръ въ утѣшеніе подъячаго, хотя у самого на сердцѣ кошки скребли.

Въ садъ пришла, обезпокоенная слезами матери, дочка Гура.

— Тятенька! что ты такое затѣялъ? Погляди, какъ мама убивается! Если ты для меня что нибудь,— такъ мнѣ ничего не надо. Не губи ты, тятенька, себя!.. Вонъ, мама говоритъ, что ты подъ гнѣвъ царскій себя подводишь.

Гуръ ласково погладилъ дочку по головѣ.

— Ничего, Нюша, обойдется!..Молись Богу, авось, Онъ поможетъ... Насъ, вонъ, съ Тарасъ Ѳедорычемъ самъ царь за умъ похвалилъ: «умные вы, баетъ, люди!»... Авось, мы хоть за умъ-то не пропадемъ... Хоть и говорится пословица, что «смѣлый самъ на бѣду наскочитъ», однако, тамъ же сказано, что «на смирнаго Богъ нанесетъ»... Коли быть бѣдѣ, такъ не убѣжишь!.. Не воротишь теперь, Нюша!.. Молись Богу лучше... Андрей-то Иванычъ здѣсь?

— Здѣсь, тятенька, — онъ Матрешѣ съ Петей книжку съ картинками показываетъ...

— Позови его сюда... Да съ матерью-то тамъ опять не начните плакать... Утѣшь ее, она старый человѣкъ... Дуракъ я, что проговорился-то...

— Да. Это напрасно! сказалъ подъячій.

Аннушка ушла въ домъ; скоро вышелъ въ садъ Андрей Ивановичъ.

— Слышалъ, Андрей Ивановичъ, что у насъ завелось?

— Слыхалъ-съ, что Парасковья Даниловна что-то плачутъ, а что собственно—не знаю.

— Такъ вотъ, видишь ли, другъ Андрей Ивановичъ, нонче я камешекъ забросилъ... Или панъ, или пропалъ! Коли наше вывезетъ—твое счастье!.. коли не вывезетъ,—ты ужъ Нюшу не брось!.. Женись на ней... кое-что изъ остаточковъ, можетъ, ей придется на первое время, а тамъ—старайся самъ. Ты человѣкъ дѣловой,—царь такихъ любитъ, можетъ, и замѣтитъ тебя.

— Ахъ, Гуръ Савичъ! да какъ вы могли подумать, что я Анну Гурьевну брошу? Да, кажись, громъ небесный грянь, такъ я и тогда ее не оставлю!

— Ну, и спасибо тебѣ... Дай я тебя поцѣлую, зятекъ мой будущій.

Прапорщикъ со слезами на глазахъ бросился на шею плотника, и они крѣпко троекратно поцѣловались.

— А теперь обѣдать пойдемте... Никто, какъ Богъ!..

Послѣ обѣда у Гура,—день былъ праздничный,—подъячій пошелъ къ своему столику на Сытномъ рынкѣ, гдѣ орудовалъ дѣлами его помощникъ, рыжій, встрепанный и всегда навеселѣ, Прохоровъ.

— Ну, какъ у тебя дѣла? спросилъ подъячій.

— Идутъ. Подписывай, вотъ челобитныя. И Прохоровъ указалъ на кучку бумагъ, приготовленныхъ къ подписи.

Когда стемнѣло, подъячій разсчитался съ своимъ помощникомъ, что онъ дѣлалъ каждый день, послѣ чего Прохоровъ, одинокій человѣкъ, направился прямо къ ближайшей австеріи прокучивать заработанныя деньги.

Подъячій задумчиво пошелъ домой; невеселыя мысли овладѣли имъ. «Дѣлишки идутъ ничего-себѣ: можно бы теперь и домикомъ обзавестись и начать жить получше на другую стать... Да нельзя, надо подождать, чѣмъ это дѣло кончится. А можетъ выдти и плохо. Деньги-то я припрячу; коли что выйдетъ неладное,—все-таки я не разоренъ буду, ну, а спина-то заживетъ! Однако, къ чему было въ такія дѣла лѣзть? Сразу разбогатѣть захотѣлъ? надоѣло по грошамъ наколачивать?..»

Придя домой, подъячій засталъ неожиданнаго посѣтителя. Его ждалъ курьеръ, и какъ только подъячій вошелъ въ комнату, ему было объявлено, чтобы онъ тотчасъ же слѣдовалъ за посланнымъ къ самому царю, въ новый Лѣтній дворецъ.

Подъячій поблѣднѣлъ и струсилъ смертельно; онъ даже едва удержался на ногахъ и долженъ былъ схватиться за стѣнку, чтобы не упасть.

«Вотъ она, кара-то!» мелькнуло въ головѣ подъячаго, «я думалъ, бѣда-то за горами, а она за плечами стоитъ!.. И денегъ не успѣлъ припрятать, какъ слѣдуетъ!»...

— Къ царю? къ самому царю?.. прерывающимся голосомъ переспросилъ подъячій.

— А ужь тамъ не знаю, къ кому... отъ государя приказъ данъ: сыскать площадного подъячаго Тараса Вихляева и въ одночасье доставить въ Лѣтній дворецъ.

— Не знаешь, любезнѣйшій, по какому дѣлу? Мы здѣсь люди свои, не разгласится, спросилъ вкрадчиво подъячій и сунулъ въ руки курьеру нѣсколько денегъ.

— Не могу знать, истинно говорю, что не знаю! Данъ мнѣ приказъ черезъ царскаго дневальнаго,— я на дежурствѣ былъ во дворцѣ. Собирайтесь, пожалуйста, поскорѣе!

— Сейчасъ, любезнѣйшій, сейчасъ... дай хоть что почище надѣть предъ царскія очи.

Подъячій вышелъ въ сосѣднюю комнатку и началъ шептать перепуганной женѣ, чтобы она припрятала деньги куда нибудь подальше.

— Да я къ отцу снесу.

— Ну, и хорошо! Господи, что-то будетъ? Прощай...

Подъячій крѣпко обнялся съ женой, какъ бы прощаясь на вѣкъ, жена заплакала, но курьеръ торопилъ, и черезъ минуту Тарасъ Вихляевъ уже шелъ къ Невѣ, чтобы переѣхать на Адмиралтейскую сторону къ новому Лѣтнему дворцу, только что отдѣланному въ Лѣтнемъ саду, въ углу, гдѣ сходится Нева съ Фонтанкой.

Курьеръ и подъячій всю дорогу молчали: одинъ изъ служебнаго долга, другой—перебирая въ головѣ разныя мысли.

«А что, какъ всплыло какое нибудь старое дѣло?» думалось подъячему, «много ихъ было у меня и за каждое, узнай только царь, не миновать бы плетей. И какъ я встану съ нимъ очи на очи! Я и издали-то съ трепетомъ на него смотрю, а тутъ... пропадетъ моя голова!.. Эдакого страху еще въ жизни у меня не было».

Вотъ и противоположный берегъ Невы: темнымъ силуэтомъ видно двухъ-этажное зданіе Лѣтняго дворца; въ нѣсколькихъ окнахъ верхняго и нижняго этажей видны слабые огоньки. Сердце подъячаго совсѣмъ упало, когда казенный катеръ присталъ къ пристани Лѣтняго дворца, и онъ пошелъ за курьеромъ въ садъ. Но бѣда была непредотвратима,—никуда не убѣжишь!.. Часъ возмездія приближался грозно, и у подъячаго душа въ пятки уходила отъ мысли, что онъ сейчасъ встрѣтится лицомъ къ лицу съ монархомъ, одинъ видъ котораго приводилъ подъячаго въ замѣшательство и заставлялъ «прилипать языкъ къ гортани», «заходить умъ за разумъ».

Въ небольшихъ сѣничкахъ дворца подъячаго съ курьеромъ встрѣтилъ дневальный государя и тотчасъ же пошелъ доложить о нихъ.

— Велѣно подождать, сказалъ дневальный, воротясь отъ царя, и подъячій сѣлъ на деревянную лавку, а курьеръ скрылся, исполнивъ свое порученіе.

За дубовыми рѣзными дверями, ведущими въ первую комнату дворца, слышались голоса, шаги, звяканье оружія.

Изъ дверей выходили разные люди въ военной формѣ и вышитыхъ камзолахъ; нѣкоторые несли какія-то бумаги, иные поднимались по лѣстницѣ во второй этажъ. Видимо, что царь работалъ безъ устали и вечеромъ, въ этомъ дворцѣ, построенномъ для отдыха и семейной жизни царя.

Спустя нѣсколько времени черезъ сѣни пронесли въ комнаты двѣ большихъ груды какихъ-то дѣлъ; подъячій съ любопытствомъ приглядывался ко всему, происходящему вокругъ него, не смотря на чувство тоски и страха, которое онъ испытывалъ. Ему въ первый разъ приходилось быть во дворцѣ такъ близко отъ царя, чувствовать его жизнь и дѣятельность, которою живетъ и дѣйствуетъ вся обширная Россія.

Наконецъ, Тараса Вихляева позвали къ царю.

Онъ вскочилъ, ноги его затряслись отъ страха, лицо поблѣднѣло... Лучше бы не идти, но дневальный держитъ передъ нимъ дверь отворенною и строгимъ взглядомъ приглашаетъ войти.

Подъячій невѣрными шагами направился въ комнату, шепча молитвы и втихомолку крестясь.

VII. Два приказныхъ крюка.

Подъячій, дрожа отъ страха, вошелъ въ небольшую комнату въ нижнемъ этажѣ. Въ углу стоялъ столъ съ двумя завязанными кипами бумагъ; лѣвѣе отъ входа виднѣлась низенькая рѣшетчатая дверь темной комнаты, у которой стоялъ гвардеецъ-часовой съ ружьемъ. У двери, ве-

дущей во внутреннія комнаты, стоялъ какой-то чиновникъ въ камзолѣ, съ треуголкой подъ мышкой, чисто выбритый и одѣтый во все новое.

— Погоди здѣсь, сказалъ подъячему дневальный и притворилъ дверь.

Подъячій остановился у стѣнки, вытянувшись, еле различая отъ страха окружающіе его предметы. Въ сосѣдней комнатѣ слышался разговоръ многихъ голосовъ, вдругъ замолкшій, когда раздался звучный голосъ пришедшаго царя. Всѣ трое, безмолвно стоявшіе въ угловой комнатѣ: часовой, чиновникъ и подъячій, какъ-то даже вздрогнули при звукѣ этого властнаго голоса и выпрямились еще болѣе.

Выйдя въ угловую комнату, Петръ оглядѣлъ стоящихъ и обратился къ чиновнику во всемъ новомъ:

— Ты изъ сената?

— Секретарь, ваше величество, отвѣчалъ съ низкимъ и медленнымъ поклономъ чиновникъ.

— Дѣло Гурьева принесли?

— Вотъ оно на столѣ, указалъ чиновникъ на двѣ связки бумагъ.

— Хорошо! А ты кто? обратился царь къ подъячему.

— По-по пло-площаднойподъячій, Тарасъ Ѳедоровъ Вихляевъ, ваше величество, едва отвѣтилъ подъячій коснѣющимъ языкомъ.

— А-а! Вотъ ты какой молодецъ! Ты, вѣрно, ходокъ, коли такія челобитныя пишешь! сказалъ Петръ, насмѣшливо улыбнувшись:—ты развѣ не

знаешь законовъ, что берешься за такія дѣла, не отговариваешь челобитчиковъ? Или ты за халтуру готовъ отца родного засудить? Я кляузниковъ не поваживаю. Это ты научилъ Гура дѣло затѣять? Говори!

Петръ подошелъ близко къ подъячему и вперилъ въ него строгій взглядъ, ожидая отвѣта. Подъячій затрясся, какъ листъ, не будучи въ состояніи собрать словъ для отвѣта, открыть ротъ. Личность царя, дѣйствительно, производила на него, какъ и на многихъ другихъ, магически-внушительное дѣйствіе.

— Я, ваше величество... Нѣтъ... Я не уговаривалъ... Я не брался за это дѣло. Я говорилъ о законѣ... Виноватъ, ваше величество!

— А! вотъ теперь такъ трясешься! Ты на какой площади кляузы строчишь?

— На Сытномъ рынкѣ, ваше величество.

— Вотъ, вотъ! Это ты самую-то черноту, да простоту морочишь!

Подъячій стоялъ безмолвенъ.

— Ну, такъ вотъ, кажется, ты и докляузничался до своего! Разбери, вотъ съ сенатскимъ секретаремъ это дѣло, все подробно; кто тутъ правъ, кто виноватъ? гляди въ оба, коли ты знатокъ! Береги свою и Гурову спину. Коли ваша челобитная попусту затѣяна, — обоимъ вамъ не сдобровать!

Тутъ только подъячему и секретарю стало ясно, зачѣмъ они столь неожиданно призваны въ царскій дворецъ. У подъячаго отлегло немного отъ

сердца: онъ ожидалъ худшаго и никакъ не предполагалъ, что судбище по челобитной Гура произойдетъ такъ скоро. Сегодня только она была принята царемъ, сегодня же и дѣло у царя на столѣ, вышло изъ пыли архивнаго забвенія! «Круто повернулъ», подумалъ подъячій, приблизившись къ дѣлу. Сенатскій секретарь, положивъ шляпу, тоже подошелъ къ связкамъ пожелтѣвшихъ бумагъ разной величины, обвернутыхъ въ синія обложки. «Что еще за законникъ проявился, чтобы сенаторовъ провѣрять?» думалъ секретарь, хмуро глядя на подъячаго и снимая веревки; о поданной царю челобитной на сенатъ секретарь не зналъ и только теперь догадался.

— Вотъ вы тутъ разберите все по статьямъ, что куда, чтобы мнѣ ясно было, а я потомъ приду, и вы мнѣ все изложите,—сказалъ царь и повернулся къ часовому.

— Маршъ домой! репортуй, что я тебя отпустилъ! и когда часовой вышелъ въ дверь, Петръ пріотворилъ двойную дверь темной комнаты и вызвалъ оттуда молодого офицера.

— На первый разъ ты у меня дешево отдѣлался! сказалъ царь офицеру, — вы тамъ, у нѣмцевъ-то, разбаловались, думаете и здѣсь вамъ такая же воля! Врешь, братъ! чтобы я впередъ не слыхалъ о лѣности! Возьми оружіе и ступай.

Сконфуженный офицеръ подпоясалъ висѣвшую тутъ же шпагу и, держа руку у козырька, задомъ вышелъ изъ комнаты.

— Поскорѣй разберите и скажите дневальному,

когда готово будетъ! обратился Петръ, по уходѣ офицера, къ секретарю и подъячему и вышелъ во внутренніе покои дворца. Двое приказныхъ остались около дѣла, разбирая его.

— Что такое вышло? спросилъ сенатскій секретарь подъячаго,—дѣло конченное, вдругъ потребовали изъ архива въ одночасье къ царю?

— Челобитная тутъ была подана царю.

— Челобитная на сенатъ?.

— Да, на сенатъ, отъ плотника корабельнаго.

— Это ты его настроилъ, што-ль?

— Гдѣ я! Я и руками, и ногами отъ этого дѣла! Упросилъ. Вѣрно, на царя надѣялся.

— Что-жъ мы будемъ теперь съ тобой дѣлать?

— А вотъ разберемъ дѣло отъ нижнихъ мѣстъ до вышнихъ, дойдемъ и до сената... гдѣ какіе указы подведены, посмотримъ. Плотникъ-то жалуется, что больно его обидѣли, кровное отняли.

— Вѣрно, онъ о двухъ головахъ?

— И я говорилъ, что дѣло опасное... поди съ нимъ! Упрямъ!

— Тебя-то тутъ зачѣмъ царь призвалъ? Ты сенаторамъ не судья.

— Его воля царская, я не просился. Мнѣ своя голова дорога.

Разговаривая такимъ образомъ, секретарь съ подъячимъ разбирали дѣла на отдѣльныя кучки, по инстанціямъ, какія оно прошло въ пять лѣтъ. Черезъ часъ работы дѣло было разобрано вполнѣ.

— Надо бы почитать дѣльце-то, да изготовиться

объяснить царю, сказалъ подъячій, беря одну пачку.

— Чего тутъ читать!.. Читано и сужено безъ тебя! возразилъ секретарь,—не глупѣе тебя люди судили, опять же въ сенатѣ оно пересматривалось и найдено правильнымъ... Нечего читать! Я вотъ все по статьямъ и доложу государю; мнѣ не впервой, а ты, поди, и государя-то никогда не видалъ?

— Какъ же въ Петербургѣ живучи государя не видать?.. А что насчетъ правильности, такъ не даромъ, поди, человѣкъ жаловался, голову на плаху клалъ, отыскивая своей правды... Я самъ на приказномъ дѣлѣ съизмалѣтства,—знаю, что иногда правда-то на одну ножку хромаетъ отъ посула... Кабы все по правдѣ-то дѣлалось, — нашему-то брату, приказному, и ѣсть нечего было бы...

— Уменъ ты, я вижу, да не очень!.. Какъ же ты будешь превысокій сенатъ въ неправдѣ уличать?.. Да, вѣдь, тебя, какъ муху, раздавятъ за это...

— Что-жъ мнѣ, бѣдному человѣку, дѣлать прикажете?.. Вотъ тутъ я нашелъ первую закорючинку: подведена статья уложенія царя Алексѣя Михайловича, тогда какъ есть на этотъ счетъ указца два позднѣе, отъ нынѣшняго царя даны.

— Гдѣ? гдѣ?.. Что ты врешь?.. Это, можетъ быть, по ошибкѣ?

— Посмотримъ: ошибку должны въ вышнемъ судѣ замѣтить и исправить... Вотъ теперь тутъ прочтемъ... Не замѣчено и подтверждено... Вотъ ошибочка-то и проскочила, да на шею человѣку

и сѣла... Теперь вотъ въ показаніяхъ свидѣтелей-старожиловъ разнота: сначала всѣ показывали за Гурьева, а потомъ, видно, настращали ихъ, или купили,—за князя Засѣцкаго... Дальше вонъ: лѣсъ-то, князь показывалъ, наслѣдственный его, заповѣдный, а тутъ ужъ онъ и на срубъ проданъ... Торопился, чтобы не отсудили.

Площадной подъячій совсѣмъ ушелъ въ распутываніе судейскихъ крючковъ и подвоховъ, увлекся, какъ знатокъ и любитель приказныхъ каверзъ. Какъ лестно ему было запутать всякое дѣло, такъ теперь онъ, какъ артистъ, разбиралъ по ниточкѣ искусную работу другихъ каверзниковъ. Онъ не слушалъ уже, какъ багровый отъ злости секретарь вырывалъ изъ рукъ его листы, путалъ дѣло и перебивалъ его.

— Да ты постой!.. Что ты изъ пятаго-то въ десятое скачешь? Видалъ ли ты, какъ дѣла-то дѣлаются? а лѣзешь другихъ учить!.. Гдѣ тутъ разнота? кипятился секретарь, хватая дрожащими руками то̀ одну связку, то другую.

— А вотъ-съ, посмотрите... Тутъ, вотъ, старый планъ, на который Гурьевъ ссылался, вдругъ куда-то запропастился, а черезъ нѣсколько времени отыскалась новая копія плана, точный, яко бы, противень стараго, а Гурова-то землица тамъ князю отмежевана... Эхъ! вотъ это нечисто сдѣлано... Не было у Гура ходока въ тѣ поры,—онъ бы подловилъ на этомъ...

— Экой ты крючокъ, прости Господи!.. Постой, не ройся! слушай, брось на минуту!

Подъячій поднялъ разгорѣвшееся лицо отъ груды бумагъ и взглянулъ блестящими отъ возбужденія глазами на секретаря... Тотъ приблизился къ уху подъячаго и что-то прошепталъ... Подъячій даже въ лицѣ перемѣнился и, отшатнувшись отъ секретаря, замахалъ руками.

— Что вы! что вы!... Это подъ царскими-то очами?.. Да не объ двухъ мы головахъ... У меня дома жена на сносяхъ, дѣти малыя... Экое дѣло выдумали!.. Мнѣ своя шкура дороже денегъ... Нѣтъ, нѣтъ!.. Лучше вы мнѣ теперь не мѣшайте дѣло разобрать, скоро и царя надо звать...

Секретарь поблѣднѣлъ и схватился за голову руками, но подъячій, не замѣчая этого, снова углубился въ бумаги.

— Тутъ вотъ Гурьевъ представилъ запись рядную отцову объ этой землѣ,—не придано вѣры, а почему—неизвѣстно! Тутъ вотъ опять крючочекъ, а тутъ и большой крюкъ: межевыя ямины-то князь старыя скрылъ, да нечисто — подъ землей-то въ ямахъ уголь не выгребъ, а ямы-то какъ разъ по Гуровой межѣ идутъ. Сослались, что это еще при Борисѣ Годуновѣ, либо при самозванцахъ выкопано!.. Старенько хватили: кто это имъ удостовѣрилъ?

— Вотъ чортъ-то!.. Вотъ зацѣпа-то анаѳемская! шепталъ секретарь, бросивъ дѣло и безпокойно топчась изъ угла въ уголъ по маленькой комнатѣ.—Пропали, какъ пить дать, пропали!.. Всѣхъ подведетъ!.. И откуда этого анаѳему выкопали!

Вотъ ужъ именно прорвались-то! Господи! что теперь и будетъ?

— Теперь, я думаю, можно и его величество позвать? спросилъ подъячій секретаря, окончивъ осмотръ послѣднихъ бумагъ.

— Постой ты, погоди!.. Подумай: что ты дѣлаешь?

— Свою голову спасаю. Вѣдь, съ царемъ не шутить! Его не путать стать.

— Да ты бы какъ нибудь эдакъ... ну, молъ, недосмотры, пропуски! Самъ ты хапалъ,—знаешь, вѣдь, что безъ того ни во-вѣки-вѣковъ суда не будетъ.

— Все такъ!.. Однако, и случай-то выдался такой, что другого, пожалуй, ни во-вѣки-вѣковъ не будетъ. Чтобы самъ царь утрудилъ свою персону пересмотромъ стараго дѣла изъ-за клочка земли? Всѣ-то мы того не стоимъ, чтобы его на малъ часъ утрудить! Дѣло-то больно нечисто сдѣлано; дѣлалось у Гура за глазами, ходока хорошаго у него не было, ну, и валили въ кучу безъ осторожности. Скрыть трудно. Отъ такого царя ничего не скроешь: онъ самъ ночь просидитъ, да увидитъ.

— Такъ-таки всѣхъ и вбухаешь?

— И радъ бы не вбухать, да что подѣлаешь?.. Видите, дѣло-то какое!..

— Ну, зови, анаѳема... только попомни ты это! сжалъ кулаки секретарь, блѣдный отъ страха.

— Страшенъ громъ, да милостивъ Богъ! смиренно сказалъ подъячій и вышелъ въ переднюю сказать дневальному.

Онъ былъ весь въ поту, красный и взволнованный, такъ что гвардеецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на подъячаго и пошелъ съ докладомъ къ царю.

Подъячій не воротился въ комнату, а остался въ передней, гдѣ было прохладнѣе, чтобы отдышаться.

Сенатскій секретарь, какъ пойманный звѣрь, ходилъ по комнатѣ и отиралъ обильный потъ съ лица и шеи. «Мнѣ что!.. Я не причемъ! »бормоталъ онъ:—я и самъ видѣлъ, что что-то неладно... да, вѣдь, ничего не подѣлаешь, я человѣкъ подначальный. Да и дѣла-то я не видалъ никогда. Вотъ правда говорится, что быка хорошо съѣшь, а хвостомъ подавишься!»

— Государь приказалъ подъячему идти домой, а секретарю остаться, передалъ приказъ дневальный, придя въ переднюю.

Подъячій отъ удивленія раскрылъ ротъ.

VIII. Заплѣсневѣлая правда.

— Господи помилуй!.. Что-жъ это такое?.. думалъ подъячій, ходя безъ цѣли, ошеломленный происшедщимъ, по берегу Невы, — вотъ тебѣ и порадовался своей ловкости! Что-жъ это теперь будетъ?.. Теперь, вѣдь, секретарь все царю посвоему доложитъ, что нужно — скроетъ, и все наше дѣло пропало, наша правда еще дальше задвинута будетъ въ архивъ. Видно, упросили

царя не подымать этого дѣла, али наговорилъ изъ сенаторовъ кто нибудь. Они у царя завсегда по дѣламъ бываютъ. Я тутъ стараюсь одно, а тамъ царю въ ухо другое жужжатъ. Нѣтъ, видно «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся»!.. Голая-то правда—она дешева!.. Какъ-никакъ, а бѣдному человѣку все неладно. Неужто царь секретарю повѣритъ?.. Отчего-жъ онъ меня не выслушалъ?.. Неужто, при всей нашей правдѣ, пропадать нашимъ головамъ?.. Гдѣ-жъ твоя-то правда, Господи!

— Что теперь дѣлать? куда пойти?.! Домой къ женѣ, или къ Гуру?

Послѣ минутнаго раздумья подъячій пошелъ къ Гуру и для этого дошелъ по Невѣ до адмиралтейства и свернулъ на «преспективу Невскую», чтобы попасть къ рѣкѣ Мьѣ.

«Вотъ удивится-то Гуръ Савичъ!.. Поди, тамъ спятъ всѣ. Просто чудеса дѣлаются, точно какъ я брежу на яву!.. Эдакія чудеса только у такого царя и могутъ быть. Ужъ истинно, что самъ онъ—чудо изъ чудесъ!..»

Подошедши къ домику Гура, подъячій обошелъ его кругомъ; въ одномъ окнѣ былъ свѣтъ, и сквозь мелкіе прорѣзы ставни Тарасъ Ѳедорычъ увидалъ Гура сидящимъ за большой книгой въ кожаномъ переплетѣ съ застежками. Голова Гура была склонена на руку, на глазахъ блестѣли слезы; повременамъ онъ поднималъ глаза на образъ и набожно, медленно крестился.

Подъячій тихо стукнулъ въ ставню; Гуръ вздрог-

нулъ и прислушался; подъячій еще стукнулъ два раза, и Гуръ оборотился съ испуганнымъ лицомъ къ окну.

— Отвори, Гуръ Савичъ, это я—Тарасъ Өедорычъ. Дѣло есть!

Гуръ не сразу разслушалъ и узналъ голосъ, и когда подъячій повторилъ свои слова, плотникъ, перекрестившись, пошелъ отворять.

— Что такое стряслось, Тарасъ Өедорычъ? Напужалъ, страсть какъ! Того и жду, что поволокутъ. Всякой бѣды ждешь.

— Чудеса, Гуръ Савичъ! Не сразу и повѣришь. Твои-то спятъ?

— Спятъ всѣ. Я вотъ немножко божественнымъ занялся; не спится что-то. Мысли въ головѣ разныя.

— Да, Гуръ Савичъ, тутъ о Богѣ, кто и забылъ—вспомнитъ! Вѣдь я прямо отъ царя!

— Господи, Твоя воля! Истинно чудеса. Какъ ты къ нему попалъ, зачѣмъ?

— Прихожу отъ тебя домой-то, а у меня солдатъ: требуютъ къ царю въ Лѣтній дворецъ. Испугался я, баба разревѣлась. Бѣда! Иду съ солдатомъ къ царю, подождалъ немного, а у самого душа въ пятки ушла—думаю: не открылись ли старые грѣхи какіе. Наше, вѣдь, приказное дѣло тоже со всячинкой бываетъ. Вдругъ зовутъ меня къ государю, а тамъ,—дѣло-то твое изъ сенату принесено лежитъ и секретарь сенатскій, важный такой, тутъ же стоитъ!

— Ну, ну, ну! Что за дѣла? Да когда-жъ это

успѣли? Сегодня только я челобитную подалъ! удивился Гуръ.

— У Бога недолго, а у насъ—какъ разъ! Развѣ нашъ царь не можетъ удивить? Онъ хоть кого удивитъ! Приходитъ государь и говоритъ: «разберите это дѣло и покажите мнѣ,—кто тутъ правъ?»

— Господи милостивый! прослезился Гуръ, крестясь отъ умиленія,—эко я правды-то своей добился! Это онъ тебя-то позвалъ, чтобы ты меня въ обиду не далъ сенатскимъ, чтобы поймалъ ихъ, если они что хитрить будутъ. Ну, что же дальше-то? Да ты уморился, поди, не закусить ли дать? Выпей чего нибудь,—на тебѣ лица нѣтъ.

— Признаться, Гуръ Савичъ, еле на ногахъ держусь.

— Ну, ну, я сейчасъ!

Плотникъ пошелъ въ другую комнату; его окликнула тихо жена; Гуръ сообщилъ ей о приходѣ Тараса Ѳедорыча, и баба мигомъ встала и одѣлась, чтобы послушать, что будетъ разсказывать столь поздній гость.

— Охъ, охъ, охъ! Затѣялъ ты не дѣло, Гурушка! ворчала жена,—теперь сколько времени живемъ какъ подъ бѣдой. Страхи, да мысли. Извелся и самъ-то ты съ этимъ дѣломъ. На себя сталъ не похожъ.

— Молчи, баба! Собери скорѣй, что есть, да послушай-ка чудесъ-то. Никакъ, на насъ Господь оглянулся.

— Да неужто, Гурушка? Слава-те, Господи! Сейчасъ.

Кое-что было собрано на столъ; подъячій залпомъ выпилъ двѣ чарочки, разсказалъ, что онъ нашелъ въ дѣлѣ много беззаконій и хотѣлъ было открыть ихъ царю.

— А кончилось это все, Гуръ Савичъ, такъ, что я не знаю, какъ и понять? Государь, не выслушавши меня, велѣлъ мнѣ идти домой, а секретаря оставилъ.

Гуръ испугался, жена заохала и закрестилась; никто не зналъ, какъ это понять, въ которую сторону?

Наконецъ, Прасковья Даниловна заговорила:

— Сдается мнѣ, Тарасъ Өедорычъ, что не къ худу это! Для чего царь дѣло требовалъ и васъ призывалъ?

— Начало-то хорошо, а вотъ конецъ-то мудреный! замѣтилъ Гуръ задумчиво.

Изъ темной сосѣдней комнатки тихіе разговоры эти подслушивала, сѣвши на кровати, Нюша. Широко раскрытые глаза ея были устремлены на разговаривающихъ; сердце ея тревожно ныло; по выраженію лицъ она хотѣла понять, счастье или несчастье ждетъ ея семью, такъ какъ не всѣ слова долетали до нея.

Потолковавъ еще нѣсколько минутъ и отдохнувши, подъячій собрался домой, къ ожидавшей его женѣ, тоже мучившейся сомнѣніями насчетъ участи мужа.

— Одно теперь остается: молиться Богу и во всемъ на Него положиться... Какъ Его святая воля

будетъ... Значитъ, судьба! заключилъ Гуръ, провожая подъячаго и запирая за нимъ дверь.

Онъ все-таки не легъ спать, а сѣлъ за Псалтирь.

Въ сильномъ сомнѣніи и тревогѣ пріѣхалъ подъячій домой и разсказалъ обо всемъ происшедшемъ женѣ.

Жена всплескивала руками отъ удивленія, но въ концу они оба разсудили, что бояться нечего, и немного успокоились.

Не менѣе былъ удивленъ и секретарь, получивши такое приказаніе и ломалъ голову, что бы это значило?.. Ему запала мысль, что, по удаленіи этого ужаснаго приказнаго крючка, открывшаго столько беззаконій въ оконченномъ и сданномъ въ архивъ дѣлѣ, онъ разскажетъ это дѣло по-своему, благо самъ же подъячій указалъ слабыя мѣста въ дѣлѣ. Для этого секретарь снова сѣлъ за дѣло, какъ вдругъ вошелъ царь.

— Ну, что вы тутъ нашли въ дѣлѣ? Кто правъ, кто виноватъ?

— Какъ вамъ, ваше величество, сказать? Дѣло тянулось долго, въ разныхъ мѣстахъ, есть коекакіе недосмотры отъ неумѣнья или по забвенію.

— А прямого нарушенія закона нѣтъ?

— Нѣтъ, ваше величество... Конечно, придраться можно...

— Что же нашелъ здѣсь подъячій?

— Подъячій, извѣстно: кляузный крючокъ! Спасая себя, онъ къ каждой строчкѣ привязывался... Эдакъ и во всякомъ дѣлѣ можно найти запинки.

— Конечно!.. А что онъ тутъ говорилъ, что указы старые подведены, когда есть новые?

Секретарь поблѣднѣлъ и струсилъ; онъ моментально догадался, что царь слышалъ ихъ разговоръ и споры, а, можетъ быть, и видѣлъ ихъ, и всякое самообладаніе его оставило; языкъ сталъ запинаться.

— Это, это... можетъ статься, еще не получены были, или не знали о новыхъ указахъ...

— Ты чего-жъ испугался?.. Покажи-ка мнѣ это мѣсто!

Секретарь дрожащими руками отыскалъ то мѣсто въ дѣлѣ.

— Не знать и не получить не могли; черезъ два года послѣ новыхъ указовъ судили... А! что-жъ вы въ сенатѣ-то смотрѣли?..

Секретарь стоялъ блѣдный и безмолвный.

— Ну, показывай самъ, что тамъ еще нашелъ подъячій!

Секретарь началъ перебирать дѣло дрожащими руками, не зная, на чемъ остановиться...

— Да ты скорѣе—поздно... ну, тамъ, гдѣ старый планъ затерялся, а новый явился? гдѣ тамъ ямы межевыя скрыты? гдѣ тамъ показанія старожиловъ?..

Секретарь, окончательно убѣжденный, что царь самъ слышалъ весь ихъ разговоръ, перебиралъ бумаги и не находилъ нужныхъ.

— Правда это?.. Есть все это въ дѣлѣ?

— Правда, ваше величество, есть...

— Что-жъ это?—придирки что ли? или нарушеніе законовъ?..

— Какъ, государь, принять...

— Да ты не виляй, я вѣдь самъ посмотрю.

— Незаконно, государь... Дѣло рѣшено пристрастно...

— Сенатъ утвердилъ рѣшеніе нижнихъ судовъ... вѣроятно, и не разсматривая... Что-жъ тутъ? Взятка была, что ли?

— Какая-жъ взятка?.. Чаятельно, по дружбѣ, да по родству князя Засѣцкаго съ вельможами...

— А, вотъ оно какъ!.. Вотъ она правда-то и открылась... а то, было, заплѣсневѣть хотѣла въ архивѣ?.. Ну, говори прямо, судейскій крюкъ,—ты тутъ не причемъ,—тебѣ легче будетъ:—Гуръ Гурьевъ совсѣмъ правъ?..

— Совсѣмъ правъ, государь.

— А князь Засѣцкій незаконно оттягалъ у него землю?..

— Совсѣмъ незаконно... Человѣкъ богатый и знатный въ округѣ,—ему легко было справиться съ мужикомъ...

— И сенаторы, видя все это беззаконіе, утверждаютъ его, а бѣдный человѣкъ, хоть голову на плаху клади, чтобы добиться своей правды?..

— Сенаторы, государь, чаятельно, и не видали дѣла... не столь оно крупное и важное...

— А! имъ только показное нравится дѣлать!.. Нѣтъ, я имъ покажу, что со мной такъ работать нельзя!.. Я самъ не покладываю рукъ и за всякой мелочью смотрю; видишь!—и Петръ показалъ

свои рабочія не холеныя руки,—такъ я ихъ проучу!.. Садись и пиши сейчасъ сенатское рѣшеніе въ пользу Гура Гурьева!..

Секретарь сѣлъ за столъ исполнять приказаніе, а государь вышелъ пока въ другую комнату.

Когда опредѣленіе было написано, Петръ велѣлъ его оставить у себя на столѣ, а секретаря отправилъ домой съ солдатомъ, чтобы тотъ не успѣлъ предупредить никого изъ сенаторовъ о стрясшейся на нихъ бѣдѣ...

Вечеръ и ночь этого знаменательнаго въ жизни Гура дня оставили много людей въ страхѣ и недоумѣніи, которыя разрѣшились на слѣдующій день самымъ неожиданнымъ образомъ...

IX. Тревожныя ожиданія.

Рано утромъ поднялся Гуръ на работу послѣ недолгаго тревожнаго сна, блѣдный и утомленный.

«Что-то сегодня Богъ дастъ?» подумалось ему, и онъ отправился въ адмиралтейство.

Пришедши на элингъ, Гуръ засталъ тамъ ожидавшаго его солдата, который сидѣлъ между рабочими и покуривалъ трубочку.

— Приказъ тебѣ, Гуръ Гурьевъ, отъ великаго государя быть сейчасъ въ сенатѣ и ждать его царское величество въ сѣняхъ, гдѣ просители.

Гуръ перекрестился.

— Слава Богу! Хоть одинъ какой нибудь конецъ!.. Или панъ, или пропалъ!..

По дорогѣ Гуръ зашелъ въ деревянную церковь Исаакія Далматскаго, стоявшую около самаго адмиралтейства, купилъ свѣчку и припалъ на колѣни съ горячей молитвой передъ Спасовымъ образомъ... И какой-то миръ и спокойствіе объяли его душу, утвердилась увѣренность въ успѣхѣ своего дѣла; вышелъ Гуръ изъ церкви свѣтлый и спокойный.

По уходѣ Гура изъ дому, любопытная Нюша стала разспрашивать мать о цѣли прихода Тараса Θедоровича, и мать съ дочерью принялись вдвоемъ разсуждать о столь быстрыхъ и удивительныхъ событіяхъ, отъ которыхъ зависѣла судьба ихъ всѣхъ: или счастливая жизнь въ довольствѣ, или глубокое горе. Вѣрнаго ничего онѣ не знали, обо всемъ только догадывались и съ безпокойствомъ ждали отца изъ адмиралтейства или какихъ-нибудь вѣстей отъ него.

— Говорила я старику: не затѣвай ты этого дѣла, проживемъ и такъ съ Божьею помощью безъ бѣды!.. Такъ нѣтъ! — поставить на своемъ захотѣлъ!..

«Мнѣ, говоритъ, коли до Бога высоко, такъ до царя близко!»... Анъ, поглядишь, выходитъ на другое: «къ царю ближе — къ смерти ближе!»... Кабы знать, что столько перемучаемся,—на шеѣ бы повисла, а не пустила бы подавать челобитную!.. Богъ съ ней и съ землей!—не обѣднѣли бы безъ нея.

— Знамо дѣло, маменька, не обѣднѣли бы. Я чаю, тятенька все изъ-за меня хлопочетъ, чтобы мнѣ

за Андрея Иваныча выйти... Только, вѣдь, Андрей Иванычъ о приданомъ не думаетъ, — онъ ждетъ только, чтобы по службѣ подвинуться, а тамъ и женится...

— Ужъ подвинется онъ!.. Такой Ѳалалей!.. Ни смѣлости, ни отваги, какъ у другихъ! — другая дѣвка смѣлѣе его, твоего Андрея Иваныча. Такимъ тихонямъ нигдѣ ходу нѣтъ: кто посильнѣе—тотъ и на шею ему сядетъ.

— Ахъ, нѣтъ, не говорите такъ, маменька!.. Андрей Иванычъ очень уменъ и догадливъ... Только онъ скроменъ,—такъ, вѣдь, это хорошо.

— Хорошо, да не вездѣ!.. Живешь, такъ не надо киснуть, какъ онъ, а знай, чтобы другой куска изъ-подъ носу не вытащилъ.

— Молодъ онъ еще и людей не видалъ.

— А коли молодъ, такъ жениться рано.

— Я его, маменька, не уговариваю, сама говорила, что рано, — да что-жъ подѣлаешь, коли любитъ очень.

— Охъ, дѣти, дѣти!.. Убиваешься вотъ изъ-за нихъ, стараешься, а вспомнятъ ли они потомъ, Богъ знаетъ!..

Старуха Гура совсѣмъ разворчалась подъ гнетомъ печальныхъ мыслей; Нюша только отмалчивалась.

Вдругъ дверь въ домикъ Гура быстро отворилась и вошелъ Андрей Иванычъ, блѣдный и разстроенный.

— Что съ вами, Андрей Иванычъ? спросила Нюша, взглянувъ на разстроенное лицо жениха.

— Бѣда, Анна Гурьевна! отвѣчалъ молодой человѣкъ, поздоровавшись.

— Не со старикомъ ли что? потревожилась Прасковья Даниловна, поблѣднѣвъ.

— Нѣтъ, не съ Гуръ Савичемъ... а они дома?

— То-то, что нѣтъ. Сидимъ вотъ, да дрожимъ. Дожили до бѣды. Съ тобой-то что случилось? Опять подъ арестъ за оплошность попалъ?

— Нѣтъ, Прасковья Даниловна, не то... Это было бы еще хорошо. А меня отсюда далеко куда-то въ украинные города назначаютъ. Какъ же теперь мнѣ съ Анной-то Гурьевной быть?

— Ну, ужъ, батюшка, я не знаю, — ее самое спроси.

— Господи, какое несчастное время! воскликнула Нюша.—Горе за горемъ!

Нюша встала и, закрывъ глаза рукою, поспѣшно вышла изъ дому въ садикъ. Андрей Иванычъ послѣдовалъ за нею.

— Подите, поворкуйте на послѣдяхъ, ворчала мать.

— Анна Гурьевна, что-жъ это за несчастія валятся на насъ? Что-жъ я теперь дѣлать буду?.. Полковникъ сказалъ мнѣ, что нашъ отрядъ гонятъ въ украинные города, къ Турціи, на службу навсегда... Теперь, значитъ, нашей свадьбѣ не бывать?

— Ахъ, о какой теперь свадьбѣ говорить, когда мы не знаемъ, что съ тятенькой нашимъ будетъ!

— Да вотъ и насчетъ этого: Гуръ Савичъ сказалъ мнѣ, что ежели коли что, Боже сохрани,

случится съ нимъ,—такъ чтобъ я отъ семьи вашей не отсталъ, а былъ бы ей помощникомъ... и все такое.

— Знаю, Андрей Иванычъ, такъ что-жъ мы подѣлаемъ?

— Я вотъ и пришелъ спросить васъ: согласитесь вы ѣхать со мною? Всей бы семьей и поѣхали туда.

— На что ѣхать-то? На что жить-то будемъ? Я-то бы еще ничего, работать бы стала... Да много, вѣдь, насъ: вамъ не справиться.

— Гуръ Савичъ очень этого желали, чтобы вмѣстѣ... Они сказали: «будь помощникомъ; у меня, говоритъ, на первое время останется коечто, а тамъ, говоритъ, дослужишься». Я дослужусь, Анна Гурьевна! Я всѣ силы употреблю... Только мнѣ съ вами разстаться—смерть чистая! Я человѣкомъ не буду, кажись, руки на себя наложу!..

Андрей Иванычъ склонилъ голову на руки и заплакалъ. Нюша подошла къ нему, отняла руки отъ лица и поцѣловала его въ губы.

— Милый Андрей Иванычъ! Не разстанусь я съ вами ни въ горѣ, ни въ радости... Коли что—такъ намъ только подождать придется... Я пріѣду къ вамъ, гдѣ вы служить будете, и повѣнчаемся...

— Легко сказать—подождать! Разстанемся, можетъ, надолго... Богъ знаетъ, что случится... Ну, да я терпѣливъ буду, мнѣ эти слова ваши до-

роже всего. Они мнѣ духу придадутъ... Лишь бы мнѣ знать, что вы не разлюбите меня.

— Нѣтъ, милый, не разлюблю... вотъ и еще разъ поцѣлую!

Лицо молодого человѣка отъ ласки дѣвушки совсѣмъ просвѣтлѣло и онъ успокоился.

— Что же такое съ Гуръ Савичемъ вышло? спросилъ онъ:—какъ его дѣло повернулось?

— Да, Богъ его знаетъ, какъ! Такія чудеса происходятъ, что и не повѣрите. Вѣдь вчера Тарасъ Ѳедоровичъ, подъячій-то, у самого царя былъ по этому дѣлу. Призвалъ его царь и велѣлъ разобрать дѣло—кто правъ тутъ, кто виноватъ...

Нюша разсказала жениху все происшедшее съ подъячимъ и про его поздній приходъ къ нимъ вчера.

— Я думаю, что это къ добру, заключила молодая дѣвушка,—однако, такъ все это странно.

— Къ добру, конечно, къ добру. Да, вонъ, не Тарасъ ли Ѳедорычъ это идетъ? сказалъ Андрей Ивановичъ, увидавъ фигуру подъячаго, подходившаго къ дому.

Дѣвушка сорвалась съ мѣста и пошла навстрѣчу подъячему.

— Тарасъ Ѳедорычъ! Вы съ какими вѣстями? Что съ тятенькой сдѣлалось? Да говорите же скорѣй!

Лицо подъячаго было не весело; Нюша сразу замѣтила это, и ея сердце упало.

— Не знаю, ничего не знаю. Былъ только въ адмиралтействѣ и узналъ, что Гуръ Савича въ се-

натъ потребовали по царскому указу. Самъ хожу вотъ по землѣ и не знаю: живъ ли я, или нѣтъ? въ Петербургѣ я, или въ Сибирь сосланъ, битъ батогами и всего имѣнія лишенъ?

Услышавъ голосъ подъячаго, и Прасковья Даниловна вышла изъ дома съ вопросами о судьбѣ мужа.

— Заварилась каша такая, что и не расхлебаешь!

— Да вы бы, Тарасъ Өедорычъ, пошли, да узнали бы какъ нибудь, упрашивала старуха,—вамъ эти дѣла извѣстны... Въ сенатъ бы пошли, сунули бы тамъ кому нибудь, да разспросили... или какъ.

— Что вы, матушка! замахалъ руками подъячій,—экъ выдумали! Да мнѣ теперь къ сенату-то и на версту не подойти.

— Прасковья Даниловна, вызвался Андрей Иванычъ,—лучше я схожу, да узнаю что нибудь; меня тамъ никто не знаетъ. Я съумѣю...

Старуха вопросительно поглядѣла на подъячаго, какъ бы ожидая совѣта.

— Нѣтъ, Андрей Иванычъ, не надо! сказалъ подъячій:—коли пошло колесо, такъ пальцемъ не остановишь, а палецъ оторвешь. Невдолгѣ должно рѣшиться. Лучше подождать.

— Подождать, да подождать! зароптала старуха,—ты тутъ ждешь, а его, можетъ, въ желѣза заковываютъ, да въ каменный мѣшокъ садятъ! Легкое ли дѣло затѣяли! На сенатъ царю жалиться! Кромѣ бѣды, ничего не жди.

— Авось, Богъ милостивъ, не погубитъ Господь до конца.

— Богъ-то Богъ, да будь самъ не плохъ! Право, сходилъ бы хошь ты, Андрей Иванычъ, развѣдалъ, не унималась старуха,—онъ, вонъ, заварилъ, да помочь расхлебать не хочетъ.

— Я сейчасъ, я постараюсь! заторопился молодой человѣкъ.

— Напрасно убиваетесь, матушка, увѣрялъ подъячій, — и пойдетъ, да ни съ чѣмъ придетъ! Лучше здѣсь подождать, а то разбредемся всѣ, разойдемся, во-время не узнаемъ,—только безпокойства больше.

— Ну, ужъ тебѣ и книги въ руки, мудрецъ! проворчала старуха и опять ушла въ домъ.

Всѣ остались ждать.

X. Гуръ дома.

Къ сенатскому подъѣзду подкатывали тяжелые росписные рыдваны, запряженные шестернями убранныхъ лошадей, когда подошелъ къ мѣсту своего судбища Гуръ Савичъ. Изъ экипажей выходили важные господа въ расшитыхъ кафтанахъ, бѣлыхъ пудренныхъ парикахъ, съ дорогими тростями въ рукахъ и скрывались въ подъѣздѣ.

Гуръ прошелъ тѣсной боковой лѣсенкой въ комнату для просителей и сиротливо прижался къ уголку.

Комната была уже полна просителей всякаго

чина и возраста. И подрядчики, пріѣхавшіе за утвержденіемъ поставокъ на военныя нужды, и челобитчики, и недоросли изъ дворянъ, пріѣхавшіе по требованію царя на службу; тутъ же шмыгали какіе-то приказные, разспрашивавшіе о дѣлахъ и предлагавшіе свои услуги; чиновники сената тоже что-то таинственно переговаривались съ иными изъ просителей, отводя ихъ въ сторону и оглядываясь по сторонамъ.

Вдругъ пронеслась взбудившая всѣхъ, словно электрическій токъ, вѣсть: «царь въ сенатъ пріѣхалъ!»

Всѣ какъ-то встрепенулись: иные поблѣднѣли, иные безпокойно заметались; приказные куда-то безъ слѣда провалились изъ комнаты; у чиновниковъ разверстыя было для пріятія мзды руки моментально сократились, и сами чиновники очутились на своихъ мѣстахъ, прилежно занимаясь дѣломъ.

Перемѣна была поразительная, Гуръ тоже струхнулъ и чутко ко всему прислушивался; разговоры начали вести полушопотомъ, хотя комната просителей была далеко отъ залы засѣданій сенаторовъ, куда могъ пріѣхать царь.

Прошелъ цѣлый часъ въ томительномъ ожиданіи и неизвѣстности; наконецъ, до просителей какими-то невѣдомыми путями донеслось извѣстіе, что царь очень гнѣвенъ, изволитъ за что-то распекать сенаторовъ.

Гуръ не выдержалъ духоты пріемной и вышелъ на улицу, гдѣ въ уголкѣ принялся раскуривать

свою коротенькую трубочку, давъ предварительно сторожу на водку, чтобы позвалъ его, коли потребуютъ Гура Гурьева.

«Сегодня мой страшный судъ! думалъ Гуръ, — можетъ, мнѣ безъ головы быть, а сердце вотъ такъ и прыгаетъ, ровно въ Христовъ день. Это угодникъ Божій мнѣ миръ на душу послалъ!»

Гуръ набожно перекрестился.

Вдругъ на подъѣздѣ сената показалась фигура Петра. Царь остановился какъ бы въ раздумьи и глядѣлъ по сторонамъ. Его одноколка подкатила къ крыльцу, и царь медленно сталъ сходить съ лѣстницы.

Обернувшись въ сторону, гдѣ былъ Гуръ, государь увидѣлъ его и громко позвалъ:

— Гуръ! поди-ка сюда!

Плотникъ бросилъ недокуренную трубку на землю и подбѣжалъ къ царю.

— Ну, старикъ, молись Богу! выгорѣло наше съ тобой дѣло въ сенатѣ. Господа-сенатъ сыскали твою правду. Натерпѣлся, поди, страху?

Гуръ упалъ на колѣни передъ царемъ, уже занесшимъ ногу въ одноколку, схватилъ его руку и поднесъ къ губамъ.

— Дай тебѣ, Господь, многая лѣта, государь-отецъ милостивый. Ровно бы я новую жизнь получилъ! Вѣчный богомолецъ буду, солнце ты красное!

— Ну, полно, Гуръ, полно! Я только свою ошибку поправилъ, ты прости меня! Ступай домой, обрадуй семью-то... поди, тамъ баба воетъ отъ страху, кашу въ печи сожгла!

Одноколка царя укатила; Гуръ всталъ съ земли и, отирая слезы радости, поспѣшно пошелъ домой, крестясь на всѣ встрѣчные образа, кресты и часовни.

Невыразимая радость обняла истомленное сердце Гура; мысли его разбѣгались въ разныя стороны: онъ не могъ ни на чемъ сосредоточиться, ничего обдумать.

«Молебенъ зайду отслужу, съ семьей бы лучше. Зачѣмъ же баба кашу въ печи сожгла? Почемъ онъ знаетъ? О! дуракъ! да вѣдь царь пошутилъ! Эко счастье! Засѣцкій-то графъ почешетъ затылокъ! Земля-то нонѣ въ нашихъ мѣстахъ вздорожала!»

Такія безпорядочныя мысли толпились въ головѣ Гура, а ноги безостановочно несли его къ дому. Онъ не видѣлъ ни уличнаго движенія, ни встрѣчныхъ, шелъ какъ въ туманѣ и вдругъ, неожиданно для себя, очутился передъ своимъ домикомъ. Онъ даже въ удивленіи остановился и тутъ только замѣтилъ, что крупный потъ залилъ ему все лицо, пряди волосъ залѣпили лобъ и глаза, выбившись изъ-подъ шапки.

Завидѣвъ изъ оконъ приближавшагося Гура изъ домика съ крикомъ радости выбѣжали къ нему навстрѣчу жена и дочка Нюша; вслѣдъ за ними вышли и подъячій съ Андреемъ Иванычемъ. Женщины бросились въ объятія Гура, и онъ обнялъ ихъ и заплакалъ.

— Гурушка! родненькій; живъ ли ты? цѣлъ ли ты?..

— Тятенька! а мы тутъ перемучились, ждавши!..

— Молись, старуха! молитесь, дѣтки!.. Нонѣ на насъ Богъ оглянулся... Сказалъ мнѣ самъ царь, что сыскалась въ сенатѣ моя правда!..

Отпустивъ жену и дочь, Гуръ обнялся съ подъячимъ и оба прослезились...

— Слава Господу!.. Дожили до свѣтлаго дня!.. Вотъ онъ, царскій-то судъ!—грознѣй грому, чище солнца!.. Эко мы съ тобой, Тарасъ Ѳедорычъ, дѣло-то обломали!.. И повѣрить трудно!..

— Да, Гуръ Савичъ! Истинно, что повѣрить трудно... Видно, тебѣ Господь вложилъ такую смѣлую мысль!..

Всѣ точно одурѣли отъ радости: Нюша бросилась на шею матери, потомъ обняла Андрея Иваныча; Петя и Матреша, младшія дѣти Гура, кричали и бѣсились, видя общую радость,—и въ домикѣ Гура страхъ и мучительныя сомнѣнія быстро смѣнились радостью и надеждами... Въ первые моменты никто ничего не соображалъ: со всѣми сдѣлалось то же, что и съ Гуромъ по дорогѣ домой; прежде другихъ опомнилась Прасковья Даниловна и начала собирать на столъ, теперь только вспомнили, что никто съ самаго утра изъ-за этихъ тревогъ ничего не ѣлъ.

— Тарасъ Ѳедорычъ! Милый! въ сердечномъ умиленіи восклицалъ Гуръ,—тебѣ я обязанъ моимъ благополучіемъ, тебѣ мнѣ и хочется подарокъ сдѣлать! Какъ только кончится это дѣло,—я тебѣ еще пятьдесятъ рублей даю! Потому ты всѣ узлы передъ царемъ распуталъ, а безъ тебя, можетъ, мнѣ бы погибать пришлось!

Подьячій отговаривался, но Гуръ твердо стоялъ на своемъ, и Тарасъ Өедорычъ долженъ былъ согласиться на это добавочное вознагражденіе. Друзья снова обнялись и облобызались.

— Тятенька! сказала за обѣдомъ Нюша,—сегодня вонъ Андрей Иванычъ говорилъ, что его скоро посылаютъ куда-то далеко, подъ Турцію, будто.

— Какъ подъ Турцію?.. Воевать, что ли?..

— Нѣтъ-съ, не воевать, а въ украинные города, въ родѣ какъ бы постоянной службы, разъяснилъ Андрей Иванычъ.

— Вотъ тебѣ и разъ!.. А когда-жъ это будетъ?

— Полковникъ говоритъ, что очень скоро, будто какъ надняхъ.

— Да-а! Это больно скоро... тутъ и сообразить ничего не успѣешь... Ахъ, ты грѣхъ! Вотъ оказія-то!..

— Истинно, что грѣхъ, Гуръ Савичъ, сказалъ молодой прапорщикъ,—теперь ежели мнѣ туда одному ѣхать, я со скуки пропаду! Сопьюсь или картежникомъ буду.

Гуръ посмотрѣлъ на него и на Нюшу лукавыми глазами; молодые люди покраснѣли и потупились.

— Ишь, куда метнулъ! Сопьется, молъ, одинъ! А ты служи, да не спивайся! Дослужись до генеральскаго чина, а тамъ и женись!

— Вамъ вотъ шутки, Гуръ Савичъ, а мнѣ такъ, право, до зла-горя доходитъ.

— Онъ ото всего киснетъ, вставила свое замѣчаніе жена Гура,—другой бы на его мѣстѣ молодцомъ ходилъ; посылаютъ,—такъ ѣхалъ бы! Въ

дальнихъ-то городахъ скорѣй выслужишься: тамъ служба замѣтнѣе, народу дѣлового меньше.

— Ну, не скажите, возразилъ подъячій,—я знаю эти дальніе города. Истинно, что сопьешься, а что насчетъ службы, то это, какъ придется: коли война или дѣла какія особенныя,—ну, такъ отличиться можно; а если такъ лямку тянуть, такъ ни въ вѣкъ никто тамъ и не замѣтитъ, хошь семи пядей во лбу будь.

— Вотъ это совершенно такъ! обрадовался Андрей Иванычъ и благодарно посмотрѣлъ на подъячаго,—здѣсь я у высшаго начальства на глазахъ, опять же самъ царь, можетъ, меня замѣтитъ. Теперь я стою у начальства на самомъ лучшемъ счету: первое производство—и меня въ офицеры пожалуютъ. Опять же царь часто бываетъ у насъ,—исправнаго офицера всегда замѣтитъ.

— Гдѣ тебя ему замѣтить! Забьется назадъ, оробѣетъ, а кто посмѣлѣе, того царь и замѣтитъ, сказала Прасковья Даниловна, не очень сочувствовавшая этому жениху своей дочки.

— Ну, ты, баба, не очень нападай на него,-заступился Гуръ,—скакуновъ-то, да вертуновъ царь тоже не очень любитъ, а коли дѣловой, такъ всегда замѣтитъ. И то вѣрно, что здѣсь бы лучше. Жили бы всѣ вмѣстѣ.

— Тятенька! а развѣ нельзя царя попросить? сказала Нюша.

— Что ты, что ты, дѣвушка! не опять ли челобитную писать? Нѣтъ, матушка! изъ одной петли вы-

скочили, въ другую не полѣзу. За эдакія просьбы царь пугнетъ.

Въ такихъ семейныхъ разговорахъ отошелъ обѣдъ; Гуръ хотѣлъ было уже прилечь отдохнуть послѣ безсонной ночи, какъ вдругъ къ крылечку его домика подъѣхала богатая колымага, запряженная шестеркой бѣлыхъ лошадей.

Взглянувъ въ окошко, всѣ остолбенѣли отъ удивленія при этомъ необычайномъ зрѣлищѣ, а съ запятокъ кареты соскочилъ лакей въ ливреѣ и направился къ двери.

— Вотъ чудеса!.. Что такое?.. Ужъ не царь ли? сказалъ подъячій.

— Нѣтъ, царь такъ не ѣздитъ!..

Гуръ пошелъ къ двери встрѣтить неожиданнаго гостя.

— То есть, ровно сказка или сонъ какой на яву совершается!.. замѣтилъ Тарасъ Ѳедорычъ.

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ, наклонясь въ двери, высокій лакей.

— Здѣсь живетъ Гуръ Савичъ Гурьевъ? спросилъ онъ.

— Здѣсь, я самый... а что вамъ? выступилъ Гуръ впередъ.

— Его сіятельство князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій приказали покорнѣйше просить васъ къ себѣ, неотложно сейчасъ. И приказали сказать, что его сіятельство и сами бы къ вамъ пожаловали, да недосуги и болѣзни имъ мѣшаютъ... Изволили прислать свою карету.

— Господи милостивый! Что бы такое князю отъ меня понадобилось?..

— Не могу знать... таковъ былъ его княжескій приказъ... Приказали просить неотложно сейчасъ.

— Это, вѣрно, что нибудь по дѣлу, догадался подъячій.

— Что больно скоро повертываютъ: засуетился Гуръ, собираясь,—я сейчасъ, подождите, любезный, присядьте... Баба, поднеси-ка молодцу водочки.

Гуръ ушелъ въ другую комнату одѣться почище.

Подъячій тоже собрался уйти съ Гуромъ.

— Подождалъ бы, Тарасъ Өедорычъ, пока пріѣду... что тамъ такое?.. Поберегъ бы пока моихъ-то...

— Чего беречь! Теперь дѣло въ гору пошло!.. А у меня дома баба-то безпокоится, пойду обратно... Я вечеромъ къ тебѣ приду, а коли что нужное,—посылай за мной...

— Я могу за вами сходить, вызвался Андрей Иванычъ.

— Ну, инъ ладно такъ!.. Готовъ, почтеннѣйшій, пойдемте.

Неловко было Гуру садиться въ такую богатую карету, а тутъ еще услужливый лакей подсадилъ его подъ локоть, такъ что Гуръ, не ожидавшій помощи, чуть не сунулся носомъ въ алыя подушки рыдвана.

Экипажъ захлопнулся и покатилъ; подъячій посмотрѣлъ ему вслѣдъ, посвисталъ и промолвилъ:

— Вонъ какъ наши мужички теперь въ рыдванахъ на шестеркѣ катаются!.. Почетъ!.. А, вѣрно,

и здоровый въ сенатѣ переборъ былъ!.. Что-то ужъ очень вѣжливо!.. Диковина!

Подъячій развелъ руками и направился къ Невѣ, чтобы переѣхать къ себѣ на Петербургскую...

XI. Рѣшеніе.

«Ишь ты, какъ хорошо вельможи ѣздятъ», думалъ Гуръ, разглядывая алую штофную обивку рыдвана,—«человѣкъ шесть смѣло усядутся, а двоимъ такъ и спать можно! Вона и зеркальце вдѣлано, и стѣнки обиты подушечками, и кисточки болтаются, хорошо!»

Гуръ пощупалъ подушечки, кисточки, заглянулъ въ зеркальце. «Эва, какой мужикъ взгромоздился на шелковыя подушки!» проворчалъ онъ, увидѣвъ свое лицо. — «Зачѣмъ это мужика къ князю везутъ? Вѣрно, ругать за то, что жаловался на сенаторовъ. Поди, имъ попало отъ царя-то, онъ шутить не любитъ. Али другое что?»

Рыдванъ остановился передъ крыльцомъ каменнаго одно-этажнаго широкаго дома съ черепичною крышею, и лакей отперъ дверцы. Гуръ замѣтилъ, что улица была заставлена каретами и рыдванами; нѣкоторые изъ нихъ ему показались знакомы, точно какъ онъ видѣлъ ихъ сегодня у сената. Едва Гуръ поднялся на двѣ ступени крыльца, какъ передъ нимъ, точно сама собою, отперлась дубовая дверь дома, и плотникъ вошелъ въ сѣни, вдоль стѣнъ которыхъ стояли, вытянувшись, ливрейные лакеи.

Появленіе въ передней мужика, судя по костюму Гура, вызвало удивленіе во всей этой оравѣ праздной дворни.

— Сюда, почтеннѣйшій! указалъ путь одинъ изъ лакеевъ, забѣгая впередъ Гура и отворяя передъ нимъ двери, — подождите здѣсь, я доложу.

Гуръ, остановился, поправилъ кушакъ, пригладилъ волосы и оглянулся кругомъ: стѣны расписныя, съ потолка виситъ люстра, полъ штучный, выложенъ узоромъ.

«Зачѣмъ бы я понадобился?» снова началъ думать Гуръ; но возвратившійся лакей позвалъ Гура къ князю.

Не безъ нѣкоторой робости вступилъ Гуръ на мягкій коверъ, ведущій дальше, и въ недоумѣніи остановился въ дверяхъ залы. Обширный и высокій покой былъ устланъ ковромъ и уставленъ золоченой мебелью; на креслахъ и диванахъ сидѣло человѣкъ десять сенаторовъ, въ расшитыхъ мундирахъ, лентахъ и орденахъ. Секретарь сената стоялъ съ бумагою въ рукахъ у одного изъ столиковъ. Какъ только появился Гуръ въ дверяхъ, къ нему навстрѣчу поднялся и пошелъ маститый, семидесятилѣтній князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій.

— Милости просимъ, Гуръ Савичъ, войди, мы тебя тутъ ждемъ. Дѣло твое въ сенатѣ перерѣшали, такъ вотъ изволь выслушать рѣшеніе. Читай! кивнулъ Долгорукій секретарю.

«По указу его царскаго величества, мы, правительствующій сенатъ, вторичное учинивъ разсмо-

трѣніе прежде рѣшеннаго дѣла крестьянина Гура Савина Гурьева съ княземъ Леонтіемъ Матвѣевичемъ Засѣцкимъ о присвоенной вышерѣченнымъ княземъ у Гурьева его собственной, Гурьева, землѣ, полтретьястахъ десятинахъ и нашедъ доказательства князя вымышленными, подговорами приказныхъ и взятками онымъ яко бы въ видъ законности приведенными»...

Гуръ внимательно слушалъ чтеніе приговора и сердце его замирало отъ радости и восторга, въ глазахъ начали ходить круги, дыханіе прерывалось. Когда секретарь дошелъ до словъ:

«А посему присуждаемъ мы, правительствующій сенатъ, присвоенную княземъ землю полтретьяста десятинъ Гурьеву возвратить, въ сатисфакцію убытковъ и проторей заплатить князю въ пользу Гурьева двѣсти рублевъ, за срубленный и свезенный лѣсъ триста рублевъ, да по приказу великаго государя за неправое и затѣйное оттяганіе земли, подкупъ и развращеніе приказныхъ, дабы другимъ такъ творить показалось не повадно, отрѣзать въ Гурьева профитъ смежную отъ княжеской земли полосу въ полтораста десятинъ, и немедля отмежевавъ и сдѣлавъ планъ, утвердить его законно руками и вручить тяжущимся въ вѣчное прекращеніе споровъ».

Тутъ Гуръ не выдержалъ, бросился на колѣни передъ висѣвшимъ на стѣнѣ царскимъ портретомъ и со слезами промолвилъ:

— Батюшка! За что твоя такая милость? Превыше достоинства моего награждаешь!

— Встань, почтеннѣйшій! поднялъ Гура Долгорукій,—ты получилъ должное! Теперь у насъ до тебя еще есть слово; такъ какъ это случилось все по нашей оплошности, а ты едва не лишился своего имѣнія, то по христіанской добротѣ прости ты насъ, Гуръ Савичъ!

Долгорукій поклонился Гуру въ поясъ, дотронувшись рукою до пола; сенаторы, вставшіе и подошедшіе къ Гуру, тоже поклонились ему.

— Богъ васъ проститъ, ваши сіятельства, ваши превосходительства! Меня, недостойнаго, простите, что подвелъ, можетъ, васъ подъ царскій гнѣвъ своею докукой, заговорилъ Гуръ, взаимно низко кланяясь сенаторамъ.

— А коли прощаешь, то и спасибо тебѣ!..

Князь хлопнулъ въ ладони, лакей тотчасъ же внесъ серебряный кубокъ съ чарками на подносѣ.

— Выпьемъ теперь съ тобою на мировую, Гуръ Савичъ, и пользуйся своимъ добромъ безъ опасенья... Теперь твое дѣло крѣпко!

— Да ужъ крѣпко, ваше сіятельство! Дай, Господи, государю и всѣмъ вамъ долгаго вѣка!..

На прощанье секретарь вручилъ Гуру бумагу съ сенатскимъ рѣшеніемъ, а когда плотникъ вышелъ на улицу, тотъ же лакей отворилъ дверцу алаго рыдвана, чтобы посадить Гура, но тотъ, сунувъ въ руки лакея серебряный рублевикъ, отказался и пошелъ пѣшкомъ домой. Вслѣдъ за нимъ стали разъѣзжаться и другіе экипажи отъ дома Долгорукаго.

Снова затуманилось у Гура передъ глазами: и

слезы текутъ, и голова ходитъ кругомъ, и ноги еле держатъ—подкашиваются отъ радости и умиленія. Два раза Гуръ свернулъ въ сторону отъ дома и снова возвращался. Встрѣчные оглядывались на него, какъ на пьянаго или съумасшедшаго.

«Экой я богачъ домой иду!» думалось Гуру, и онъ крѣпко прижималъ къ груди положенный за пазуху сенатскій приговоръ,—«дивны дѣла Твои, Господи! Утромъ всталъ бѣденъ и даже голову чуть не на плаху несъ, — черезъ полдня домой иду богатъ и возвеличенъ честью не по заслугамъ!.. Тарасу-то Ѳедорычу теперь надо больше дать: черезъ его стараніе все такъ вышло. Вотъ двѣсти-то рублевъ, что мнѣ за волокиту по судамъ дано, то ему и отдамъ! Онъ тоже человѣкъ семейный, дѣти малыя, заработки плохіе... Можетъ, съ этихъ денегъ и въ люди выйдетъ».

Придя домой, Гуръ былъ встрѣченъ нетерпѣливыми и любопытными разспросами жены и дочери, но говорить много не могъ, а помолился на образъ, вынулъ бумагу и, подавъ ее Андрею Иванычу, сказалъ:

— Читай внятно и не торопись. Дождались мы счастья своего; всѣ богачи будемъ!

Во время чтенія старуха ахала и крестилась; по щекамъ Гура снова полились слезы; Нюша тоже не вытерпѣла и отъ радости заплакала; глядя на большихъ, заплакали и Матреша съ Петей.

— Нишкни вы, глупые!.. Ужо пряниковъ куплю много! сталъ утѣшать ихъ Гуръ, цѣлуя:—теперь

я тебѣ, Матреша, платье куплю новое хорошее, тебѣ рубаху красную сошьемъ, Петруха!—потому, царь батьку вашего въ обиду не далъ: денегъ много присудилъ.

Дѣти замолкли и развеселились.

Гуръ разсказалъ, что съ нимъ было у князя Якова Өедоровича Долгорукаго, какъ у него просили прощенья сенаторы, и какъ онъ пилъ сладкое вино съ маститымъ княземъ.

Радость въ домѣ Гура была неимовѣрная.

До-нельзя истомленный всѣмъ происшедшимъ, Гуръ, наконецъ, легъ спать, ожидая къ вечеру Тараса Өедорыча, чтобы и съ нимъ подѣлиться новостью и счастьемъ.

Прасковья Даниловна тоже прилегла, а Нюша съ Андреемъ Ивановичемъ ушли въ садикъ помечтать о будущемъ счастьи, которое ждетъ ихъ, благодаря хорошо повернувшимся дѣламъ отца.

— Вотъ только отъѣздъ-то мой меня печалитъ, говорилъ женихъ:—ждать нѣтъ мочи. Анна Гурьевна! согласитесь вы со мной туда поѣхать теперь?..

— Соглашусь, голубчикъ, соглашусь, пусть только тятенька съ мамой согласятся. Оно, конечно, здѣсь-то бы лучше. Ну, да что дѣлать?—воля царская.

— Господи, какъ я счастливъ!..

— И я рада, Андрюшенька, что все такъ устроилось...

Нюша плотно подсѣла къ жениху, тотъ робко обнялъ ее, и она порывисто охватила его шею руками и прильнула горячимъ лицомъ къ его лицу;

молодой человѣкъ началъ покрывать ея щеки, глаза и губы горячими поцѣлуями; дѣвушка дрожала отъ этихъ ласкъ и не сопротивлялась, поддаваясь вполнѣ молодой, пылкой страсти.

Теплота лѣтняго воздуха, запахъ цвѣтовъ, спускающіяся сумерки, — все гармонировало съ настроеніемъ молодыхъ людей, и Андрей Ивановичъ впервые узналъ, что такое горячая ласка любящей дѣвушки!.. По жиламъ его протекалъ огонь, въ глазахъ темнѣло, онъ впадалъ въ какое-то опьяненіе и надо было всю робость и почтительность его, чтобы не дать воли своей молодой и неиспорченной излишествами жизни натурѣ.

Черезъ нѣсколько времени счастливые разговоры молодыхъ людей были прерваны вышедшимъ въ садъ отцомъ.

— Андрей Иванычъ, ты что тутъ притаился съ дѣвушкой-то! Смотри! началъ шутливо Гуръ.

— Мы тутъ, Гуръ Савичъ, все объ нашей жизни говоримъ, отвѣчалъ, страшно сконфуженный, прапорщикъ.

— То-то, объ жизни! А ты, дѣвушка, и ушки развѣсила? Ну, счастливъ нашъ Богъ, что все такъ повернулось! Теперь можно бы, помолясь, и объ свадьбѣ подумать, а?

— Ваша воля, Гуръ Савичъ; я дяденькѣ ужъ писалъ о моемъ намѣреніи, и они препятствія не чинятъ.

— А не чинятъ, такъ и хорошо! Вотъ ужо вечеркомъ все это обговоримъ, какъ слѣдъ. Сходить бы за Тарасомъ Өедорычемъ... Ба, да вотъ

и онъ на поминѣ легокъ! Иди, иди, Тарасъ Ѳедорычъ, обрадую!

Гуръ поспѣшно пошелъ въ домъ, досталъ бумагу, и какъ только подъячій переступилъ порогъ, Гуръ протянулъ ему бумагу.

— Читай!

Подъячій внимательно осмотрѣлъ бумагу, потомъ началъ читать, а по окончаніи бросился обнимать Гура.

— Ловко! Поздравляю! Вотъ онъ, царскій-то судъ! Истинно царскій!

— А все тебѣ спасибо, дружище! Оба мы съ тобой дрожали, оба и радоваться будемъ. Вотъ тебѣ моя воля—и напротивъ ни слова поперечить не смѣй!

— Ну, ну, что такое? Слушаю.

— Тамъ что за протори и убытки мнѣ указано съ князя двѣсти рублевъ, — твои... потому я и такъ вознагражденъ довольно.

— Да что ты, Гуръ Савичъ!

— Сказалъ,—ни слова! Теперь ты, милый другъ, и хлопочи, чтобы все это было исполнено, я тебѣ и полномочіе дамъ, потому тутъ еще много хлопотъ, а я ничего не понимаю.

— Хлопотъ тутъ еще довольно. Спасибо же тебѣ, другъ и благодѣтель!

Подъячій снова обнялъ Гура.

— Теперь я по-другому дѣла поведу, Гуръ Савичъ. Ларекъ этотъ на Сытномъ продамъ другому.

— Ну, и подавай тебѣ Богъ, а намъ вотъ надо теперь свои семейныя дѣла обговорить. Вонъ они

двое,—Гуръ указалъ на вошедшихъ молодыхъ людей,—своего рѣшенья ждутъ. Прежде всего надо намъ завтра всей семьей и тебѣ, Тарасъ Ѳедорычъ, всей семьей, пойти въ церковь, отслужить обѣденку да молебенъ, помолиться о здравіи царя-батюшки и высокаго сената, а потомъ позвать съ собой попа, да придти домой, да что сдѣлать?.. Нюша! Андрей Иванычъ, не знаете ли, что сдѣлать-то?..

Андрей Иванычъ покраснѣлъ и растерялся.

— Обрученіе сдѣлать, тятенька! воскликнула Нюша и бросилась обнимать отца.

— Вотъ, вотъ. Экая ты у меня дѣвка догадливая,—сейчасъ смекнула! Ну, Андрей Иванычъ, умная у тебя будетъ жена!

Женихъ сіялъ отъ удовольствія, а расходившійся Гуръ Савичъ обсуждалъ, что имъ дѣлать завтра.

— Ставь-ка, баба, пироги, да побольше, да посдобнѣе,—хочу я царскую милость отпраздновать, какъ слѣдуетъ. Надо позвать кое-кого изъ родни да кумовьевъ, да голланца, нашего мастера Югана Карлыча—больно простой человѣкъ и хорошъ до меня.

Поздно ночью ушли отъ Гура подъячій и прапорщикъ, радостные и съ нетерпѣніемъ ожидающіе завтрашняго дня. Ночные сторожа въ двухъ противоположныхъ частяхъ города, стоявшіе около чугунныхъ досокъ съ колотушками, были удивлены: одинъ молодымъ офицеромъ, который то-и-дѣло запѣвалъ что-то и прискакивалъ козломъ,

а другой—приказнымъ, громко о чемъ-то разсуждавшимъ и размахивавшимъ руками. И оба стража пришли, не смотря на раздѣлявшее ихъ разстояніе, къ одному заключенію:

— Выпили не въ мѣру! И что только эта водка дѣлаетъ?

А наши путники были пьяны не отъ водки, а отъ радости...

XII. Отъ хорошаго къ лучшему.

На утро, въ церкви Троицы, на Петербургской сторонѣ, сошлись наши счастливцы: Гуръ со всѣмъ семействомъ и подъячій тоже съ женой и дѣтьми. Отстоявъ обѣдню, заказали молебенъ, а затѣмъ Гуръ пригласилъ священника къ себѣ на домъ; тотъ обѣщалъ пріѣхать, пообѣдавши, часа черезъ два. Шумной толпой подошли всѣ къ Невѣ и сѣли переѣзжать черезъ рѣку въ большой барказъ. Элингъ, на которомъ работалъ Гуръ, смотрѣлъ своей открытой стороной на рѣку. Подъячій, увидѣвъ громаду полуотстроеннаго корабля, началъ разспрашивать Гура о немъ, а когда барказъ присталъ къ адмиралтейству, плотникъ зашелъ туда пригласить голландца мастера посѣтить его семейную пирушку.

— Карошъ, карошъ, Гуръ Савишъ! Шересъ польшасъ я у тебя! Водка выпить, пирогъ съѣсть,— карошъ, здарофъ!

Молодые люди отправились въ гостиный дворъ, за покупками и главнымъ образомъ за золотою,

эмблемою ихъ будущаго союза—кольцами. Подъячій съ женою и Прасковьей Даниловной пошли домой, гдѣ распоряжались стряпнею двѣ кумушки ея:

Домикъ Гура былъ, по случаю такого семейнаго праздника, убранъ покрасивѣе; изъ комнатъ вынесено въ сарайчики и каморочки все лишнее, чтобы дать мѣсто гостямъ.

Ароматный запахъ пироговъ, жареныхъ куръ и телятины встрѣтилъ вошедшихъ въ домикъ богомольцевъ; солнышко весело освѣщало горенки; столы бѣлѣли скатертями; передъ кіотомъ съ образами горѣла лампадка, вычищенная какъ жаръ.

— Богъ милости прислалъ, кумушки, привѣтствовала ихъ Прасковья Даниловна, входя,—какъ вы тутъ управляетесь?

— Да что, матушка, всѣ пироги пережгли, куръ перепалили. Слышь, какой гарью пахнетъ.

— Слышу, слышу! спасибо вамъ, что хозяйское добро портите! А насъ цѣлая гурьба идетъ.

— Милости просимъ, про всѣхъ хватитъ.

Подошелъ и Гуръ вмѣстѣ съ молодыми, которыхъ онъ встрѣтилъ въ гостиномъ дворѣ, который въ тѣ времена помѣщался между Мойкой и адмиралтействомъ на Невской прешпективѣ. Пока они раздѣвались, явились еще два кума, и въ домикѣ Гура стало шумно и тѣсновато. Всѣ поздравляли Гура съ успѣхомъ въ его тяжбѣ съ графомъ; Гуръ передъ закуской пригласилъ всѣхъ выпить. Къ столику съ водкой подошли Гуръ, подъячій и кумовья. Андрей Иванычъ конфузливо остался въ сторонѣ.

— Ну-ка, гости милые, выпьемте за царское здоровье и царскій судъ праведный.

— Выпить выпьемъ, а только конплектъ будто не полонъ: вонъ молодой-то человѣкъ остался.

— Это Андрей-то Иванычъ? — онъ не пьетъ, что красная дѣвушка; одначе, для такого важнаго случая иди сюда, Андрей Иванычъ, вѣдь ты сегодня обручаешься—пріучайся быть мужчиной!

Прапорщикъ сначала отнѣкивался, но долженъ былъ подойти и выпить чарочку водки, которая тотчасъ же его бросила въ жаръ и затуманила голову.

Пошли объятія и поздравленія.

— Ну, дай тебѣ Богъ владѣть да пользоваться! Нашелъ мужикъ правду, что господа спрятать хотѣли! Царское-то око, оно — что Божье око!— скрозь землю видитъ!

— А все, куманьки, вотъ этотъ другъ милый, Тарасъ Ѳедорычъ, обдѣлалъ: онъ у царя во дворцѣ дѣло это по ниточкѣ разобралъ и всѣ приказные узлы распуталъ. Безъ него заѣли бы меня сенатскіе—чисто голову на плаху неси.

— Это ужъ какъ есть! Кому что Богъ открылъ. Намъ бы вотъ, къ примѣру, ни въ жизть.

— У всякаго своя часть, сказалъ подъячій,—а вы по своему дѣлу мастаки.

— Да ужъ не подгадимъ, коли постараемся...

— Кто не подгадилъ? Гуръ Савишъ не подгадилъ? Никогда! Его и царь любитъ за то, что не гадилъ, забасилъ мастеръ голландецъ, переступая порогъ.

— Юганъ Карлычъ? вона какъ во-время поспѣлъ. Милости просимъ, сейчасъ только за пирогъ садимся. Ну-ка, ребята, еще съ новымъ-то гостемъ, съ мастеромъ-то съ моимъ, онъ до меня больно хорошъ.

— На карошъ—я карошъ, на худой—я худой! Ну, поздравляй тебѣ, што держаль викторію надъ графъ. Ну, все получиль и штрафъ получиль съ графъ?

— Здоро-овый штрафъ! и во снѣ не снился такой! Почешетъ теперь затылокъ-то графъ, отвѣтилъ Гуръ.

— Гости дорогіе! милости просимъ къ пирожку! пригласила всѣхъ Прасковья Даниловна за столъ.

Къ концу обѣда, когда гости и гостьи уже немножко разгорѣлись отъ рюмочекъ, и даже Андрей Иванычъ и Нюша, которыхъ заставили выпить вмѣстѣ, раскраснѣлись, какъ піонъ, и, часто переглядываясь горящими глазами, жали другъ другу руку, къ дому Гура подкатила таратаечка.

— А вотъ и батюшка! сказалъ Гуръ,—ну, дѣти милые, вставайте изъ-за стола,—сейчасъ за васъ примемся!

— Миръ дому сему, привѣтствовалъ, войдя, священникъ,—да у васъ тутъ, я вижу, пиръ горой.

— Царское здоровье, батюшка, пьемъ, царскій судъ празднуемъ: нонѣ царь меня съ графомъ разсудилъ, дай Богъ ему многія лѣта! И вотъ отдаю я дочь свою старшую за слугу царскаго: пущай его державѣ добрые работники будутъ плодиться.

— Доброе дѣло! христіанское дѣло! поздравляю съ успѣхомъ.

— Ужъ не побрезгайте, батюшка, на сухую-то поздравлять неладно, не откажите!

— Кто-жъ даромъ Божьимъ брезгаетъ? вино веселитъ сердце человѣка. Ну, еще разъ поздравляю съ двойною радостію. Одно дѣло-то счастливо скончалъ,—другое дѣло дай Богъ счастливо начать и вожделѣннаго окончанія дождаться.

Священникъ выпилъ и сталъ закусывать.

— Вотъ вѣдь какъ хорошо батюшка сказалъ, зашептали женщины.

Когда жениха съ невѣстой поставили передъ образомъ рядомъ, и они, пылающіе краской волненія, молодые и свѣжіе, пышущіе здоровьемъ и красотой, представили прекрасную пару, — всѣ глядѣвшіе на нихъ не могли удержаться отъ одобрительнаго шопота, сдерживаемаго торжественностью минуты наступающаго святого обряда. Юганъ Карлычъ крякнулъ и поцѣловалъ кончики пальцевъ.

Священникъ началъ читать молитвы, всѣ присутствующіе усердно крестились, Гуръ съ женой встали на колѣни и горячо просили Бога о счастьи для ихъ дочери. Даже Юганъ Карлычъ сложилъ молитвенно руки и опустилъ голову.

Обрядъ обрученія кончился; священникъ уѣхалъ домой, Юганъ Карлычъ, торопясь на работу, ушелъ въ адмиралтейство и оставшіеся свои семейные люди начали обсуждать свои дѣла.

— Вотъ мы Андрея Иваныча на службу снаря-

димъ, тамъ онъ чинъ получитъ, а къ тому времени и мы; можетъ, попросимся у царя туда же для заготовки дубоваго лѣса на корабли.

— Я, Гуръ Савичъ, чинъ получу, какъ на мѣсто прiѣду.

— Ты получишь чинъ, — а мы тебѣ къ чину женку пришлемъ! Ужъ отпрошусь у царя, поѣду самъ съ бабой на свадьбу къ тебѣ... Что это? быдто кого-то еще Богъ даетъ? Кто бы это былъ? прервалъ Гуръ рѣчь, заслышавъ стукъ экипажа.

— Батюшки родимые! вдругъ завопилъ Гуръ, разглядѣвъ гостя,—жена! дѣти! Андрей Иванычъ. Падайте батюшкѣ-царю въ ноги! Онъ!.. Онъ самъ припожаловалъ!..

На минуту поднялась страшная суматоха, и какъ только отворилась низенькая дверца и въ ней показалась согнутая фигура царя,—вся семья Гура и подъячiй съ женой сдѣлали царю земной поклонъ.

— Спасибо, батюшка царь! отъ смерти избавилъ и новую жизнь далъ! сказалъ Гуръ, ловя царскую руку.

— Полно, Гуръ, полно!.. Встань!.. Встаньте всѣ! Что больно много народу благодарятъ?

— Семьишка моя, государь, все... А это вотъ зять мой будущiй, Андрей Турбинъ, а это...

— Турбина знаю и этого знаю! — Законникъ!.. Важный крючокъ, — хошь какую хошь рыбу подловитъ!.. У меня до тебя, подъячiй, впереди слово, а пока, поди-ка, Гуръ, въ сторонку, поговоримъ.

Царь съ Гуромъ ушли въ заднюю комнату.

— Получилъ, Гуръ, сенатскій приговоръ?

— Получилъ, государь, получилъ.

— Просили у тебя прощенья сенаторы?

— Просили, государь. Князь Долгорукій присылалъ за мной рыдванъ и меня къ себѣ пригласилъ и тамъ всѣ сенаторы были, дали мнѣ приговоръ, а потомъ князь Яковъ Ѳедорычъ прощенья за всѣхъ просилъ, и выпили мы съ нимъ на мировую...

— Ну, хорошо! коли такъ, и я ихъ прощу теперь!.. А штрафу по двѣсти рублей съ каждаго на гошпиталь взыскалъ ужъ, а съ Меншикова всю полтысячу за неправый судъ и потворство знакомымъ. У меня закономъ не шути!.. Вѣдь я твоему подъячему обязанъ, что правду узналъ. Призвалъ я его, да секретаря сенатскаго во дворецъ: «разбирайте, говорю, дѣло, а потомъ меня позовите!» Свелъ, эдакъ, двухъ крюковъ, а самъ рядомъ слушаю. Они на свободѣ-то, въ спорѣ всю правду и обнаружили. Молодецъ твой подъячій!.. Я его въ адмиралтейскую коллегію секретаремъ поставлю.

— Знающій, кажись, человѣкъ.

— Да. Однако, пойдемъ туда. Что это сегодня у тебя за праздникъ?.. Выигрышъ празднуешь?

— Царскій судъ праздную, государь, а потомъ дочку сегодня обручилъ съ твоимъ слугой вѣрнымъ, съ Андреемъ Ивановичемъ Турбинымъ, говорилъ Гуръ, слѣдуя за государемъ къ гостямъ.

— А! вотъ какъ!.. Такъ, значитъ, я кстати сюда пріѣхалъ.

Государь сѣлъ за столъ и подозвалъ къ себѣ Нюшу; Андрей Иванычъ стоялъ на вытяжку, страшно робѣя, подъячій тоже немножко струсилъ; бабы изъ другой комнаты съ любопытствомъ разглядывали царя.

— Какая ты миленькая, сказалъ Петръ, взявъ Нюшу за подбородокъ, отчего та вся заалѣла,— у твоего жениха губа не дура. Ну, да и онъ молодецъ, кажется.

— Поздравь, всемилостивѣйшій, молодыхъ, просилъ Гуръ въ то время, какъ жена его держала передъ царемъ на подносѣ серебряную чарочку.

— Надо, надо!.. Ну, жить вамъ да поживать, а мнѣ дѣтей на службу давать.

Петръ выпилъ, а Прасковья Даниловна поднесла въ это время кусокъ еще теплаго пирога.

— Хорошъ пирогъ! похвалилъ царь, — видно, что у тебя хозяйка хорошая, Гуръ.

— Я своей семьей доволенъ, государь, отвѣчалъ Гуръ, кланяясь за похвалу, — только вотъ дѣвку-то скоро придется въ дальніе края отпускать. Жалко, государь.

— Какъ такъ? зачѣмъ?

— А затѣмъ, вишь ты, государь, что женихъ-отъ ейный, Андрей-то Иванычъ, вотъ этотъ, по твоему приказу, въ дальніе украйные города ѣдетъ скоро.

Государь посмотрѣлъ на прапорщика, статуею стоявшаго у стѣны, руки по швамъ.

— Турбинъ? Нѣтъ. Онъ, кажется, остается здѣсь. Ты былъ на смотру, на царицыной площадкѣ, въ саду?

— Былъ, ваше величество, отвѣчалъ Турбинъ.

— Ну, такъ за отличіе ты переведенъ въ Измайловскій полкъ и остаешься здѣсь. Такой бравый малый. Ты и здѣсь пригодишься.

— Спасибо, государь, за новую милость, поклонился Гуръ.

— Это не милость, а прежде само сдѣлалось, я только вспомнилъ... радъ, что кстати пришлось. Вѣдь, кстати тебѣ, дѣвушка? спросилъ Петръ, привлекая Нюшу за талію къ себѣ.

Нюша не могла отвѣтить ни слова.

— Вижу, что кстати, красавица! Ну, поцѣлуй меня за это, что я жениха твоего не угналъ.

Дѣвушка, пересиливая конфузъ, поцѣловала Петра въ щеку.

— Вотъ, молодецъ-дѣвка! Не прогнала старика.

Всѣ залились дружнымъ смѣхомъ при этой шуткѣ царя.

Поговоривъ еще минутъ пять съ гостями, царь поднялся уѣзжать и обратился къ Тарасу Ѳедорычу:

— А ты, подъячій, приди завтра въ адмиралтейскую коллегію и подожди тамъ меня. Мнѣ такіе дѣльцы, какъ ты, надобны.

Подъячій бросился къ рукѣ царя, за нимъ и жена его.

— Ладно, ладно! Ну, а теперь до свиданія, Гуръ. И чтобы завтра не гулять и быть на верфи.

Сопровождаемый общими поклонами, благодареніями и пожеланіями, Петръ едва освободилъ свои руки отъ лобызаній и уѣхалъ.

Можно бы много страницъ занять описаніемъ той общей и глубокой радости, какую оставилъ послѣ себя великій царь въ домикѣ Гура. Его нѣсколько милостивыхъ словъ дополнили, удвоили, удесятерили счастіе нашихъ знакомцевъ: Гура, подъячаго и молодыхъ обрученныхъ...

Заключеніе.

До поздняго вечера сидѣли гости у Гура; много было переговорено разговоровъ, и, между прочимъ, Гуръ съ подъячимъ заспорили:

— Вотъ что значитъ, сказалъ Гуръ,—въ правду-то вѣрить! Добивайся ее—и всегда найдешь. На самаго сильнаго врага, коли ты правъ, иди—и борись съ нимъ.

— Нѣтъ, не такъ! возразилъ подъячій, — это если мы съ тобой такъ счастливо съ сильнымъ человѣкомъ справились и свою бѣдную правду изъ богатаго кармана вытащили,—такъ это другимъ не примѣръ. Наша съ тобой, Гуръ Савичъ, побѣда—это чистое чудо, а на чудеса полагаться не надо никому: съ однимъ было, а съ другимъ не будетъ. Да мы хоть чудомъ и побѣдили, да зато сколько смертнаго страху натерпѣлись!..

